

Региональная общественная организация
«ИНСТИТУТ ПЕТЕРБУРГА»

Открытые слушания «Института Петербурга»

Ежегодные конференции
по проблемам петербурговедения
2019–2020 гг.

Санкт-Петербург
2021

Открытые слушания «Института Петербурга»: ежегодные конференции по проблемам петербурговедения, 2019–2020 гг. / сост. А. В. Князькина; ред. С. Д. Мангутова. — Санкт-Петербург, 2021. — 158 с.

Составитель: **А. В. Князькина**

Ответственный редактор: **С. Д. Мангутова**, канд. пед. наук

В оформлении обложки использована фотография **А. Б. Филиппова**

Контактные данные:

РОО «Институт Петербурга»

191123, Санкт-Петербург, Захарьевская ул., 14, пом.43

E-mail: institute_spb@mail.ru

Веб-сайт: www.institutspb.ru

Подписано в печать 00.00.2021. Усл. печ. л. 0,0.
Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура NewtonC. Тираж 200 экз.
Заказ 5879.

Отпечатано в типографии ООО «Политехника Сервис»
Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д.

© РОО «Институт Петербурга», 2021
© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>А. А. Абакумов</i> Семантика ротонды в современной архитектуре города	7
<i>О. М. Азовцева</i> История «Дома пяти инженеров» (Кронверский пр., 5).	11
<i>С. В. Выжеский</i> Антонио Порта — забытый архитектор Павловска и Петербурга?	26
<i>В. Ю. Гоголев</i> Николай Густавович Линден — предприниматель, издатель, меценат. . .	43
<i>Н. Б. Горбунов</i> Роман Геннадия Алексеева «Зеленые берега» как литературный путеводитель.	55
<i>Е. Ю. Дюк</i> «Безумная больница» на 17-й версте Петергофской дороги	63
<i>А. С. Лисицына</i> Дома-близнецы А. Х. Пеля: история проектирования и строительства доходных домов немецкой лютеранской церкви Св. Петра на Большой Конюшенной, 12 и Малой Конюшенной, 7	75
<i>А. С. Лисицына</i> Утраченная часовня архитектора И. Вольфа на Волковском лютеранском кладбище в Петербурге	88
<i>О. С. Максимов</i> Известные произведения малоизвестного скульптора П. П. Каменского	100

<i>О. А. Максимов</i> Лев Лагорио. Некоторые факты биографии известного мариниста	111
<i>В. А. Маркевич</i> Яков Журавский — первый настоятель Серафимовской церкви в Новой Деревне.	119
<i>И. Ю. Тыхеева</i> О публичном выражении народного сопротивления в Ленинграде в 1953–1960 гг.	130
<i>А. В. Филимонова</i> Особняк Мусина-Пушкина под флагом Красного Креста. Первая мировая война	145
Список сокращений	156
Краткие сведения об авторах	157

ПРЕДИСЛОВИЕ

17-й сборник открытых слушаний «Института Петербурга» выходит в год 30-летия нашей общественной организации. Но юбилейной статьи здесь не будет. Не то, чтобы нам нечего предъявить в качестве итогов и нечего вспомнить. Есть, и даже многое. И у нас еще будет в этом году повод вспомнить об основателях и наших славных делах. Здесь хочется в нескольких словах проанализировать наше исследовательское направление, сравнивая первый и последний сборники.

В издание, которое вышло в 1994 году, включались только тезисы докладов, прозвучавших на первых открытых слушаниях. Сегодня сборник включает в себя полноценные статьи со ссылками на источники. Исследователи вводят в научный оборот множество новых фактов, работают с мемуарами и дневниками, научной литературой и периодическими изданиями, архивными документами и интернет-ресурсами, тщательно проверяя все факты.

Традиционно тематика этих работ очень разнообразна. Разброс тем свидетельствует о том, насколько широк диапазон интересов у слушателей Института и насколько сами они разные по возрасту, профессии, личным склонностям. Но объединяет все эти темы наш город, неравнодушные к его прошлому, к его сегодняшним проблемам. Великое богатство его истории и культуры побуждает искать, творить и делиться своими находками.

Открывают издание размышления А. А. Абакумова о формировании сегодняшнего облика города через семантику такого элемента как ротонда, о непрекращающейся важности в этом вопросе взаимоотношений «заказчик» — «творец».

В статье С. В. Выжевского на основе документов и сравнительного анализа уточняется авторство архитектора А. Порга для некоторых известных объектов Павловска и Петербурга.

По архивным данным Е. Ю. Динок впервые подробно описала период бытования Новознаменской усадьбы в качестве уникальной по своим методам психиатрической колонии.

О. М. Азовцева дополнила биографию известного дома «Пяти инженеров» на Кронверкском проспекте историей Второго Каменноостровского Товарищества для устройства квартир в Санкт-Петербурге, членами которого были те самые пять инженеров, а также уточнила первоначальное по-

этажное устройство дома. Впервые мы подробно узнаём об Институте социально-индивидуального воспитания, размещавшемся в этом доме после революции.

В подробных архивных изысканиях А. С. Лисицыной можем проследить за формированием ансамбля вокруг немецкой лютеранской церкви Св. Петра на примере проектирования и строительства доходных домов А. Пеля и поговорить об утраченной часовне Волковского лютеранского кладбища.

О. А. Максимов, продолжая изучать судьбу семьи оперной певицы Марии Каменской, открывает для нас скульптора П. П. Каменского. Он не снижал славы и известности, но оставил после себя заметные произведения скульптуры и мелкой пластики, которые находятся в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, в Эрмитаже и Этнографическом музее. Ещё одна статья этого же автора раскрывает новые страницы истории семьи известного живописца Л. Лагорио, представителя древнего итальянского рода, оказавшегося в начале XIX века в Крыму.

В работе В. А. Маркевич впервые написана трагическая биография первого настоятеля Серафимовской церкви в Новой Деревне Якова Журавского, имя которого ранее практически не упоминалось в связи с этой церковью.

Новые страницы бытования известного здания на Литейном проспекте, бывшем особняке князя П. А. Урусова, графов Мусиных-Пушкиных, где ныне располагается Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова, описала А. В. Филимонова. Речь идёт об Управлении Главноуполномоченного Северного района Российского общества Красного Креста, функционировавшего здесь в период Великой войны.

Актуально звучит сегодня работа И. Ю. Тыхеевой, в которой осмысливаются процессы публичного сопротивления, выражения гражданской позиции и недовольства в Ленинграде полувековой давности. Становится понятным, насколько эти явления были многочисленны и наказуемы.

И, наконец, совершенно новый взгляд на возможность изучения города через литературное произведение даёт Н.Б. Горбунов. В качестве материала для краеведческих маршрутов он выбрал роман Геннадия Алексеева «Зелёные берега».

Желаю вам приятного чтения!

*Председатель Совета РОО «Институт Петербурга»
Алла Вячеславовна Князькина*

А. А. Абакумов

СЕМАНТИКА РОТОНДЫ В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ГОРОДА

Есть виды искусства, не требующие для своего воплощения больших материальных затрат. Поэт, например, может сочинить стихотворение «в голове», прочитать его перед аудиторией, и оно станет литературным фактом. Архитектура же, наоборот, весьма «затратный» жанр. Здесь, чтобы художник реализовал свой замысел, нужны значительные финансовые вложения. Поэтому в архитектуре так важны взаимоотношения заказчик-творец. У заказчика присутствуют деньги и требования, у архитектора — свое видение возводимого сооружения. В случае, когда у заказчика есть очень большие деньги, а вкусом он не отличается, возникают «ножницы», иногда приводящие к неожиданным результатам.

В истории Петербурга было по крайней мере два периода, когда в строительство приходили заказчики с небольшим вкусом, но большими деньгами — время реформ Александра II и с 90-х годов прошлого века по сегодняшний день.

Когда в 1870-е годы стали строиться доходные дома в стиле итальянских палаццо, Федор Михайлович Достоевский в «Маленьких картинках» так излагал требования заказчика: «Дожевское-то окно ты мне, братец, поставь неотменно, потому, чем я хуже какого-нибудь ихнего голоштанного дожа; ну, а пять-то этажей ты мне все-таки выведи жильцов пускать; окно-окном, а этажи чтоб этажами; не могу же я из-за игрушек всего нашего капитала лишиться» (Дневник писателя. 1873)¹.

Современный период потери вкуса столь яркими литературными цитатами еще не обзавелся, но характеризуется тем, что упомянутые «ножницы» не исчезли, но «сдвинулись» — в сторону взаимного равнодушия к стилистическим решениям. Попытаемся продемонстрировать это на примере появления в новом облике города такого элемента как ротонда.

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. М., 1980. Т. 21. С. 107.

В архитектуре под ротондой подразумевают и здание круглой формы (в плане) и круглую колоннаду-беседку (перекрытую куполом, либо нет). В нашем рассказе основное внимание уделено именно ротонде-беседке.

Подобное сооружение получило и специальное обозначение — бельведер, от итальянского «красивый вид». Подразумевался при этом, конечно, ракурс обзора «изнутри»-«наружу». То есть находясь в ротонде, вы можете любоваться открывающимся перед вами видом. Поэтому бельведеры, как правило, располагались на возвышении. Однако в новейшее время стало возможным говорить и о появлении «декоративного» бельведера, из которого принципиально нельзя обозреть окрестность, просто потому что в него нет прохода, но наличие подобного элемента на здании обеспечивает ракурс обзора «снизу»-«вверх». Так сказать, «красивый вид» снизу. В Петербурге такой функцией, например, обладают ротонда здания бумагопрядильной мануфактуры (наб. Обводного канала, 223-225), и ротонда особняка С. Чаева на Каменном острове (наб. Малой Невки, 16).

Эти два бельведера разделяют 80 лет, но объединяет расположение вне исторического центра. В то же время за последние двадцать пять лет в городе появилось существенно большее количество бельведеров, причем не только на периферии (ул. Савушкина, 117, к. 2; пр. Ветеранов, 138; Торжковская ул., 3; ул. Профессора Попова, 27), но и непосредственно в историческом центре. Это гостиница по адресу: Суворовский проспект, 18; бизнес-центр на Загородном проспекте, 39/70. Но самым «бельведерным», конечно, является «Регент-холл»: Владимирский проспект, 21. На здании целых две ротонды: малая выходит на Загородный проспект, большая — на Владимирскую площадь. Причем через большую к тому же пропущена балюстрада. Следуя лексике гоголевского Ноздрева, такое сооружение можно было бы назвать «ротонда матрадура» — «двойная ротонда».

Представляется, что подобное частое использование темы ротонды вызвано тем, что, и заказчик, и строитель, взаимно, в силу внешних обстоятельств, понизившие свой вкусовой «порог», здесь вышли из области собственно архитектурных решений и оказались в сфере действия архетипов подсознания.

Для обоснования данного положения давайте вспомним весьма распространенный сюжет пейзажа наивной живописи, которая практически «напрямую» работает с архетипами. Сюжет этот — гладь озера (пруда), лебедь (с отражением) и *ротонда* на берегу означенной глади. Таким образом, ротонда у наивов — олицетворение покоя и безмятежности. Подумаем, почему?

Да, на уровне обыденного восприятия пребывание в ротонде ассоциируется с бездельем, отдохновением, пустым времяпрепровождением. Но ведь

вызвано это ощущение в том числе и тем, что в ротонде время, действительно, убивается самым буквальным образом. В ясный день она по сути вариант солнечных часов. Солнце, каждый раз исчезая за следующей колонной, отмечает для вас течение времени. Подчеркиваем именно эпизод тактильного взаимодействия: вы неподвижны, а солнце периодически касается вас. (Если немного отклониться в сторону социологии, то связка «человек-ротонда-солнце» реализует самую настоящую **безделушку**. В безделушке крайне важен момент её тактильного бытования. Солнце касается вас, вы для солнца — безделушка).

Раз мы заговорили о контактах человека и Солнца, значит пришла пора вспомнить самую древнюю и знаменитую ротонду — Стоунхендж. Стоунхендж — сакральная обсерватория, или, если угодно, обсерватория сакрального.

Итак, у нас уже имеются следующие актуализации ротонды — Стоунхендж, инструмент взаимодействия с высшим светилом, и ротонда как воплощение безмятежности и покоя в наивной живописи.

Добавим к этому перечню еще один предмет, по форме совпадающий с ротондой — корону. Корона — символ и атрибут высшей власти. И, что характерно, на уровне обыденного сознания высшая власть вполне может находиться в одном смысловом ряду с представлением о покое, неколебимости. Когнитивный психолог в таком случае скажет, что перед нами ряд объектов, семантически связанных с представлением о стабильности и трансляции высших сил, и, при этом, схожих по форме. А, значит, возможен такой уровень восприятия, на котором эти объекты взаимозаменяемы. Говоря проще, если заказчик желает заявить «Я король мира!», он *готов* видеть на своем здании корону. Но корона, увы, не входит в общественно одобряемый репертуар архитектурных форм. И тогда он подсознательно замещает её ротондой, в чем ему потакает проектировщик.

Справедливость нашего тезиса подтверждается дальнейшей эволюцией бельведера в современной архитектуре жилых зданий. Понятно, что законным «наследником» бельведера выступает пентхаус как символ элитарного отдыха. А элитарный отдых — обязательный атрибут повелителя мира. Пентхаус реализовал в себе суть ротонды и суть короны. Он задает и прекрасный вид «сверху-вниз», и заставляет учащенно биться сердце обывателя, глядящего «снизу-вверх». В Москве, где у заказчика «труба повыше, а дым погуще», эта тема вполне осознанно реализована в жилом комплексе «Алые паруса».

В заключение отметим еще два побочных сюжета.

В архитектуре Петербурга период конца XVIII – начала XIX века также отмечен популярностью ротонды, достаточно назвать работы Н. А. Львова.

Но вызван он был увлечением аристократии масонством, а в шотландском обряде посвящения ротонда — символ одного из высших градусов. К нашим примерам масонство, конечно, отношение не имеет.

Второй сюжет связан с формой колонн современных ротонд. Классическая «античная» колонна — тело вращения цилиндрической формы, но, отнюдь, не геометрический цилиндр. Она сужается кверху по достаточно строгим канонам эстетики. С точки зрения существующих строительных технологий в наши дни классическую колонну изготовить проще, чем две с половиной тысячи лет назад. Но во всех перечисленных современных городских бельведерах колонны исполнены как цилиндры, что свидетельствует о смене шкалы эстетических категорий. Если раньше оценка производилась в критериях «красиво-некрасиво», то в наши дни — «круто-отстой». И корона на уровне подсознания отвечает критерию *круто*. Красота в этом случае не так важна.

О. М. Азовцева

«ДОМ ПЯТИ ИНЖЕНЕРОВ» НА КРОНВЕРКСКОМ ПРОСПЕКТЕ

История «Дома пяти инженеров» — это хронологическое изложение биографии современного здания под № 5 на Кронверкском проспекте, в ходе которого предложена версия возникновения названия дома.

История начинается с учреждения Второго Каменноостровского Товарищества для устройства квартир в Санкт-Петербурге, устав которого был рассмотрен и утвержден Императором 2 июля 1913 г.¹

Целью учреждения Товарищества (квартировладельческого кооператива) являлось предоставление своим членам удобных и постоянных квартир в Петербурге. Учредителями стали: инженер путей сообщения Яков Адольфович Абрагамсон, инженер-технолог Леон Исидорович Гольдштауб, инженер-технолог Иван Бернардович Кафталь и гражданский инженер Александр Иванович Клейн².

При вступлении в Товарищество каждый член уплачивал вступительный взнос в размере 1 рубль на пай, стоимостью в 200 рублей, и приобретал число паев, соответствующее стоимости желаемой квартиры, которая предоставлялась ему в постоянное пользование³.

Проект единственного построенного кооперативом здания был рассмотрен и утвержден Отделом Частновладельческого Строительства Санкт-Петербургской городской управы 18 июля 1913 г. за № 80⁴.

Чертежи проекта подписаны учредителем Товарищества, гражданским инженером Александром Ивановичем Клейном⁵ (1879–1961).

¹ Устав Второго Каменноостровского товарищества для устройства квартир в С.-Петербурге. СПб., 1913. С. 1.

² Там же.

³ Там же. С. 3.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7954. Л. 15.

⁵ Ведомость ходатайствам о постройках, поступивших в Петроградскую Городскую Управу с 21 по 28 июня // Зодчий. 1915. № 27. С. 274.

Дворовый портик и ограда. Ноябрь 2019 г. Статуи портика зачехлены.

Дворовое место (участок) было выкуплено у Александра Эдуардовича Коллинса в 1915 г.⁶

Возведенное в 1913–1914 гг. здание отличается от проекта (1913 г.) увеличившейся высотой за счет введения мансардного этажа. Измененный проект был одобрен Петроградской городской управой 4 августа 1915 г.⁷

Жилой дом с двумя флигелями боковым фасадом (лицевым) выходит на Кронверкский проспект. А. И. Клейн создал вариант неоренессансной композиции⁸, применив большой композитный ордер на три этажа на лицевом и дворе фасадах. Пятый этаж решен как аттиковый. Во втором дворе (со стороны Мечети) имеется мансардный этаж. Железная крыша здания ограждена парапетом с балюстрадой. Рельефы между капителями пилястр образуют сплошной лепной пояс. Центральный балкон второго этажа уличного фасада усилен крупными декоративными кронштейнами, оконные проемы на этом этаже украшены треугольными сандриками.

Интересна композиция портика дворового фасада, включающего парадный вход в здание. На рустованный первый этаж опираются четыре полу-

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7954. Л. 416.

⁷ Там же. Л. 41.

⁸ Лукомский Г. К. Современный Петербург : очерк истории возникновения и развития классического строительства (1900—1915 гг.) / комментарии Б. М. Кирикова. СПб. : Коло, 2002. С. 24.

Статуя льва у входа. Фото 2018 г.

колонны композитного ордера, охватывающие по высоте второй-четвертый этажи. Вертикальную устремленность ордерных форм на верху фасада продолжают четыре аллегорические статуи (две мужские фигуры и две женские).

По сторонам входа установлены две статуи лежащих львов, выполненные по двум моделям. Стену внутреннего двора (ограду) украшают маскароны в виде голов сатиров, под которыми установлены поддоны, и вазы с декоративными рельефами. Все скульптурные работы выполнены из бетона с гранитной крошкой по моделям скульптора Бориса Ивановича Яковлева (1884–1963)⁹.

Проход во двор расположен с краю, у южной границы участка, оформлен аркой с маскароном и рустованными трехчетвертными колоннами, обрамляющими ниши. Над проходом на уровне второго этажа устроена терраса. Такая же терраса расположена симметрично над въездом в гараж.

Именно художественная обработка двора является значимой в развитии неоклассической архитектуры Петербурга. В 1910-е гг. дворы редко включались в художественную композицию домов, поэтому этот двор Г. К. Лукомский отметил как один из лучших своего времени¹⁰.

⁹ Кривдина О. А., Тычинин Б. Б. Скульптура и скульпторы Санкт-Петербурга, 1703–2007. СПб. : Logos, 2007. С. 244.

¹⁰ Лукомский Г. К. Указ. соч. С. 87.

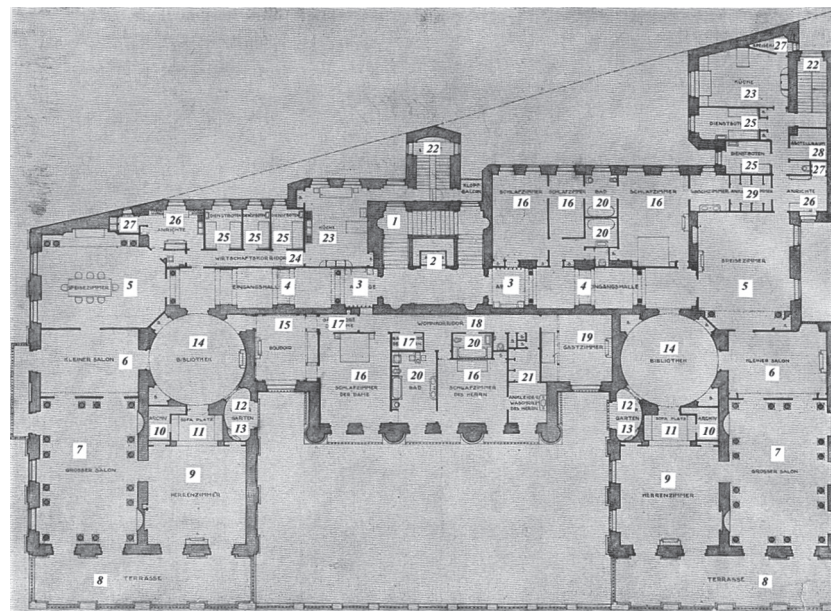
Ограда с маскаронами и декоративными вазами. Ноябрь 2019 г.

Бытовые и эстетические достоинства дома были высоко оценены архитектором А. Пурингом. В отзыве для Правления Петроградского городского кредитного общества от 3 сентября 1916 г. он отмечает, «...что строения... новой постройки содержатся превосходно, в отличном состоянии и выстроены из материалов очень хорошего качества, в капитальных частях они прочны... — отделка фасадов, парадной лестницы и большинства квартир высокого качества и большой художественной ценности ... парадная лестница обработана песчаником с тесаной орнаментацией, двери во всех парадных комнатах или дубовые или красного дерева или карельской березы, ... каминные вставки мраморные, потолки почти всюду лепные, и все это выполнено по специальным рисункам; кухни, ванны и клозеты оборудованы по последнему слову техники и гигиены. Отопление центральное, вентиляция электрическая»¹¹.

Пятиэтажное кирпичное оштукатуренное здание (полезной площадью 1128 кв. саженей $\approx 5132,4 \text{ м}^2$) в одной части на гранитных фундаментах имело жилые отапливаемые подвалы, в которых находились комнаты старшего и младшего дворников, истопника и швейцара; в другой — антресольный этаж над гаражами¹².

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9411. Л. 2.

¹² Там же. Л. 4, 6, 8.

План 2, 3, 4, 5-го этажа.

Цифрами обозначены помещения: 1 — Парадная лестница, 2 — Лифт, 3 — Прихожая, 4 — Входной вестибюль, 5 — Столовая, 6 — Малый зал (салон), 7 — Большой зал (салон), 8 — Терраса на 2-м этаже, 9 — Кабинет (мужская комната), 10 — Архив, 11 — Комната с диванами, 12 — Зимний сад, 13 — Грот, 14 — Библиотека, 15 — Будуар, 16 — Спальня, 17 — Гардеробная, 18 — Жилой коридор, 19 — Гостиная, 20 — Ванная комната, 21 — Душевая с гардеробной, 22 — Черная лестница, 23 — Кухня, 24 — Хозяйственный коридор, 25 — Комната прислуги, 26 — Буфетная, 27 — Кладовая, 28 — Чулан, 29 — Прачечная.

С первого (антресольного) по пятый этажи и в мансарде размещались квартиры, отличающиеся по стоимости и количеству комнат: от 500 рублей годовой платы за одну комнату с общими кухней и столовой (на антресолях) до 12 тыс. рублей в год — за одиннадцать комнат с десятью служебными помещениями и гаражом. Самыми дорогими были выходявшие окнами на проспект¹³.

Здание было оборудовано одноместным пассажирским лифтом, в который заходили с парадной лестницы¹⁴.

Со второго по пятый этажи на каждом размещались по две просторных квартиры (на первом этаже располагалась одна квартира под № 1 окнами на

¹³ Там же. Л. 7, 8.

¹⁴ Arbeiten von Alexandr Klein. St.-Petersburg — Berlin // Wasmuths Monatshefte für Baukunst. Berlin, 1926. № 8. S. 343.

проспект), в которых проживали члены Товарищества и арендаторы. Каждая квартира включала в себя: входной вестибюль, библиотеку, архив, зимний сад с гротом, кабинет, различное количество залов (столовую, гостиную, салоны и т. д.) и спален с гардеробными и ванными комнатами; а также служебные помещения (кухня, буфетная, комнаты для прислуги, кладовки, чуланы, прачечные)¹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что цель учреждения Второго Каменноостровского Товарищества для устройства квартир в Санкт-Петербурге — предоставление своим членам удобных и постоянных квартир, была достигнута. А дом № 5 на Кронверкском проспекте стал «...самым замечательным жилым домом А. Клейна в Петербурге...»¹⁶.

В городе дом называли «Домом пяти инженеров». Об этом свидетельствуют воспоминания Ф. В. Волькович-Мигачевой: «Жили мы уже на М. Горького¹⁷, 5 («Дом пяти инженеров»). <...> Этот дом строили пять инженеров, каждый имел по этажу (так говорили)»¹⁸.

Действительно, построили кооперативный дом (т.е. вложили свои капиталы в строительство) пять членов Товарищества (пять совладельцев дома): А. Ф. Рафалович, Л. И. Гольдштауб, И. Б. Кафталь, Я. А. Абрагамсон, и А. И. Клейн. Размещение было следующим¹⁹:

На первом этаже квартиру № 1 из десяти комнат и шести служебных помещений занимал Аркадий Федорович Рафалович, потомственный почетный гражданин, директор правления Товарищества Петроградского вагоностроительного завода, директор правления Общества Северо-Восточной Уральской железной дороги, председатель правления Русско-Французского коммерческого банка²⁰.

Он же владел квартирой № 11 в антресольном этаже.

На втором этаже в квартире № 2 из двенадцати комнат и восьми служебных помещений, окнами из комнат на проспект, жил Леон Исидорович

Гольдштауб (Гольдштаубе), инженер-технолог с 1905 г., член правления и директор-распорядитель русского Общества «Всеобщая компания электричества», являвшегося поставщиком устройств электрического освещения императорскому двору²¹, член правлений: акционерного общества для применения озона, акционерного общества «Соединенные кабельные заводы», член Совета съезда металло-обрабатывающей промышленности²². 22 декабря 1916 г. Л. И. Гольдштауб с семьей были утверждены Сенатом в правах потомственного почетного гражданства²³.

На третьем этаже в квартире № 4 из одиннадцати комнат, окнами на проспект, и восьми служебных помещений проживал Иван Бернадович Кафталь, потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии²⁴ (до 1913 г.), инженер-технолог, член правления Российского общества колониальной торговли, Член совета Петроградского Торгового банка²⁵.

На четвертом этаже в квартире № 7 из семи комнат, окнами во двор, и семи служебных помещений жил Яков Адольфович Абрагамсон, инженер путей сообщения, старший советник, работавший инженером в правлении Общества Волго-Бугульминской железной дороги; инспектор Петроградских железнодорожных курсов²⁶.

На пятом этаже в квартире № 8 из двенадцати комнат, окнами на проспект, и восьми служебных помещений жил гражданский инженер Александр Иванович Клейн, директор правления Товарищества борьбы с жилищной нуждой, состоявший также архитектором ряда акционерных обществ²⁷.

Отметим, что из пяти совладельцев дома четверо были инженерами (четыре учредителя Товарищества, проживавшие со 2-го по 5-й этаж).

А. Ф. Рафалович — пятый совладелец дома, имел промышленное свидетельство 1-го разряда на занятия «банкирскими делами при Санкт-Петербургской Бирже», в «Справочной книге о лицах Петроградского

²¹ РГИА. (Общество русское «Всеобщая компания электричества». Поставщики). URL: <http://www.fgurgia.ru/object/27767018> (дата обращения: 09.02.2019).

²² Весь Петербург на [1905–1917] год : адрес. и справ. кн. г. Петербурга. СПб. ; Пг. : А. С. Суворин, [1905–1917].

²³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 1258. (Гольдштауб с семьей, инженер-технолог). URL: <http://www.fgurgia.ru/object/27836552> (дата обращения: 04.01.2019).

²⁴ Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших... сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промышленные свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия, 1–5 разрядов на промышленные предприятия, 2 и 3 разрядов на личные промышленные занятия... [1865–1916] год. СПб. ; Пг., 1865–1916.

²⁵ Весь Петроград на 1917 год. Пг., [1917].

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. S. 341. Список других построек А. И. Клейна см.: Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века : справочник / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 160–161.

¹⁷ 23 сентября 1932 г. в связи с сорокалетием литературной и общественной деятельности А. М. Горького (1868–1936) Кронверкский проспект был переименован в проспект Максима Горького. Писатель жил в доме № 23 по этому проспекту с 1914 по 1921 гг. 4 октября 1991 г. проспекту было возвращено историческое название.

¹⁸ Цит. по: *Холодильни А. Н.* Ленинградский кораблестроительный : факультет — институт — университет. СПб. : Судостроение, 1992. С. 276.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9411. Л. 7, 8.

²⁰ Весь Петербург на [1894–1917] год : адрес. и справ. кн. г. Петербурга. СПб. ; Пг. : А. С. Суворин, [1894–1917] ; Весь Петроград на [1922–1923]. Пг., [1922–1923].

купечества...»²⁸ не приводится его инженерное звание, как не указано оно и в адресных справочных книгах²⁹.

Можно предположить, что деятельность А. Ф. Рафаловича в качестве директора и члена правлений акционерных обществ, выпускавших и эксплуатировавших инженерно сложную техническую продукцию, способствовала причислению к инженерам. Таким образом, с определенной вероятностью, объясняется происхождение названия «Дом пяти инженеров».

Часть квартир дома сдавалась Товариществом в наем³⁰ с условием, чтобы в квартире не устраивалось меблированных комнат, гостиниц, ремесленных, торговых и увеселительных заведений³¹.

Соседом по этажу А. И. Клейна был его сослуживец по акционерному обществу Федор Федорович Фосс, горный инженер, директор-распорядитель правления акционерного общества «Лысьвенский горный округ наследников графа П. П. Шувалова». Он проживал в квартире № 9³². Квартира выходила окнами во двор и состояла из 9 комнат и 6 служебных помещений.

Квартиру № 6 на четвертом этаже (окнами на проспект из 11 комнат и 10 служебных помещений) снимал Николай Иванович Докумайло.

В квартире № 5 на третьем этаже (окнами во двор из 4 комнат и 6 служебных помещений) жил директор правления Петроградского механического и литейного завода инженер-технолог Константин Иванович Шадинов³³.

Квартиру № 3 (окнами во двор из 9 комнат и 6 служебных помещений) на втором этаже снимал Анатолий Ефимович Шайкевич (1879–1947), помощник присяжного поверенного, член правлений: «Золотопромышленного общества «Мариинские прииски», «Амгунской золотопромышленной компании», кандидат в директора нефте-промышленного торгового общества «А. И. Манташев и К^о»³⁴. Также он известен как коллекционер, историк и критик балета³⁵.

²⁸ Справочная книга о лицах Петроградского купечества. 1913.

²⁹ Весь Петербург на [1906—1917] год. СПб. : Пг., [1906—1917].

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9411. Л. 7, 8.

³¹ Устав Второго Каменноостровского Товарищества... С. 5.

³² Весь Петроград на 1917 год. Пг., [1917].

³³ Там же.

³⁴ Весь Петроград на [1915, 1917] год. Пг., [1915, 1917].

³⁵ Тихонова Н. А. Девушка в синем : [воспоминания русской балерины / подготовка текста, послесл. и коммент. В. Чистяковой]. М. : Артист. Режиссер. Театр., 1992. С. 323. В 1917–1919 гг. Шайкевич совместно с балетмейстерами Б. Г. Романовым и П. П. Потемкиным написал сценарий балета «Сольвейг» (поставлен на сцене ГАТОБ, 1922 г.). В 1922 г. в Берлине Шайкевич выступил как организатор труппы «Русский Романтический театр». Печатался как балетный критик в берлинской, затем в парижской прессе.

В мансарде в квартире № 12 из 5 комнат и 2 служебных помещений жил граф Юрий Николаевич Головкин-Хвощинский – потомок сподвижника Петра Первого, канцлера Гаврилы Ивановича Головкина (1660–1734)³⁶.

Соседом графа по мансарде был Сергей? (неразборчиво — О. А.) Александрович Юрьевич, снимавший квартиру № 10 из 2 комнат и 2 служебных помещений.

Таким образом, в сентябре 1916 г. в «Доме пяти инженеров» занимали квартиры пять совладельцев дома и шесть нанимателей с семьями и прислугой.

Большинство жильцов представляли собой элиту предпринимательской дореволюционной России, были членами и директорами правлений акционерных обществ. После октябрьских событий 1917 г. их деятельность оказалась несовместимой с новыми экономическими и социальными условиями. Вероятнее всего они эмигрировали, как и их соседи Александр Иванович Клейн³⁷ и Анатолий Ефимович Шайкевич³⁸.

После революции одной из важнейших задач новой власти стало построение народной школы с целью воспитания нового советского человека. В результате реорганизации новая единая школьная сеть Петрограда в 1919 г. включала 383 городские школы, из них 188 школ с классами II ступени (среднее образование)³⁹.

В процессе становления и развития аппарата единой трудовой школы происходило более точное дифференцирование воспитанников. «...Детей, не поддающихся обычному педагогическому воздействию нормальной школы, но и не принадлежащих к числу умственно отсталых или с явно выраженными дефектами в моральной сфере ...», относили к трудно-воспитуемым⁴⁰. «Эти дети, не успевающие в общей среде своих сверстников и требуя, благодаря особенностям своей душевной сферы, исключительного внимания воспитателей и преподавателей, являлись лишь обузой для класса-группы, не получая сами необходимого им воспитания. Для урегулирования этого дела был создан сначала Институт социально-индивидуального воспитания (в 1919 г.⁴¹), а позже несколько школ того же названия, куда были взяты

³⁶ Любимов С. В. Титулованные роды Российской империи : опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворян. фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем. СПб., 1910. Т. 1. С. 97, 98.

³⁷ Эмигрировал в Германию в 1920 г. (Arbeiten von Alexandr Klein. St.-Petersburg — Berlin // Wasmuths Monatshefte für Baukunst. Berlin, 1926. № 8. S. 341).

³⁸ Уехал в Финляндию в 1919 г. (Тихонова Н. А. Указ. соч. С. 33).

³⁹ Очерки истории Ленинграда. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. Т. 3. С. 548, 549, 561.

⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 717. Л. 14.

⁴¹ Там же. Д. 1065. Л. 21.

из нормальных школ вышеупомянутые трудновоспитуемые дети. Там они были поставлены в особые условия, согласно требованиям их индивидуализации. Отдел народного образования стремился обеспечить их лучшими помещениями, снабдить их всем необходимым инвентарем, учебными пособиями и проч., а также предоставить им повышенную норму питания»⁴².

Институт находился в ведении Отдела народного образования (О.Н.О.) при Подотделе социального воспитания как учреждение социально-правовой охраны несовершеннолетних (для физически и морально дефективных детей)⁴³.

В «Дом пяти инженеров» Институт социально-индивидуального воспитания переехал в конце лета 1920 г. из здания на набережной Мойки, 106⁴⁴. В акте обследования института Рабоче-крестьянской инспекцией отмечалось «...лучшие пять больших комнат в каждой квартире предоставлены детям, остальные маленькие (от 1 ½ квадратной сажени (~6,8 м²) до 5 квадратных саженей⁴⁵ (~22,8 м²)) заняты служащими... все детские комнаты содержатся в лучшей опрятности и образцовой чистоте... всюду обилие света и воздуха...»⁴⁶.

В весенне-летний период 1921 г. при Институте социально-индивидуального воспитания работали краткосрочные Курсы по подготовке работников для учреждений для трудновоспитуемых детей. Дисциплину «Основные вопросы педагогики трудновоспитуемых детей» преподавал директор института Александр Петрович Савченко, 1884 года рождения, окончивший Петроградский университет по специальности «история, педагогика», работавший в Институте с октября 1919 г.⁴⁷

С декабря 1921 по 1924 гг. Институт входил в состав структуры Государственной психоневрологической академии, оставаясь в ведомстве О.Н.О. и располагался в ведомственном здании О.Н.О. на Кронверкском проспекте, 5. Задачами были: изучение типа трудновоспитуемого ребенка, методов его воспитания и обучения и исследование причин, порождающих трудновоспитуемость; а также теоретическая и практическая подготовка работников с трудновоспитуемыми детьми⁴⁸.

Отделом народного образования в интернат Института направлялись мальчики и девочки в возрасте от пяти до пятнадцати лет (чаще всего

⁴² ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 717. Л. 14.

⁴³ Весь Петроград на [1922–1923] год. Пг., [1922–1923]; Весь Ленинград на [1924–1940] год. Л., 1924–1933.

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 3. Д. 280; Ф. Р-2551. Оп. 1. Д. 1146.

⁴⁵ Там же. Р-1963. Оп. 180. Д. 336. Л. 462, 464.

⁴⁶ Там же. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 2723. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 1065. Л. 2, 19.

⁴⁸ Там же. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 2723. Л. 2.

страдающие нервными расстройствами). Школьники проходили обучение в классах I-й ступени. Воспитанники двух последних возрастных групп занимались в мастерских (слесарное ремесло, столярное ремесло, сапожное дело). На 20 человек воспитанников приходился один воспитатель-преподаватель. Дети пользовались библиотекой и читальней, устраивались обсуждения прочитанных книг. В течение года посещали последовательно все музеи и сады⁴⁹. Занятия проходили с использованием музыкальных инструментов, игр (волшебных фокусов), в гимнастическом и театральном залах⁵⁰.

При учреждении имелся лазарет-изолятор, состоящий из трех комнат, на 10 кроватей и амбулатория, обслуживающая институт⁵¹.

Выпущенные воспитанники продолжали обучение в нормальных школах. В 1922 г. из выпускников возвращений обратно в интернат не было⁵².

С августа 1924 г. директором института был назначен заведующий учебной частью Николай Павлович Комаров⁵³.

С 1925 г. институт стал называться Институтом социально-индивидуального перевоспитания, а со второй половины 1926 г. — Областным институтом социального воспитания⁵⁴.

В разные годы существования Института социально-индивидуального воспитания в «Доме пяти инженеров» количество детей в интернате составляло от 115 человек на 10 сентября 1922 г. до 240 — в 1928 г. На них приходилось:

– 30–35 человек педагогического состава служащих института: воспитатели, преподаватели, педагоги, заведующий институтом, заведующий учебной частью, заведующий интернатом, психологи, врачи;

– 17–20 человек работников хозяйственных служб: кухарки, кастаньяши, уборщицы, дворники, прачки, кочегары, электрик, водопроводчик, делопроизводитель, экономка, переплетчики.

В ведомственном доме в основном проживали (кроме детей в интернате) служащие института с семьями, очень редко работники других учреждений, подведомственных отделу народного образования, также очень редко работники других предприятий, не приходившиеся родственниками работникам института.

В 1930 г. Областной институт социального воспитания выехал из «Дома пяти инженеров». Летом того же года здесь был размещен

⁴⁹ Там же. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 1065. Л. 21.

⁵⁰ Там же. Д. 717.

⁵¹ Там же. Д. 2723. Л. 2.

⁵² Там же. Д. 1065. Л. 21.

⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 1065. Л. 26.

⁵⁴ Там же. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 5892; Д. 5899.

вновь образованный Ленинградский кораблестроительный институт: с общежитием и учебными аудиториями⁵⁵, насчитывающий 465 студентов⁵⁶.

К началу первого учебного (1930/1931) года здание подверглось небольшому ремонту и реконструкции по приведению помещений в учебный и жилой вид силами студентов «...освободили ванную от ванны, поставили кровать, над ней ещё одну, и получилась как каюта на корабле. <...> На каждом этаже, начиная с третьего, с видом на Неву был грот со стеклянной дверью. Сверху с потолка свешивались stalactites, внизу была раковина, в которой был маленький фонтанчик. Раковина вместе с фонтанчиком острожно была снята и поставлена кровать. На каждом этаже в гротах жили по девушке... На каждом этаже были залы: на 3-м этаже — отделанный розовым мрамором, на 4-м был белый зал, кончавшийся зеркальными торцевыми стенками и украшенный белыми тоненькими колоннами, которые отражались в зеркальных стенках и создавали впечатление длинного зала. В этих красивых залах были читальни. Собственно в комнате только спали, так как ели в столовой, а занимались в учебных комнатах»⁵⁷.

Разместился институт очень тесно: не хватало аудиторий для учебных и домашних занятий⁵⁸, библиотека насчитывала всего 3,5 тыс. книг. Лабораторные занятия приходилось проводить в лабораториях других вузов⁵⁹.

Следующий учебный год (1931/1932) начался на Лощманской улице, в доме № 3, два этажа которого (из четырех) были освобождены для института, в старом помещении осталось общежитие.

Общежитие включало 120 жилых комнат для студентов, комнаты отдыха и учебные помещения, а также бытовые мастерские и прачечную. По итогам 1936/1937 учебного года студенческое общежитие на проспекте Максима Горького, дом № 5, было признано лучшим в городе. Перед войной в нем проживало 625 студентов⁶⁰.

В первые дни Великой Отечественной войны большая часть сотрудников, преподавателей и студентов ЛКИ были призваны в 264-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон (ОПАБ) Ленинградской армии Народного ополчения, сражавшийся в сентябре 1941 г. на подступах к Петергофу⁶¹.

⁵⁵ Холодильник А. Н. Указ. соч. С. 106, 108, 276.

⁵⁶ Весь Ленинград: адресная и справочная книга на 1931 год. Л., 1931.

⁵⁷ Холодильник А. Н. Указ. соч. С. 276.

⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-6622. Оп. 16. Д. 1. Л. 116.

⁵⁹ Холодильник А. Н. Указ. соч. С. 108.

⁶⁰ Там же. С. 109, 284.

⁶¹ ЦГА НТД СПб. Справка о фонде Р-238 (Ленинградский кораблестроительный институт 1930–1975 гг.). URL: <https://www.spbarchives.ru/infres/-/archive/cgantd/R-238/> (дата обращения: 05.01.2019).

Жизнь института продолжалась в условиях военного времени.

В августе 1941 г. на чердаке Общежития № 2 (так в то время в документах института называлось общежитие, расположенное на проспекте М. Горького) были организованы два круглосуточных пожарных поста — 3 смены по 11 человек (студенты, служащие и преподаватели) на каждом посту, оборудованном огнетушителями, бочками с водой, ломом, ведрами, топорами, щипцами, ящиками с песком и т. д. С конца октября были организованы получение и выдача продовольственных и промтоварных карточек в институте, был введен строгий режим экономии топлива во всех зданиях института. Блокадная зима 1941–1942 гг. выдалась суровой, морозы достигали 40°C, и лимитов топлива не хватало на поддержание здания в надлежащем состоянии, замерзли трубы (котельная не работала), не было воды, голод убивал ленинградцев⁶².

Для приведения в порядок хозяйства Общежития № 2 с начала января 1942 г. к нему был прикреплен с постоянным нахождением в общежитии до окончания работ Зав. Хоз. ЛКИ.

В срок до 20 января 1942 г. было приказано:

«а) Произвести уборку коридоров и комнат от хлама, места общего пользования из-за отсутствия воды по этажам закрыть.

б) Организовать временную уборную на месте выгребной ямы.

в) Отоплить помещения вторыми рамами и установить времянки по согласованию с пожарной Инспекцией в комнатах, где сконцентрированы только студенты Института. Остальные комнаты привести в порядок и закрыть.

г) Пропустить всех студентов через сан. пропускник и сменить белье в отепленных комнатах.

д) Болеющих студентов отправить в больницу через депутата райсовета т. Виноградова И. С. <...>

з) Наладить работу котельной с задачей отопления подвала, пуска воды и установки двух титанов в нижних этажах...

и) ...к 6 января 42 года в комнате № 71 установить печь и оборудовать комнату для учебных занятий <...>⁶³, для подготовки к зимней сессии 1941–1942 учебного года!

Наличие дров было взято на строгий учет, и в первую очередь они выдавались в студенческие комнаты. Имелись случаи топки мебелью, что строго воспрещалось.

⁶² ЦГА СПб. Ф. Р-6622. Оп. 16. Д. 44. Л. 44, 48, 52, 107.

⁶³ Там же. Д. 47. Л. 1.

Трагичность ситуации усугубилась разрушениями здания в результате попадания снарядов при артобстреле и происшедшим 7 января 1942 г. пожаром на этажах, где были расквартированы воинские части.

С конца января внутренние ворота и главный вход были закрыты. Ограниченный доступ в здание оставшимся жильцам осуществлялся через запасной вход строго по пропускам⁶⁴.

19 февраля 1942 г. было принято решение об эвакуации ЛКИ в г. Горький по «Дороге жизни». Вывоз студентов, сотрудников и преподавателей института проводился с конца февраля по апрель 1942 г.⁶⁵

С середины марта оставшийся личный состав ЛКИ, еще не эвакуировавшийся, привлекался к ежедневной четырехчасовой уборке здания Общежития № 2⁶⁶.

В связи с эвакуацией для сохранения учебного оборудования и имущества и для использования освободившихся помещений и хозяйственного оборудования, Общежитие № 2 было передано на период эвакуации института заводу № 189⁶⁷ (Балтийский завод имени С. Орджоникидзе). Также имущество и инвентарь Общежития № 2 были размещены на заводе № 212⁶⁸ (завод электроизмерительных приборов «Электроприбор») на Малой Посадской улице.

Во время эвакуации (в 1943 и 1944 гг.) Ленинградским отделением Кораблестроительного института для учета имущества, хранящегося в кладовых Общежития № 2, проводились инвентаризации с описью всех вещей, а также их просушкой и переборкой⁶⁹.

С первого ноября 1943 г. в Ленинградском отделении Кораблестроительного института возобновились занятия на всех курсах.

В 1944 г. студенты активно участвовали в восстановительных работах зданий института и Общежития № 2, а также в воскресниках по благоустройству Ленинграда (разборка баррикад, разбивка скверов)⁷⁰.

Основные строительные, сантехнические и электротехнические работы по Главному учебному корпусу и общежитию на проспекте М. Горького производил 16-й Строительный трест НКСП⁷¹.

15 июня 1945 г. вышло постановление СНК СССР о полной реэвакуации ЛКИ в Ленинград⁷².

⁶⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-6622. Оп. 16. Д. 47. Л. 18.

⁶⁵ Холодильни А. Н. Указ. соч. С. 133.

⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-6622. Оп. 16. Д. 47. Л. 26.

⁶⁷ Там же. Л. 43.

⁶⁸ Там же. Д. 54. Л. 84.

⁶⁹ Там же. Д. 49. Л. 9 ; Д. 51. Л. 68.

⁷⁰ Там же. Д. 52.

⁷¹ Там же. Д. 54. Л. 20.

⁷² Холодильни А. Н. Указ. соч. С. 140.

В июле для подготовки к приему студентов в Общежитие № 2 вернули имущество и инвентарь, были получены кровати и постельные принадлежности; назначен комендант; и началось комплектование обслуживающего персонала общежития⁷³.

В первый послевоенный учебный год в восстановленном общежитии на проспекте М. Горького проживало 870 студентов⁷⁴.

В 1952 г. общежитие было переоборудовано в учебный корпус для факультета по подготовке инженерных кадров по морскому приборостроению, который переехал сюда в 1952/1953 учебном году⁷⁵. И в настоящее время в «Доме пяти инженеров» размещается факультет Морского приборостроения Санкт-Петербургского государственного Морского технического университета (СПб ГМТУ с 1992 г.). В перечне зданий, принадлежащих СПб ГМТУ, этот корпус именуется «Корпусом Г».

В настоящее время аудитории на первом этаже арендует частное образовательное учреждение дополнительного образования — учебный центр «Базис».

В 2018 г. «Дом Второго Каменноостровского товарищества устройства постоянных квартир (с кирпичной оградой и скульптурами львов)» был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения⁷⁶.

В связи с этим в 2018–2019 гг. на средства городского бюджета были проведены реставрационные работы фасадов, к сожалению, не охватившие пока скульптуру и вазы ограды.

В заключение можно сказать, что за время своего существования здание не подвергалось кардинальным перестройкам, и поэтому сохранило ауру уюта жилого дома и отсутствие казенности.

⁷³ ЦГА СПб. Ф. Р-6622. Оп. 16. Д. 54. Л. 84.

⁷⁴ Холодильни А. Н. Указ. соч. С. 284.

⁷⁵ Там же. С. 234, 237.

⁷⁶ Распоряжение КГИОП при Правительстве Санкт-Петербурга от 15.02.2018 № 54-р.

С. В. Выжевский

АНТОНИО ПОРТА — ЗАБЫТЫЙ АРХИТЕКТОР ПАВЛОВСКА И ПЕТЕРБУРГА?

В 2011 г. Государственный музей-заповедник «Павловск» опубликовал катало, посвященный архитектурной графике конца XVIII – начала XIX в.¹

Просматривая данный выпуск, я обратил внимание на то, что чертежи Больших каменных конюшен в Павловске автор-составитель О. И. Ламеко поместила в раздел работ неизвестных архитекторов. Излагая историю прежней атрибуции, исследовательница сообщает, что «в 1924 г. В. Н. Талепоровский причислил чертеж к выполненным в мастерской Ч. Камерона, в монографии 1939 г. — не включил ни в один из разделов каталога. В инвентарные книги 1938 и 1956 гг. проект был внесен без указания автора. В послевоенные годы Н. И. Громова на основании переписки хозяев Павловска с управляющим К. И. Кюхельбекером, предположила, что в строительстве конюшен последовательно принимали участие Ч. Камерон и В. Бренна»².

Последняя версия и отражена сегодня на охранной доске, помещенной на стене Больших каменных конюшен. Однако, рассмотрев особенности исполнения чертежей, О. И. Ламеко приходит к выводу, что их исполнение нехарактерно для Ч. Камерона. Нехарактерно оно и для других основных персоналий, работавших в это время в Павловске, чьи атрибутированные чертежи присутствуют в каталоге — Дж. Кваренги, В. Бренны, Ф. Виолье, Ф. Кампорези, Г. Пильникова. Отсюда исследователь делает вполне правомерный вывод, что в 1785 г. проект Больших каменных конюшен в Павловске исполнил некий неизвестный архитектор. Об этом же косвенно свидетельствуют и процитированные в данном выпуске каталога отрывки из переписки Марии Фёдоровны с К. И. Кюхельбекером в сентябре 1784 г. – апреле 1785 г.³

В то же время, исходя из анализа опубликованных чертежей, можно с уверенностью утверждать, что этот неизвестный архитектор был приез-

жий — он не только писал аннотации к чертежам на французском языке, но и использовал в качестве меры длины французские туазы. Но кто был этот неизвестный архитектор? Возможно ли раскрыть его инкогнито?

Приблизиться к разгадке нам позволяют другие чертежи, помещенные в данном выпуске каталога. Аннотации к ним также исполнены по-французски, масштабная линейка также раскалибрована в туазах, но в отличие от чертежей конюшен они датированы 1788 годом и подписаны монограммой «А. Р.»⁴. Ещё один неизвестный архитектор-иностранец, работавший в стиле классицизма и проекты которого волей судьбы занесло в Павловское село? Или это все тот же строитель Больших каменных конюшен? К сожалению, опубликованные в каталоге чертежи А. Р. (охотничий домик, триумфальная арка и каменные ворота) не дают достаточно данных для сравнения с чертежами конюшен, а потому надо искать другие пути.

Несложный поиск приводит к единственному архитектору-иностранцу, работавшему в Петербурге в последние десятилетия XVIII в. и соответствующему латинским инициалам «А. Р.» — Антонио Порте. Это неизученный архитектор, как пишет исследователь петербургской истории и архитектуры В. В. Антонов: «С 1780-х годов в Петербурге Джованни Антонио Порто, уроженец южной Швейцарии, работал каменным мастером при Кабинете, затем — архитектором “при разных строениях” (перестраивал, в частности, дворец Разумовского на Мойке, дворец в Ропше), в 1800–1809 годах служил в Монетном департаменте. На сегодня его достоверные работы — здания Монетного двора и Калининской больницы в устье Фонтанки»⁵.

Воспользуемся данными, приведенными В. В. Антоновым. Действительно, обращение к историческим источникам дает нам информацию, что 17 марта 1800 г. император Павел I утвердил проект нового здания Монетного двора архитектора Антонио Порты. Закладка главного здания произошла 13 июня 1800 г., строительство завершено в 1805 г. Следовательно, в авторстве в данном случае можно не сомневаться.

Сравним детали внешнего архитектурного оформления Монетного двора (илл. 1, 2) и таковые же на проектных⁶ и фиксационных⁷ (илл. 3) чертежах⁸ здания Больших каменных конюшен в Павловске.

⁴ Там же. С. 108–112.

⁵ Антонов В. В. Архитектор остался жив // Петербург неизвестный, забытый, знакомый / Виктор Антонов. М.; СПб., 2007. С. 91.

⁶ Архитектурная графика конца XVIII — начала XIX века. СПб., 2011. С. 116–117.

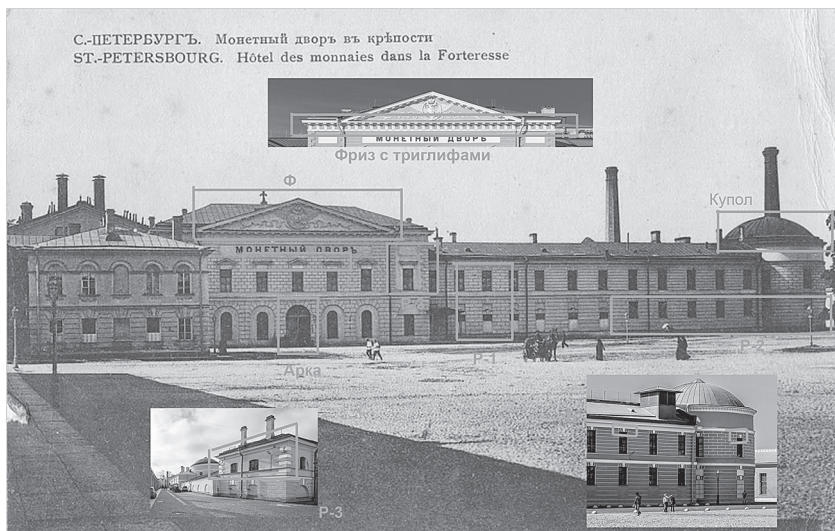
⁷ ГМЗ «Павловск». Инв. № ЦХ-235-ХП. Ф. (С. Чунихин. Атлас Павловского как всея дачи до самых границ так равно всех строений вод и садов).

⁸ Продольный разрез фиксационного чертежа совпадает во всех деталях с проектным чертежом неизвестного архитектора, опубликованном в упомянутом каталоге.

¹ Архитектурная графика конца XVIII — начала XIX века / О. И. Ламеко. СПб., 2011. 219 с. : ил. (Полный каталог коллекций / Гос. музей-заповедник «Павловск»; т. 15, вып. 1).

² Там же. С. 113.

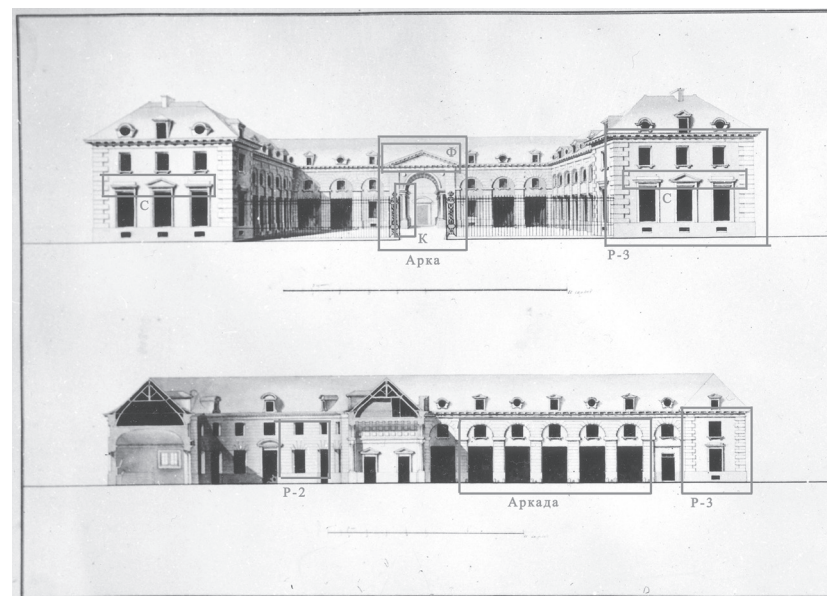
³ Там же.

1. Монетный двор в Петропавловской крепости. Элементы архитектурного оформления

2. Монетный двор в Петропавловской крепости. Служебные корпуса. Современное фото. Источник: Citiwalls : архитектурный сайт Санкт-Петербурга (<https://www.citywalls.ru/house6472.html>)

3. Большие каменные конюшни в Павловске. Фиксационный чертеж/копия с авторского чертежа. Источник: Чунихин Ф. С. Атлас Павловского как вся дачи до самых границ так равно всех строений вод и садов. Л. 73 (ГМЗ «Павловск». Инв. № ЦХ-235-ХII)

Начнем с рустовки — имитации каменной кладки на стенах при помощи штукатурки. На фасадах Монетного двора использованы три вида рустовки: 1) «короткими» каменными блоками, 2) «длинными» каменными блоками и 3) рустовка углов чередующимися разномерными блоками.

На фасадах Больших каменных конюшен использовано два вида рустовки, типологически совпадающие с позициями 2) и 3) рустовки на фасадах Монетного двора. Особенно выделяется 3-й тип, где пространство между рустованными углами имеет гладкое штукатурное заполнение.

Следующим характерным элементом являются сандрики — внешние карнизы над окнами, украшающие главный фасад. На здании Больших каменных конюшен они украшают окна, расположенные в обращенных к Садовой улице торцах боковых флигелей. Каждый торец имеет три оси, соответственно, и сандриков тоже три. Два крайних плоские, в виде «полочки», а средний — в виде треугольного фронтона. Точно такое же сочетание сандриков мы видим по центру фасада главного здания Монетного двора.

Еще одной доминантой парадного фасада Больших каменных конюшен является арка, через которую проезжали в овальный внутренний дворик,

где находились конюшни. Проездная арка украшена четырьмя дорическими колоннами (по две со стороны Садовой улицы и со стороны внутреннего двора), подведенными под ее паты. По бокам арка фланкирована рустованными пилястрами, и вся эта конструкция увенчана треугольным фронтоном, украшенным зубцами (дентикулами). Такие же зубцы продолжались по всему карнизу парадных фасадов здания.

Обращаясь к главному фасаду Монетного двора, мы видим, что по его центральной оси расположен проезд с аркой (пусть и менее масштабный), а треугольный фронтон и карниз также украшены зубцами.

Но достаточно ли этого, чтобы охарактеризовать стиль конкретного автора? Сравним выявленные при анализе двух вышеназванных объектов архитектурные приемы со стилистикой какого-нибудь другого современника-архитектора. Например, Джакомо Кваренги. Просмотр опубликованных чертежей Кваренги⁹ выявляет то, что он:

1) предпочитал рустовку 1-го типа и практически не использовался рустовку 3-го типа;

2) если Кваренги использовал сандрики, то он никогда не чередовал на плоскости фасада разные типы оконных карнизов, как правило, они шли в ряд либо все «полочкой», либо «фронтоном»¹⁰;

3) проезды с аркой нехарактерны для Кваренги (возможно, потому, что он не строил здания утилитарного назначения, где такие проезды были необходимы).

Как видим, уже эти характерные признаки позволяют сделать вывод, что Кваренги не мог быть автором двух рассмотренных нами зданий.

Рассмотрим второе упомянутое В. В. Антоновым достоверное здание Антонио Порты — Калининскую больницу. В отличие от Монетного двора архитектор не строил заново, а всего лишь перестраивал здание, возведенное в 1779 г. К сожалению, чертежи Калининской больницы в версии А. Порты в настоящее время неизвестны, и приходится довольствоваться современным видом, возможно, претерпевшим изменения за два с лишним века. Зато мы можем сравнить этот вид с чертежами¹¹, фиксирующими фасады здания до вмешательства архитектора, происходившего в 1799–1800 гг.

Мы видим, что главным отличием является спроектированная А. Порты огромная арка (илл. 4), врезанная по центру фасада, типологически совпада-

⁹ Джакомо Кваренги : архитектурная графика : коллекция Государственного музея истории С.-Петербурга : научный каталог / авт.-сост. А. М. Павелкина. СПб., 1998 ; *Пилявский В. И.* Джакомо Кваренги : архитектор, художник. Л. : Стройиздат, 1981 ; и др.

¹⁰ Ч. Камерон также никогда не чередовал сандрики разных видов.

¹¹ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 53. Л. 1.

4. Сверху: Фасад здания Калининской больницы до перестройки А. Портой. Источник: РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 53. Л. 1. Снизу: Главный фасад исторического здания Калининской больницы. Современное фото (источник: <https://babs71.livejournal.com/616490.html>)

ющая с аркой Больших каменных конюшен в Павловске и проездом по центру главного корпуса Монетного двора. Кроме того, сложное оформление лицевого фасада (допортовский фасад расчленялся лопатками, между окон были устроены филенки, а центр акцентирован раскреповкой с аттиком) сменилось своеобразным минимализмом: гладкие стены¹² и по сторонам арки во втором этаже по паре окон украшены сандриками в виде фронтона. Возможно, что изначально отделка была богаче, но так или иначе современный облик постройки дает нам не очень много деталей для анализа.

Еще одним зданием, в строительстве которого участвовал А. Порты, является здание Медико-хирургической академии. Как утверждают современные источники, оно было начато в 1799 г. по проекту Порты, работавшего на его

¹² Как прием архитектурный минимализм, при котором основная часть стен остается гладкой, без налепленных на нее карнизов, наличников, тяг и т. д., характерен в России в рассматриваемый нами период времени для нескольких архитекторов: И. Старова, Дж. Кваренги, Н. Львова и, как мы видим, для А. Порты (обращенные к Павловскому селу фасады Больших каменных конюшен практически лишены архитектурной отделки, как и фасады Калининской больницы).

5. Медико-хирургическая академия. Главный корпус. Элементы архитектурного оформления

постройке до 1803 г., и закончено в 1809 г. под руководством А. Н. Воронихина¹³. Существуют различные мнения насчет доли участия каждого из них, но логично предположить, что проект здания принадлежал все-таки Порте, а Воронихин мог внести только незначительные изменения и разработать внутреннюю отделку. В таком случае внешний облик здания правомерно взять как материал для анализа.

В отличие от рассмотренных ранее зданий Главное здание Медико-хирургической академии (илл. 5) имеет портик и довольно широкий пологий купол, который схож с куполом круглой башни, входящей в комплекс построек... Монетного двора. Кроме того портик увенчан фронтоном, украшенным с трех сторон зубцами, аналогично фронтонам, украшающим Большие каменные конюшни и Монетный двор. Однако данные признаки не являются исключительным предпочтением данного архитектора. У Дж. Кваренги примерно поровну встречаются фронтоны с зубцами и без и изредка встречаются купола по своей пологости приближающиеся к куполам Порты. Впрочем купол — редкость в творчестве Кваренги. Зато за колоннами портика по центру здания мы обнаруживаем уже знакомое нам сочетание сандриков: «полочка» — треугольный фронтон — «полочка».

¹³ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века : справочник / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб. : Пилигрим, 1996.

6. Медико-хирургическая академия. Служебное каре. Элементы архитектурного оформления. Современное фото (источник: архитектурный сайт Citiwalls)

Перейдем к служебным флигелям академии. Они представляют собой замкнутые прямоугольные дворы (каре) с уже знакомыми нам пологими куполами по четырем углам (илл. 6). Здесь же мы снова находим и треугольные фронтоны с зубцами по трем сторонам, но, кроме того, на одном из уличных мы видим аркады, напоминающие перестроенные каретные сараи и аналогичные по архитектурному решению аркадам каретных сараев Больших каменных конюшен в Павловске. На первом этаже когда-то располагались широкие ворота собственно каретного сарая, на втором — небольшое квадратное окно служебного помещения, и все это вписано в ниши с арочным завершением, создавая иллюзию аркады. Сегодня проемы ворот заложены и в здании Академии, и в здании павловских конюшен, превращенных в жилой дом и конторы различных организаций. Кроме того, на фасадах флигеля Медико-хирургической академии квадратные окна второго этажа превращены в прямоугольные, для чего расширены вверх с пробитием выше арочного завершения.

Таким образом, здание Медико-хирургической академии по деталям внешнего архитектурного оформления логично ложится в ряд построек Антонио Порты, включая конюшни в Павловске.

Существует еще одно здание, которое знаток Петербурга А. А. Иванов атрибутирует как постройку А. Порты¹⁴. При этом В. В. Антонов оспаривает

¹⁴ См.: Антонов В. В. Архитектор остался жив // Петербург неизвестный, забытый, знакомый / Виктор Антонов. М. ; СПб., 2007. С. 89.

7. Дом португальского консула (Типография Академии наук) на Большом проспекте Васильевского острова, 28. Современное фото (источник: архитектурный сайт Citiwalls)

эту атрибуцию, предполагая, что А. Порты был всего лишь строителем дома, предлагая на роль архитектора Дж. Кваренги, в архиве которого в Бергамо обнаружались поэтажные планы этого дома. Речь идет о бывшем доме португальского консула Д. П. Лопеса. Дом этот расположен по адресу: Большой проспект Васильевского острова, 28 и позднее в нем располагалась типография Академии наук (илл. 7). Строился этот дом в 1808–1809 гг.

Первое, что бросается в глаза — рустовка 2-го типа на первом этаже, схожая с рустовкой Больших каменных конюшен в Павловске и нехарактерная для Кваренги. Далее следует отметить шестиколонный портик с треугольным фронтоном с зубцами над ним. И самое главное, на парадном фасаде трижды использована уже знакомая нам композиция сандриков: — «полочка» — треугольный фронтон — «полочка», что исключает авторство Дж. Кваренги. Но и это еще не все: к левому боковому фасаду (илл. 8) пристроены ворота с аркой, под пятами которой встроены дорические колонны — прием, который мы уже наблюдали в Павловске. На самом деле это архитектурное решение, достаточно редкое для Петербурга. Самым ярким примером является арка Новой Голландии, построенная Валлен-Деламотом. В свою очередь Кваренги компоновал арку и колонны так, что колонны, как правило, поддерживали карниз, нависающий над аркой, а не саму арку.

Таким образом, в споре об авторстве в данном случае следует поддержать А. А. Иванова, а наличие поэтажных планов в Бергамо может объясняться

8. Дом португальского консула (Типография Академии наук) на Большом проспекте Васильевского острова, 28. Современное фото (источник: архитектурный сайт Citiwalls)

профессиональным интересом Кваренги к работам своих современников. Тем более что эти два архитектора наверняка были знакомы.

Есть ли еще в Петербурге и окрестностях постройки, связанные с именем А. Порты? В. В. Антонов упоминает, что с именем этого архитектора связывают перестройку Ропшинского дворца. Действительно, в 1785 г. Ропшинский дворец приобретает придворный ювелир Иван Лазаревич Лазарев, а в 1788–1800 гг. «придворный архитектор де ля Порты», в котором узнается наш Антонио Порты производит масштабную архитектурную реконструкцию имения, при этом внешний облик Ропшинского дворца преобразился из барочного в классический. В 1801 г. И. Л. Лазарев продал дворец императору Павлу I незадолго до гибели последнего.

Обратимся к современному виду фасада дворца в Ропше (илл. 9) и внимательно рассмотрим портик с колоннадой (к сожалению, в наши дни уже разрушенный), увенчанный уже знакомым нам треугольным фронтоном с зубцами. Портик этот покоится на рустованной аркаде, что, как и оформление фронтона, не противоречит стилю А. Порты.

Но самое главное, за колоннами портика мы видим уже знакомое нам навязчивое сочетание сандриков — «полочка» — треугольный фронтон — «полочка»!

Получается, что именно этот элемент почему-то стал своего рода творческой подписью архитектора и в сочетании с менее строгими признаками его необходимо признать надежным идентификатором работ А. Порты.

В. В. Антонов упоминает еще один дворец в Петербурге, в перестройке которого участвовал А. Порты — дворец К. Г. Разумовского на Мойке. Об-

9. Ропшинский дворец, 1900 (Источник: сайт: <http://winterpalaceresearch.blogspot.com/2018/09/rare-interior-photograph-of-ropsha.html>)

ратившись к его истории и к его фасадам, мы видим, что они несут на себе отпечаток разных эпох и неясно, что из этого может относиться к творчеству интересующего нас архитектора. Другой перестраивавшийся примерно в это время дворец К. Г. Разумовского — в Батурине на Украине гораздо более перспективен для исследования. В начале XX в. была высказана гипотеза, что дворец этот строил или перестраивал знаменитый Чарлз Камерон¹⁵. Гипотеза эта никогда не была подтверждена документально, но стилистический анализ фасадов дворца позволяет ее отвергнуть, так как целый ряд признаков этой гипотезе противоречит. Вместе с тем над одним из парадных фасадов красуется узнаваемый треугольный фронтон с зубцами, а ниже над тремя центральными окнами помещено уже знакомое нам сочетание сандриков: «полочка» — треугольный фронтон — «полочка» (илл. 10), что позволяет выдвинуть гипотезу об авторстве Антонио Порты. Следует обратить также внимание на пологие купола над боковыми ризалитами и странный готический одиннадцатиступенчатый аттик¹⁶, поднимающийся над ступенчатым фронтоном — довольно редкая в это время и в этой архитектурной среде деталь.

Настало время вернуться к проектам из коллекции Павловского дворца, подписанных монограммой «А. Р.».

¹⁵ Козьян Г. К. Чарлз Камерон. Л.: Лениздат, 1987. С. 139.

¹⁶ Предполагают, что по количеству букв в фамилии Разумовский.

10. Батуринский дворец. Современное фото (источник: <http://photogoroda.com/foto-519083-dvorec-razumovskogo-v-baturine.html>)

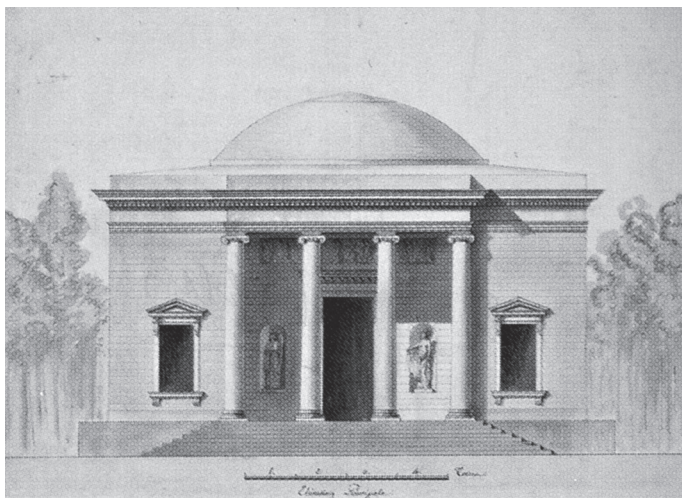
Начнем с чертежей, идентифицированных О. И. Ламеко как «охотничий домик в Павловске?»¹⁷ Мы видим (илл. 11–12), что этот домик увенчан плоским характерным для А. Порты куполом, кроме того стены его рустованы рустами 2-го типа (длинными), вот, пожалуй, и все, что перекликается с рассмотренными нами выше признаками, но ведь и постройка эта не монументальная и не могла вобрать в себя все множество вышерассмотренных приемов. На этих чертежах мы впервые видим то, как архитектор решает проблему интерьера. И здесь всплывает еще одна параллель: на поперечном разрезе охотничьего домика набросан высокий лепной фриз, что является достаточно редким приемом в оформлении помещений, однако подобный лепной фриз (высотой 1 м) был осуществлен в Большом конференц-зале здания Академии наук в Петербурге при оформлении его Антонио Портой в 1795–1796 гг.¹⁸

Еще более бедна на характерные детали триумфальная арка¹⁹ (илл. 13), единственная характерная для Порты деталь — арка, пяты которой опираются на колонны, аналогично арке Больших конюшен в Павловске и проездной арке дома Лопеса на Большом проспекте Васильевского острова.

¹⁷ Архитектурная графика конца XVIII — начала XIX века. СПб., 2011. С. 108–111.

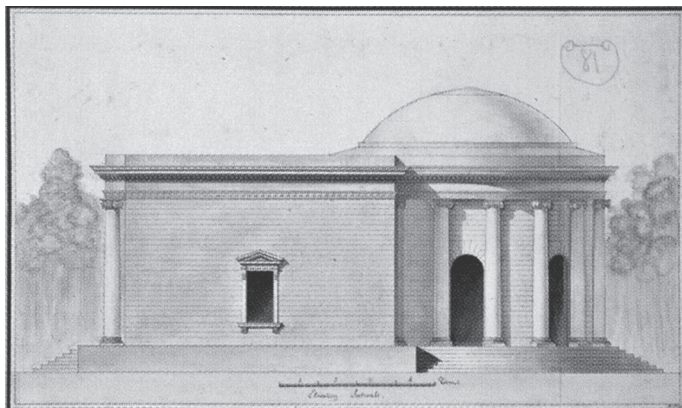
¹⁸ Колотов М. Г., Трубинов Ю. В., Люлина Р. Д. Неизвестное произведение скульптора Ф. К. Гофферта // Краеведческие записки: исследования и материалы. СПб., 1997. Вып. 5. С. 78–93.

¹⁹ Архитектурная графика конца XVIII — начала XIX века. СПб., 2011. С. 111–112.

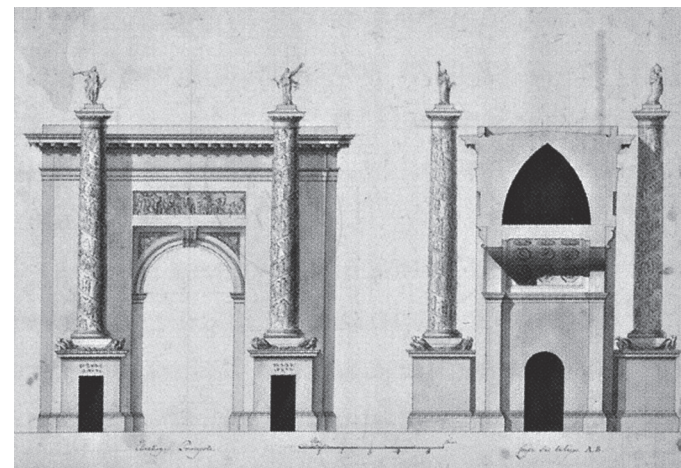

11. Монограммист А. Р. Охотничий домик в Павловске (?). Главный фасад. 1788.

Источник: *Архитектурная графика конца XVIII — начала XIX века / О. И. Ламеко. СПб., 2011. С. 108. (Полный каталог коллекций / Гос. музей-заповедник «Павловск»; т. 15, вып. 1)*

12. Монограммист А. Р. Охотничий домик в Павловске (?). Боковой фасад. 1788. Источник: *Архитектурная графика конца XVIII — начала XIX века / О. И. Ламеко. СПб., 2011. С. 109. (Полный каталог коллекций / Гос. музей-заповедник «Павловск»; т. 15, вып. 1)*

13. Монограммист А. Р. (?). Триумфальная арка. Фасад и разрез. Источник: *Архитектурная графика конца XVIII — начала XIX века / О. И. Ламеко. СПб., 2011. С. 111. (Полный каталог коллекций / Гос. музей-заповедник «Павловск»; т. 15, вып. 1)*

И наконец — каменные ворота²⁰, где единственным «маркером» является готическая лесенка наверху, напоминающая ступенчатый аттик на гетманском дворце в Батурине. Но от этого чертежа не хочется отводить взгляд, он напоминает что-то еще — этот прорезающий ворота антаблемент, арка над ним, расстановка колонн... Ведь это же что-то очень-очень знакомое! Конечно же, рядом должен стоять Памятник родителям в Павловске.

Никто не обращает внимания на то, что подобный антаблемент архитектурно бессмысленен: он прорезан триглифами, имитирующими торцы балок перекрытия, и при этом его центральная часть «висит» в воздухе в обоих проектах, то есть происходит имитация того, что для грамотного в архитектуре зрителя со всей очевидностью быть не может. Не слишком ли редкое совпадение, чтобы быть случайным?

А почему бы и нет?!

Авторство Памятника родителям документально не установлено. Ранее выдвигались версии в пользу Ч. Камерона и Н. Львова, но О. И. Ламеко определила, что единственный неподписанный чертеж памятника, датированный «около 1787 года», по особенностям графического исполнения принадлежит Г. П. Пильникову²¹.

²⁰ Там же. С. 112—113.

²¹ Там же. С. 149.

В то же время мы знаем, что Г. П. Пильников — это архитектор Павловского села, который на месте исполнял проекты разных архитекторов, в том числе Ч. Камерона и Дж. Кваренги, возможно, и Ф. Виолье, и в ходе работы, естественно, копировал чертежи для себя и для мастеров, а заодно и переводил французские туазы в знакомые русским работникам сажени. Не мог же он в самом деле передавать рабочим из рук в руки чертеж, где стояла резолюция Екатерины II или Павла Петровича! Так почему бы ему не строить по чертежам еще одного архитектора?

И если в 1785 г. начали строить в Павловске по проекту А. Порты Большие каменные конюшни (закончили в начале 1790-х), то почему бы не заказать этому архитектору в 1787 г. проект Памятника родителям, а в 1788 г. — возможно, так и не выстроенный «охотничий домик»?

Существует еще одна загадка: почему чертежи Больших каменных конюшен не подписаны? Почему на других листах стоит только монограмма «А. Р.»?

Ответ на это даёт биография архитектора. Среди указов Екатерины за 1782 г. есть и такой:

«№ 73

Адам Васильевич! Принятым по соизволению нашему надворным советником Рейфенштейном в службу нашу архитектору, каменному мастеру и штукатору Франциску Кампорези по тысяче по двести рублей, и каменным мастерам Иоганну Антонию Порты, и Иоганну Павлу Берти каждому по семисот рублей на год повелеваем производить из Кабинета, начиная с 16 февраля сего года и для снабжения их выдать им сие жалованье по первое сентября нынешнего года.

Екатерина

В Царском селе
июля 1782»²².

Из него следует, что Антонио Порты был нанят для работы в России Иоганном Фридрихом Рейфенштейном, который несколько лет назад уже привел в Россию двух замечательных архитекторов: Дж. Кваренги и Дж. Тромбара. Вот только прибыл А. Порты в Россию... как каменный мастер.

Однако не все так просто. В фонде Горной экспедиции Кольванской губернии имеются документы о направлении маркшейдерского ученика Кольвано-Воскресенских заводов А. И. Молчанова в Петербург для обучения «каменной кладке и основам архитектурной науки». Из этих документов следует, что по распоряжению Кабинета ее Императорского Величества

²² РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3897 (Именные и объявленные Высочайшие указы за 1782 год). Л. 119.

А. И. Молчанов был отдан для обучения каменной кладке и началам архитектуры «практическому архитектору» итальянцу Антонио Порты. По окончании учебы, 15 марта 1790 г., Антонио Порты выдал Молчанову аттестат за собственноручной подписью с приложением печати: «находясь в ведении моем с 786 года, обучен мною каменной кладке совершенно, так что сие мастерство он, Молчанов, производить сам собою может, яко довольно на практике испытанный человек, с наилучшим успехом. А сверх того, занимался он довольно учением и архитектурской науке, в которой также немалое приобрел он знание»²³.

Отсюда следует, что Антонио Порты, состоявший в ведомстве Кабинета как каменный мастер, по указанию своего руководства занимался обучением не только предмету своего номинального ремесла, но и... «архитектурской науке»! Тем не менее в 1793 г. Порты по-прежнему оставался каменным мастером в ведении Кабинета²⁴. А потому, строго говоря, он и не мог подписывать свои проекты как архитектор²⁵. Это не значит, что он не мог исполнять как архитектор частные заказы, как, например, делал его коллега Луиджи Руска по крайней мере с 1790 г.²⁶ Луиджи Руска получил должность архитектора в 1800 г. Не позднее 1799 г. стал архитектором и Антонио Порты, до 1809 г. служивший в Монетном департаменте.

Далее, как утверждает В. В. Антонов, «зодчий с женой Ульяной Карловой уехал в Смоленскую губернию, где купил сельцо Туренское и, совершенно обрусев, получил дворянство и стал местным помещиком. К 1824 г. относится последнее о нем упоминание»²⁷.

Р. С. Уже выявленные работы позволяют рассматривать А. Порты как одного из значительных творцов русского классицизма и побуждают искать другие его работы. В Петербурге привлекает, например, внимание дом Саввы Яковлева, расположенный по адресу: Гороховая ул., 45/Садовая ул., 38.

²³ Ермакова Л. И. Архитектор Андрей Молчанов : архивные находки // III Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина : сборник научных трудов. Барнаул, 2005. С. 193 ; Борисова А. А., Савчук А. А. Храм Михаила Архангела с. Легостаево и храмы раннего классицизма в Петербурге и Сибири (опыт сравнительного анализа) // Баландинские чтения. Новосибирск, 2014. Т. 9, ч. 1. С. 199.

²⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4027 (Изустные высочайшие указы за 1793 год). Л. 636.

²⁵ Точно так же инициалами «Ф. Д.» и «А. З.» подписывали свои архитектурные проекты до получения звания архитектора современники Антонио Порты Федор Демерцов и Андрей Захаров. См.: Мурашова Н. В. Федор Демерцов. СПб. : Белое и черное, 2002. С. 86.

²⁶ Малиновский К. В. Семья Руска в Санкт-Петербурге и окрестностях. Гатчина : СЦДБ, 2003. С. 51—55.

²⁷ Антонов В. В. Архитектор остался жив // Петербург неизвестный, забытый, знакомый / Виктор Антонов. М. ; СПб., 2007. С. 91.

Архитектор дома не известен, датой постройки дома считают 1780-е годы. В архитектурном оформлении дома используется рустовка 2-го типа, есть здесь и треугольный фронтон с зубцами. Но самое главное — неоднократно встречается знакомое нам характерное сочетание сандриков на фасаде.

В то же время есть в Петербурге здание (по адресу: наб. канала Грибоедова, 55 / пер. Гривцова, 14—16 / Казанская ул., 30-32) с таким же сочетанием сандриков и 2-м типом рустовки, перестроенное в 1790—1793 г. Луиджи Руской. В то же время для других работ Руски это сочетание сандриков нехарактерно, его работы имеют другие характерные признаки. Возможно, данное совпадение случайно и объясняется тем, что оба архитектора — швейцарцы по происхождению, принадлежали к одной архитектурной школе и имели перед собой в юности одни и те же архитектурные образцы. А может быть дело в том, что кроме Л. Руски над обликом этого дома работали и другие архитекторы уже в XIX в., такие как А. Адамини и И. А. Мерц, не говоря уже о том, что к Н. М. Карадыгину, для которого трудился Л. Руска, здание попало в 1790 г., и кто его строил раньше (и строил ли), мы не знаем...

P. P. S. Еще одним архитектором, который как минимум дважды использовал характерное для А. Порты сочетание сандриков был Н. Львов — наверное, самый восприимчивый из русских архитекторов, который, можно сказать, «шпионил за новинками Камерона и Кваренги и тут же использовал характерные элементы их стиля. Характерное для А. Порты сочетание сандриков, возможно, подсмотренное Львовым в Павловске или, к примеру, на доме Саввы Яковлева, использовано в проекте дома П. А. Соймонова на Выборгской стороне²⁸, датируемого 1780-ми годами, а также на фасадах служебных флигелей подмосковной усадьбы Вороново²⁹. Однако максимальное количество реплик данного сочетания сандриков находится на фасаде Главного дома в усадьбе Знаменское-Раек в Тверской губернии, который начали строить в 1787 г. Впрочем, документального подтверждения авторства Львова для этой усадьбы до настоящего времени не обнаружено, а потому нельзя исключать, что к ее созданию причастен и наш швейцарец.

²⁸ Архитектор Николай Львов. Храмы, дома, усадьбы эпохи классицизма. М.: Государственный музей архитектуры им. А. В. Щусева: Кучково поле, 2015. С. 99–100. (Коллекция Музея архитектуры им. А. В. Щусева; т. 3).

²⁹ Там же. С. 160–163.

В. Ю. Гоголев

НИКОЛАЙ ГУСТАВОВИЧ ЛИНДЕН — ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ, ИЗДАТЕЛЬ, МЕЦЕНАТ

Данная тема возникла случайно. Мне довелось увидеть неисправные настенные часы с боем, на задней стороне корпуса которых можно было разглядеть надпись «Торговый дом «Николай Линден».

Никогда до этого я не слышал про этот торговый дом, но прожив всю жизнь в районе Светлановской площади, не раз слышал, как водоём около улицы Рашетова называют «Линденевским прудом». Решив предпринять поиск в интернете информацию об этом торговом доме и о его владельце, я с удивлением обнаружил, что информации о Николае Линдене практически нет. В своей книге «Удельная: очерки истории»¹ Сергей Евгеньевич Глезеров приводит краткую биографию Линдена, рассказывая о небольшом водоеме, который местные жители называют «Линденевский пруд». Также Линдену посвящена небольшая биографическая справка в издании М. Н. Барышникова «Деловой мир Петербурга»². Интернет-портал «Энциклопедия Санкт-Петербурга»³ кратко упоминает факты благотворительной деятельности Николая Густавовича, которые будут упомянуты в данной работе.

Этих материалов оказалось явно недостаточно. Пришлось расширить поиск и обратиться к архивным документам: В РГИА удалось уточнить причастность Линдена к поставщикам Императорского двора. В ЦГИА были уточнены факты о рождении, отдельные детали предпринимательской и благотворительной деятельности. Были привлечены к исследованию и другие источники⁴.

Николай Густавович Линден родился 17 сентября (по старому стилю) 1864 г. в Санкт-Петербурге и был крещен 27 сентября того же года в Князь-

¹ Глезеров С. Е. Удельная: очерки истории. СПб.: Центрполиграф, 2012. С. 159–161.

² Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга: ист. справочник. СПб.: Logos, 2000. С. 268.

³ Зайцева В. Э. Санкт-Петербургское общество призрения неимущих детей // Энциклопедия Санкт-Петербурга: [интернет-портал]. URL: <http://www.encyspb.ru/object/2853438098?lc=ru> (дата обращения: 05.04.2020).

⁴ См.: Чайкина К. Ю. Часы // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия. СПб., 2009. Т. 2, кн. 8. С. 827–837; и др.

Владимирском соборе на Петербургской стороне⁵. Родился он незаконно-рожденным. Его мать — петербургская мещанка Параскева (Прасковья) Ивановна Козьявкина, 1830 года рождения⁶. Восприемниками, то есть крестными отцом и матерью его были финляндский уроженец города Аббо золотых дел мастер Иван Семенович Селивандров и Санкт-Петербургского ремесленного художественного цеха мастерица девица Мария Богданова⁷. Сведений об отце не имеется, известно, что Николая усыновил Густав-Фабиан Линден, финляндский уроженец, петербургский золотых дел мастер⁸.

Про детство Николая Линдена известно мало. Согласно данным «Справочной книги Санкт-Петербургского купечества» за 1888–1917 гг. образование он имел домашнее, вероисповедание православное. 7 октября 1883 г. Николай был записан в петербургское мещанство с предоставлением ему фамилии Линден и отчества Густавович⁹.

9 декабря 1887 г. Николай Густавович Линден был исключен из мещан и причислен к купечеству по 2-й гильдии, с 1902 г. стал купцом 1-й гильдии.

В 1888 г. Линден открыл магазин ювелирных изделий в том же доме, в котором и проживал, по адресу: Невский пр., 83. Магазин на Невском проспекте занимал три квартиры под номерами 6, 7 и 8 (всего 8 комнат) в правом крыле первого этажа и имел отдельный вход с Невского проспекта. За аренду этих помещений в 1904 г. Николай Линден платил 5460 рублей в год¹⁰.

В магазине Николая Линдена можно было купить часы мужские и женские, золотые и бронзовые, карманные, настенные и столовые и даже дорожные будильники в кожаном футляре. Среди производителей часов были фабрики Грицеля, Одемара, Вальгама. Также в ассортименте были золотые и серебряные изделия — цепочки, кресты, серьги, кольца и пр. Магазин предлагал покупателю музыкальные ящики по цене от 1 до 100 рублей, золотые горошины с микро-диарамой, а также «*брелок-лира с микро-диарамой незабвенных русских композиторов Чайковского и Рубинштейна*». Кроме того,

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Ед. хр. 788. 1864 г. (Метрическая книга Св. равноапостольного князя Владимира (Князь-Владимирский сбор)). Л. 70.

⁶ Там же. Ф. 222. Оп. 1. Ед. хр. 1005. 1859 г. (Ревизские сказки мещан лиц женского пола № 15040-16516). Л. 436.

⁷ Там же. Ф. 19. Оп. 126. Ед. хр. 788. 1864 г. Л. 70.

⁸ Придворные поставщики // Архив Валентина Скурлова : [блог]. 2012. URL: http://skurlov.blogspot.ru/2012/08/blog-post_2565.html (дата обращения: 11.02.2017).

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 222. Оп. 1. Ед. хр. 361. 1883 г. (О записи в мещанство лиц мужского пола). Л. 178.

¹⁰ Там же. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 2599. 1871–1914 гг. (О залоге имущества Маркевичами, А. А. Волконской, Коровиными по Невскому пр., 83 и Лиговской ул., 4). Л. 92.

Часы Г. Фавр-Жако с клеймом ТД «Николай Линденъ»

в магазине были широко представлены знаки различных академий, институтов, а также брелоки-погоны и образа¹¹.

Торговля в магазине шла весьма бойко, надо полагать, ибо в недостатке рекламы не было. Справочники «Весь Санкт-Петербург», например, всю пестрели рекламными объявлениями, а в издании 1916 г. реклама была вытиснена на кожаной крышке переплета издания.

К 1900 г. Линден стал поставщиком дворов короля Румынского, князей Болгарского и Черногорского, позже — двора шаха Персидского. Пользуясь тем, что государственные гербы Черногории и Российской империи имели некоторое сходство, Николай Линден незаконно помещал на своих преysкурантах и рекламе малый герб России, жалующий поставщикам Российского Императорского двора. Во избежание санкций от канцелярии Министерства Императорского двора и Петербургского градоначальника Линден письменно обязался впредь не пользоваться официальной атрибутикой и не вводить публику в заблуждение. После этой истории гербы, изображенные на рекламе торгового дома «Николай Линден», всегда были подписаны¹². Гербы, действительно, очень похожи — на обоих изображен двуглавый орел, только у Черногорского герба орел держит в лапе не скипетр, а меч и имеет крылья с прижатыми друг к другу перьями, а у малого Российского крылья как бы «распушены», но на небольшом изображении в рекламе разницы можно и

¹¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Ед. хр. 195. (По вопросу на основании каких документов содержатель магазина золотых серебряных и бриллиантовых вещей Н. Линден именуется себя придворным поставщиком высочайшего двора). Л. 1.

¹² Глезеров С. Е. Удельная : очерки истории. СПб., 2012. С. 160.

не заметить, тем более, что рядом с гербами красовались надписи большими буквами: «Придворные поставки» или «Поставщик дворов Е.И.В.». Также с рекламы исчезла надпись «Придворные поставки».

В 1900 г. Николай Линден открывает по соседству со своим ювелирным магазином, в доме 79 по Невскому проспекту, торговый дом «Новограммофон», имеющим в ассортименте граммофоны, пластинки к нему и совершенную диковинку — «бесшумные пластинки». Это, конечно, парадокс, так как на них записаны «соло, дуэт и хор». Просто они меньше других шипели и скрипели. Кроме этого, здесь был большой выбор нот. Их даже заказывали по телефону 32-10¹³. «Новограммофон» был *товариществом на вере*. В Российской империи до 1917 г. основной формой объединения купеческих капиталов являлись полные и командитные товарищества. Устав торговый называл эти товарищества «купеческими домами» или «торговыми домами»¹⁴. Товарищество на вере или командитное товарищество — коммерческая организация, основанная на складочном капитале, в которой две категории членов: полные товарищи и вкладчики-командитисты. Полные товарищи осуществляют предпринимательскую деятельность от имени товарищества и отвечают по обязательствам товарищества всем своим имуществом. Вкладчики-командитисты отвечают только своим вкладом, внесённым в развитие чего-либо (дела или проекта). Николай Густавович в этой фирме занимал должность «полного товарища». «Полному товарищу», в отличие от вкладчиков, запрещалось участие в других товариществах. Статья 69 Устава торгового гласила: товарищ одного дела не мог быть товарищем другого дела. Запрещение относилось только к участию в другом товариществе в качестве «полного товарища»¹⁵. И видимо поэтому, только после ликвидации в 1907 г. торгового дома «Новограммофон», в 1909 г. создается торговый дом «Николай Линден».

3 февраля 1897 г. Николай Густавович Линден был награжден орденом св. Анны 3-й степени¹⁶ по 18 пункту 459 статьи Свода Учреждений об Орденах с правами по 148 статье того же Свода. По этому пункту «право на получение третьей степени ордена Св. Анны, исключая лиц бывшего податного состояния, приобретают те, кто собственным иждивением, или склонением к тому других, соорудит церковь там, где по местным обстоятельствам настояла в оной особенная надобность». А 148 статья давала купцам, награжденным

¹³ Адресная книга города С.-Петербурга на 1902 г. / под ред. П. О. Яблонского. СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1902. С. 562.

¹⁴ *Гуляев А.И.* Справочная книга по торгово-промышленному законодательству и торговой практике. СПб. : Т-во Книжное дело, 1912.

¹⁵ *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права. СПб. : бр. Башмаковы, 1908. Т. 1. С. 331–332.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 542. Оп. 1. Ед. хр. 779. 1891 г. Линден Н., член. Л. 14.

этим орденом, право на потомственное почетное гражданство, указ о присвоении которого Николаю Линдену за № 3813 вышел 9 декабря 1897 г.¹⁷

Интересно и дальше проследить за тем, как благотворительная деятельность помогала продвигаться по карьерной лестнице или получать для себя какие-то выгоды. Различные награды, чины и мундиры в XIX — начале XX вв. использовались в правительственной политике как социальные и сословные стимулы благотворительности. И Линден этим пользовался.

В мае 1898 г. Николай Густавович был утвержден в звании почетного члена Мариинско-Сергиевского приюта с ежегодным взносом в 300 руб.¹⁸, а в январе 1899 г. он просит комитет приюта об исходатайствовании через помощника главного попечителя высочайшего разрешения на принятие и ношение ордена Короны Румынской, полученной им от короля Румынского¹⁹. Разрешение было получено 30 марта 1899 г.²⁰ А в августе того же года Линден снова обращается с аналогичной просьбой, только уже касательно Персидского командорского ордена 3-й степени Льва и Солнца, пожалованного Его Величеством Шахом Персидским, а также Болгарских наград: ордена За гражданские заслуги и кавалерского креста ордена св. Александра 5-й степени²¹. 29 декабря 1899 г. Николай Линден получает высочайшее разрешение на ношение и этих наград²².

Также Линден был участковым попечителем Общества покровительства животным, старостой церкви при Николаевском кадетском корпусе, членом еще нескольких приютов²³.

Не забывая об основной деятельности, предприимчивый купец изготавливал знаки Камчатского православного братства, учредителем и почетным попечителем которого он был. При этом не забывал ставить на наградах клеймо своего торгового дома²⁴.

Помимо вышеупомянутых орденов Н. Линден был награжден Анной 2-й степени, Владимира 4-й степени, Черногорским орденом св. Даниила 4-й степени, а также наперстным крестом, пожалованным ему лично Иерусалимским патриархом²⁵.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 542. Оп. 1. Ед. хр. 779. 1891 г. Линден Н., член. Л. 16.

¹⁸ Там же. Л. 17.

¹⁹ Там же. Л. 21.

²⁰ Там же. Л. 23.

²¹ Там же. Л. 25.

²² Там же. Л. 27.

²³ Там же. Ф. 19. Оп. 113. Ед. хр. 4133. 1907 г. (Клировая ведомость церкви св. Александра Невского при Николаевском кадетском корпусе). Л. 122.

²⁴ Там же. Ф. 569. Оп. 17. Ед. хр. 87. 1910–1915 гг. (О знаках православного камчатского братства). Л. 34.

²⁵ Там же. Ф. 19. Оп. 113. Ед. хр. 4133. 1907 г. Л. 122.

Постоянно Николай Густавович проживал в том же доме, где был его магазин — на Невском проспекте в доме 83. Жил он там с 1888 г., с момента регистрации его как купца 2-й гильдии, и в «Справочной книге Санкт-Петербургского купечества» за 1888 г. есть данные об адресе его местожительства и магазина. До этого года никаких данных о местах его проживания не обнаружено. На Невском он занимал квартиру из 8 комнат с ванной и ватерклозетом в пятом этаже под № 18 окнами на Невский и во двор, как раз над своим магазином. Плата за эту квартиру в 1904 г. составила 1800 рублей в год²⁶. В этой квартире он и жил вплоть до 1919 г.

9 июля 1902 г. Николай Линден покупает у жены генерал-лейтенанта Алексея Ивановича Кропоткина княгини Прасковьи Ильиничны Кропоткиной «участки по Старопарголовской дороге и Выборгскому шоссе за №№ 54-80» за 10000 руб.²⁷ По оценочной описи 1904 г. на участке находился жилой дом площадью 100 квадратных сажен и объемом 400 квадратных сажен, дворницкая-кучерская, конюшни, службы, оранжерея, беседка и два сарая. Оценочная стоимость земли со строениями в 1903 г. составляла 34425 руб.²⁸ По крайней мере, до 1913 г. дом не перестраивался, хотя были внесены изменения в хозяйственные постройки — построен новый сарай, надстроен второй этаж дворницкой-кучерской, рядом с конюшнями появился гараж для автомобиля. Все постройки были выполнены из дерева и крыты железом, за исключением покрытого толем сарая и стеклянной оранжереи. В 1913 г. оценочная стоимость земли со строениями составляла 39497 руб.²⁹ Дом, к сожалению, не сохранился, как он выглядел, можно увидеть на открытках того времени, но неподалеку от места, где он стоял, находится пруд, который местные жители до сих пор называют Линденовским. Пруд этот (как и еще несколько прудов этом районе) являются остатками древнего моря. По воспоминаниям старожилов района, еще в 60-х годах прошлого века в нем водилась рыба, в пруду купались, катались на лодках. К сожалению, сейчас этот пруд в плачевном состоянии. Но вот, что интересно — на плане участка дома Линдена, сделанного в 1911 г., пруда нет³⁰, как нет о нем упоминания и в других немногочисленных архивных документах, относящихся к этому

²⁶ Там же. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 2599. 1871–1914 гг. (О залоге имущества Маркевичами, А. А. Волконской, Коровиными по Невскому пр., 83 и Лиговской ул., 4). Л. 92.

²⁷ Там же. Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 3751. 1903–1913 гг. (Об обложении земским сбором недвижимого имущества П. И. Кропоткиной, Н. Г. Линдена по Алексеевской ул., 16 и Выборгскому шоссе, четные номера 54-80 в Лесном участке). Л. 1–2.

²⁸ Там же. Л. 5.

²⁹ Там же. Л. 15.

³⁰ Там же. Ф. 224. Оп. 3. Ед. хр. 520. 1911 г. (План участка земли Н. Г. Линдена по Алексеевской ул., 16 в Лесном уч.). Л. 2.

участку. Возможно, что пруд принадлежал соседнему участку. Судьба загородного дома Николая Линдена неизвестна.

А вот судьба другого владения Линдена весьма интересна. В 1903 г. он покупает еще один дом — на Вознесенском пр., 35³¹. Квартиры сдаются внаем, в доме открываются различные заведения: греческая столовая, малый кинотеатр «Гигант»³². Доход от дома в 1910 г. составлял 26000 руб.³³, что позволило Н. Г. Линдену просить ссуду под залог дома в размере «какой возможным окажется». Дом был оценен Санкт-Петербургским кредитным обществом в 165 800 руб. и заемщик получил ссуду в 65700 руб. сроком на 37 с половиной лет³⁴. И вот почти через 15 лет Линден решает его продать, а так как дом был заложен, то требовалось разрешение кредитного общества на продажу дома. Обратите внимание на даты: 23.10.1917³⁵ он посылает запрос, а 30.10.1917 приходит разрешение! Купчая заключается в декабре того же года³⁶. Вы чувствуете грозное дыхание революции? Почувствовал ли его Николай Линден и решил продать дом, пока не отобрали, а может быть это просто совпадение, остается лишь гадать.

Отдельного рассказа заслуживает Николай Линден как издатель. Издательская деятельность торгового дома «Николай Линден» началась в 1910 г. выпуском двух небольших брошюр — рассказа А. К. Касаткина «Семейное торжество» и его же стихотворения «Побольше правды». А. К. Касаткин также был издателем. Его издательство располагалось напротив дома и магазина Николая Линдена — на Невском проспекте в доме под номером 112. Хотя брошюры и продавались по цене в 1 копейку, оба произведения имели чисто рекламный характер. В рассказе «Семейное торжество» чета Кубышкиных празднует 25-летие своего брака, к ним домой приходят гости и дарят им различные подарки: кулончик, серебряные чарочки. Все — и гости, и хозяйка радуются крепкому семейному счастью...

— *Обручальные-то кольца крепки оказались!*

— *А где Вы их, папенька, покупали?*

...

³¹ Там же. Ф. 515. Оп. 2. Ед. хр. 5031. 1880–1917 гг. (Залоговые свидетельства, страховые полисы и план дворового места по Екатерингофскому проспекту и Вознесенскому проспекту №№ 13 и 35). Л. 7.

³² Там же. Ф. 513. Оп. 136. Ед. хр. 177. 1908 г. (По прошению Геева об открытии кинематографа в доме № 13/35 по Вознесенскому проспекту). Л. 1.

³³ Там же. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 5391. 1880–1917 гг. (По залогу имущества Н. Г. Линдена). Л. 136.

³⁴ Там же. Л. 140.

³⁵ Там же. Л. 149.

³⁶ Там же. Л. 151.

Кубышкин достал из комода коробочку.

— 25 лет храню. Читай!

— С. Петербург, Невский 83, против Знаменья, «Николай Линден».

Я там и браслет купил!

— А я жетончик!

— А мы чарочки!

— Лучший магазин по работе и дешевизне!³⁷

А в стихотворении Касаткина «Побольше правды» жители деревни Тихий Звон вдруг понимают, что жить не могут без часов и посылают за ними местного жителя Ванюху.

Много слышно голосов:

— Неудобно без часов!

Покупают пусть Ванюха, —

Будут плохи — влетим в ухо.

...

— Ай-да Ванька! Вот часы

Сверхъестественной красы!

— Верно ходят! В аккурате!

Получайте значит. На-те!

— Как сумел ты их принесть?

— «Николая Линден» есть

В Петербурге магазин

Лишь такой всего один:

Невский восемьдесят три!

Что? Понравилась? Смотри!³⁸

К 30-летию своего существования в 1912 г. фирмой «Николай Линден» был выпущен каталог золотых и серебряных изделий. Каталог рекламировался как «единственный по этой отрасли в России по изяществу и обилию материала... в 272 страницы, большого формата, на глазированной бумаге, в роскошном тисненном золотом переплете, с 1578 рисунками бриллиантовых и золотых вещей, серебряных изделий, часов, венков, знаков, образов, крестов, цепочек и пр.» И хоть издание каталога фирме обошлось в 1 рубль 50 копеек за экземпляр, каталог рассылался по почте по цене 60 копеек (85 копеек с марками), а образец каталога в 1/36 его часть высылались по почте бесплатно³⁹.

³⁷ Касаткин А. К. Семейное торжество. СПб. : торговая фирма «Николай Линден», [1910]. С. 7.

³⁸ Его же. Побольше правды. СПб. : торговая фирма «Николай Линден», [1910]. С. 3.

³⁹ Линден Н. Г. Святой благоверный князь Александр Невский, первый победитель немцев (5 апр. 1242 г.). Пг. : торговая фирма «Николай Линден», 1915. 2-я с. обл.

Открытка с рекламой магазина Николая Линдена на Невском пр., 83

В том же 1912 г. Николай Густавович Линден был выбран в Комитет по празднованию 300-летия дома Романовых и в связи с этим торговый дом «Николай Линден» выпустил брошюру, посвященную этому событию⁴⁰. Здесь уже Николай Густавович не прибегал к помощи издателя Касаткина и написал текст брошюры сам. Брошюра выдержала два издания, она состояла из небольших заметок, посвященных всем некогда царствующим Романовым. Так как заметки эти писал сам Николай Густавович, то в самом начале книги был помещен его портрет и это его единственная на данный момент фотография, не считая небольшой визитной карточки, хранящейся в Центральном государственном историческом архиве. Брошюра раздавалась бесплатно покупателям его магазина⁴¹.

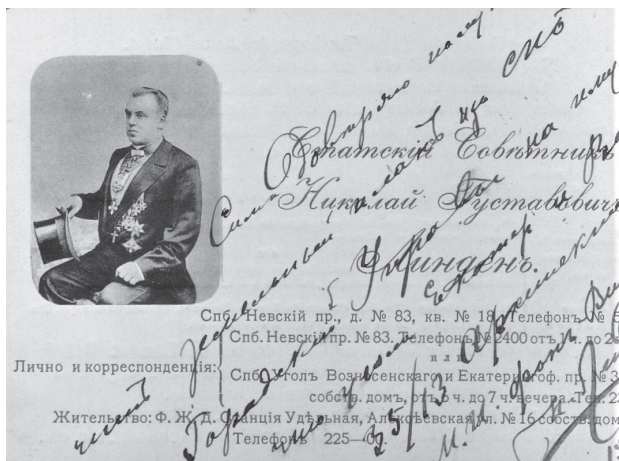
В 1914 г. после начала Первой Мировой войны магазин Николая Линдена подвергся разгрому⁴², и чтобы избежать этого в дальнейшем, торговой фирмой «Николай Линден» было выпущено несколько брошюр антигерманского содержания. Автором почти всех книг был сам Николай Густавович, но фамилию свою на титульном листе он изменил на Линд'ен, видимо, по той же причине. Почти на всех брошюрках крупно было выведено «бесплатно», скорее всего, их раздавали покупателям его магазина.

Но и тут предприимчивый купец не забывал о коммерции — мало того, что на страницах брошюр не было недостатка в рекламах его торгового дома, но и, например, в рассказе «На войне! Встреча» героиня «...забежала

⁴⁰ Его же. Дом Романовых : памятка рус. народу. СПб. : Николай Линден, 1913. 32 с. : портр.

⁴¹ Винокуров С. Линден Николай Густавович // Немцы России : энциклопедия. М., 2004. Т. 2. С. 345—346.

⁴² Глезеров С. Е. Указ. соч. С. 161.

3. Визитная карточка Н. Г. Линдена. Не позже 1910 г. ЦГИА СПб.

на Невский в ювелирный магазин Николая Линдена, купила маленький изящный медальончик на тоненькой цепочке, затем зашла напротив в часовню Знаменской церкви, горячо помолилась»⁴³.

Еще одно антивоенное издание, выпущенное торговым домом «Николай Линден» — сатирическая книжка поляка Владимира Висоцкого «Повесть о том, как черт Вильгельма выдумал». В ней войне дается религиозно-историческое объяснение. С того времени, как Лютер бросил в него чернильницей, «дьявол» жаждет мести. При рождении чертенка, черт дает его бездетному кронпринцу Фердинанду. Тот смотрит на ребенка «Как на диво, / Но вдруг из люльки: — пива! пива!» Дьявол ликует: «Ну, разве я, скажи, не шельма, / Наслал в отместку я Вильгельма / На ненавистный мне народ... / Я Лютеру придумал мечь!»⁴⁴.

Кроме того в 1915 г. отдельной книжкой был выпущен небольшой очерк «Александр Невский — первый победитель немцев», где Николай Линден дает обзор отношений с немецкими княжествами с удельно-вечевое периода и красочно описывает захват немцами исконно-русских земель и вот такими словами, вполне в духе настроений того времени, описывает политику немецких завоевателей: «Что чудное, то наше, а что плохо охраняется, то тоже наше»⁴⁵.

⁴³ Линден Н. Г. На войне! : встреча. СПб. : торговая фирма «Николай Линден», 1914. С. 8.

⁴⁴ Висоцкий В. Как черт Вильгельма выдумал : легенда. Пг. : Николай Линден, 1914. С. 10.

⁴⁵ Линден Н. Г. Святый благоверный князь Александр Невский, первый победитель немцев. Пг., 1915. С. 8.

Видимо, опять же, чтобы избежать очередного погрома, в 1915 г. Н. Г. Линден издал лубочную книжку «Повесть в лицах о славном муже Николае, зовомом Линден, зело полезна»⁴⁶, в которой выводил свой род от выходца из Швеции Олафа, якобы прибывшего в Россию при великом князе московском Василии I. Кроме того, вероятно, в этой книге упоминаются подробности из реальной жизни молодого Николая Линдена, например, учеба ребенком в Мелетинском погосте Псковской губернии: «...дан родителями своими ттецу некоему в Псковскую область, в Мелетин погост грамоте учиться и всякому духовному наказанию и закону христианскому»⁴⁷ или заграничное путешествие: «...юношеска возраста... начал объезжать зарубежные страны»⁴⁸. Ну и, конечно, в этой примечательной книжке красочно описывался его ювелирный магазин: «...ум твой помрачается удивлением от множества диковин, в ней сущих, и очеса по странам разбегутся»⁴⁹.

Данные о семье Николая Густавовича весьма скудны. В к лировых ведомостях за 1907 г. церкви св. Александра Невского при Николаевском кадетском корпусе, где Николай Линден был старостой, записана жена Линдена — Надежда Никифоровна 37 лет, а также сын Николай 16 лет⁵⁰. Логично предположить год рождения сына — 1891. Но дальше начинаются нестыковки. В свидетельстве Санкт-Петербургской купеческой управы, выданной 2 апреля 1897 г. для присвоения Николаю Линдену звания потомственного почетного гражданина, значится, что Николай Густавович Линден холост. Если это не ошибка, то тогда остается только предположить, что будущая бездетная чета Линденов усыновила мальчика или, что у жены Николая Густавовича Надежды Никифоровны уже был сын от первого брака. Учитывая благотворительную деятельность Линдена в различных, детских по преимуществу, приютах, вариант усыновления не кажется таким уж невероятным.

Согласно электронной энциклопедии «Кадеты России» Николай Николаевич Линден является выпускником Николаевского кадетского корпуса 1907 г.⁵¹

В «Справочных книгах о лицах С.-Петербургского [Петроградского] купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых

⁴⁶ *Его же*. Повесть в лицах о славном муже Николае, зовомом Линден, зело полезна. Пг., 1915. [2], 14 с. : ил. Литография.

⁴⁷ Там же. С. 4.

⁴⁸ Там же. С. 5.

⁴⁹ Там же. С. 9.

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Ед. хр. 4133. 1907 г. Л. 122.

⁵¹ Николаевский кадетский корпус // Кадеты России : энциклопедия кадетского воспитания и образования : [сайт] / В.К. Левченко. 2001–2015. URL: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1701_1918/1883_1918/nkk/comm.htm (дата обращения: 30.11.2020).

домах ...» данные о членах семьи Н. Г. Линдена отсутствуют, но в адресной книге «Весь Петербург» за 1902 г. появляется Линден Надежда Никифоровна, жена потомственного почетного гражданина, проживающая по адресу Невский пр., 83. Последнее упоминание о ней можно найти в этом же справочнике за 1912 г. А в справочниках за 1914–1916 гг. по тому же адресу появляется информация о Линдене Николае Николаевиче с социальным положением «пр.», то есть — прочие.

В 1918 г. магазин Линдена на Невском пр., 83 все еще работал, работала также и часовая мастерская⁵², но в журнале проверки торгово-промышленных предприятий за 1920 г. ни о магазине, ни о мастерской информация уже отсутствует. В 1919–1920 гг. имя Н. Г. Линдена числится среди плательщиков подоходного налога по адресу: Невский пр., 83⁵³ (налог был начислен более 15 тысяч руб.), а дальше след его теряется...

Фамилия Линден не упоминается в справочниках «Весь Петроград (Ленинград)» за 1922 и последующие годы в списке адресов. Встречается упоминание о вновь открытом в 1923 г. магазине «Николай Линден» в издании «Агафон Фаберже в Красном Петрограде»⁵⁴, но, по всей видимости, речь идет о часовой мастерской, открытой в 1922 г. в доме по Невскому пр., 83 в составе «Петроградского единого потребительского общества» (ПЕПО)⁵⁵, а в 1923 — ювелирном магазине по тому же адресу в составе того же ПЕПО⁵⁶. В справочнике «Весь Ленинград» за 1924 г. ни ювелирный магазин, ни часовая мастерская по этому адресу уже не упоминаются. И имели ли они отношение к Николаю Густавовичу, остается тайной...

⁵² ЦГА СПб. Ф. Р-1116. Оп. 1–3. Ед. хр. 8012. 1918–1920 гг. (Журнал проверки торгово-промышленных предприятий, расположенных по Невскому пр. № 43–83). Л. 75.

⁵³ Там же. Ед. хр. 7679. 1919–1920 гг. (Списки плательщиков государственного подоходного налога).

⁵⁴ Агафон Фаберже в Красном Петрограде / авт.-сост. Рупасов А. И. [и др.]. СПб. : Лики России, 2012. 279 с.

⁵⁵ Весь Петроград : адресная и справочная книга г. Петрограда на 1922 г. Пг., [1922]. С. 461.

⁵⁶ Там же. ... на 1923 г. С. 202.

Н. Б. Горбунов

РОМАН ГЕННАДИЯ АЛЕКСЕЕВА «ЗЕЛЁНЫЕ БЕРЕГА» КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

В статье историка архитектуры В. Г. Исаченко «Архитектура петербургского модерна в русской литературе»¹ особое место уделено образу Петербурга в романе искусствоведа, поэта и художника Г. И. Алексеева «Зеленые берега»². Литературовед Ю. Б. Орлицкий в своей рецензии на роман³ называет его архитектурным: сюжет романа, разворачивающийся параллельно в Ленинграде 1983-го и Петербурге 1908-го года, изобилует отсылками к петербургской топографии и истории архитектуры и искусства, что позволяет при должной подготовке использовать его в роли своеобразного культурного путеводителя. Однако непосредственное использование текста романа в этом качестве сильно затруднено, т. к. большинство топографических отсылок приведено автором в зашифрованном виде. Представляемый проект «Прогулки по «Зелёным берегам»⁴ имеет своей целью восстановление топографии романа и созданию на ее базе линейки культурно-туристических продуктов (комментированное издание романа, путеводитель по следам героев, маршруты для навигационных приложений и электронных аудиогидов и т. п.).

Топография романа «Зелёные берега» и образ Петербурга в нем

Еще в прологе романа Геннадий Алексеев обозначает начатую классикой «петербургского текста» линию Петербурга как мистической силы:

«Я всегда его обожал. Я всегда им восторгался. Я всегда был от него без ума. Но я всегда слегка его побаивался и был настороже. Правда, ему удавалось порой усыпить мою бдительность и обвести меня вокруг пальца. Притворства ему не занимать. Стоило мне только слегка расслабиться, чуть-чуть зазеваться и развесить уши... <...>

¹ Исаченко В. Г. Архитектура петербургского модерна в русской литературе // 100 лет петербургскому модерну : материалы научной конференции. СПб., 2000. С. 224–235.

² Алексеев Г. И. Зелёные берега : роман. Л. : Советский писатель, 1990. 336 с.

³ Орлицкий Ю. Б. Долгий сон с продолжением // Литературное обозрение. 1991. № 10. С. 57–59.

⁴ Страницы проекта в социальных сетях: <http://vk.com/spberega>; <http://facebook.com/spberega>

Вне всяких сомнений, это город был виновником случившегося! Это он искушал, соблазнял, испытывал! Это он увлекал меня в дали минувшего! Это он окружил меня призраками и водил вокруг меня хороводы теней! <...> Правда, он всегда любил громоздить немислимые фантасмагории. Правда, ему всегда нравилось подпустить туману в ясный божий день. Правда, из этого тумана он умел построить такое, что волосы становились дыбом у людей впечатлительных и нервных».

Для дальнейшего раскрытия этой темы автор выбирает необычный способ — топографический. По мнению авторов проекта, именно в расшифровке авторских топографических приемов содержится ключ к образу Петербурга в романе. Анализ текста романа позволил выявить в нем четыре таких приема.

Нечеткая топография: визуальные описания вместо топонимов

Самый часто используемый в «Зелёных берегах» топографический прием — подмена городской топонимики визуальными описаниями. Из-за этого читатель может опознать только либо те объекты, которые видел собственными глазами в нужном ракурсе, либо те, что входят в состав легко узнаваемых маршрутов. Это уже само по себе превращает чтение романа в городской квест.

Наиболее плотно такие описания сосредоточены в эпизоде с прогулкой от службы до кладбища в первой главе. Вот пример из самого начала эпизода:

«Приятно брести по широкой, прямой, пустынной улице, которая утыкается в белую громаду собора. Приятно глядеть, как пучатся и круглятся под серым небом его густо-синие купола. Они большие, но они чего-то боятся. Они сбились в кучу и ждут. Кто собирается на них напасть? Кто намерен их разрушить? Быть может, им можно помочь? Быть может, их судьба не безнадежна?»

Герой романа, как и сам автор, преподавал историю искусств на кафедре истории и теории архитектуры Ленинградского инженерно-строительного института (совр. СПбГАСУ). Учебный корпус Архитектурного факультета, где располагалась кафедра, находится на 2-й Красноармейской улице; соответственно, «широкая, прямая, пустынная» улица — 1-я Красноармейская, а собор — Троице-Измайловский (Измайловский пр., 7А). На момент написания романа (1983–1984 гг.) его купола действительно были темно-синими.

Более сложный пример можно встретить в седьмой главе в эпизоде прогулки по Петроградской стороне:

«Иду по узкой улице с высокими домами. На углу дом с башенкой. Башенка увенчана куполом, напоминающим средневековый шлем. На острие шлема флюгер в виде флажка. На флюгере цифра — 1897. Я люблю эту башенку

и этот флюгер, который давно уже не вращается и постоянно указывает на восток. Я всегда гляжу на башенку с радостью, убеждаясь в том, что никому не нужный, заржавевший, неподвижный флюгер еще цел. „Жить бы в этой башенке, — думаю я иногда, — жить бы на самом верху, под шлемом и глядеть оттуда на городские крыши!“»

Домов с башенками на Петроградской стороне более сотни, но описание позволяет существенно сократить круг поиска. Во-первых, очень немногие башенки одновременно принадлежат угловым домам, имеют шлемовидную форму купола и увенчаны флюгером в виде флажка. Во-вторых, чтобы смотреть из башенки на городские крыши, нужно, чтобы у нее были окна, расположенные выше уровня крыш. В-третьих, определить направление, в котором «заело» флюгер, можно либо по какому-нибудь приметному ориентиру (если он есть), либо по трассам улиц (если они ориентированы по сторонам света), либо по указателю направления на самом флюгере (если флюгер им снабжен). Ну и наконец, поблизости от дома с башенкой должны находиться описываемые далее в тексте распивочная «на широком проспекте» и маленькое кафе с абстракционистской росписью интерьера. Всем этим критериям соответствует только один дом — доходный дом Тимофеева (ул. Блохина, 3). Единственная очевидная нестыковка — надпись на флюгере (у дома Тимофеева ее нет вообще), но ни один из домов с башенками на Петроградской стороне не был построен в 1897 г., так что цифра эта, скорее всего, вымышленная.

«Топографически миражи»: мнимые объекты и собирательные образы

Некоторые архитектурные объекты, описанные в романе, имеют более одного реального прототипа — вплоть до того, что определить основной из них становится затруднительно или невозможно. Самые яркие примеры здесь — дома двух главных героинь. Вот как автор описывает дом Ксении во второй и третьей главах:

«Коляска сворачивает на набережную и останавливается перед пятиэтажным жилым домом с фасадом в духе Растрелли. (Много таких фасадов с легкой руки зодчего Штакеншнейдера появилось в городе сто с лишним лет тому назад. Они напоминают о временах, не стыдившихся роскоши и не отягощенных пристрастием к благородной сдержанности.) Чернобородый кучер слезает с козел и скрывается в воротах. <...> Упитанные гипсовые купидоны, сидящие над окнами, поглядывают на меня с ухмылкой».

Из описываемого далее маршрута прогулки в экипаже следует, что дом Ксении располагался южнее Невского проспекта. Пятиэтажный необарочный доходный дом в этой части набережных Мойки и канала Грибоедова

всего один — это дом Китнера (наб. канала Грибоедова, 79). Правда, у него нет крыльца со ступенями, и «упитанные гипсовые купидоны» (точнее, путти) не сидят над окнами, а редуцированы до маскаронов, но на фоне остальных совпадений этими деталями можно либо пренебречь, либо допустить, что образ дома является собирательным. В последнем случае лепные путти могли быть «позаимствованы» автором у другого здания в похожем стиле — очень похожий декор есть, например, на фасаде дома Утина (Конновардейский бул., 17).

А вот как в глазах автора выглядит дом Насти в первой главе:

«Настин дом построен в том стиле, который когда-то почти у всех вызывал негодование, а теперь почти всех приводит в восторг. Фасад живописен и претенциозен. Он благоухает цветами и женской парфюмерией. Цветы растут на карнизах и прямо на стенах, образуя подобие плотно засаженных клумб. Их вялые, длинные стебли, слегка изгибаясь, безвольно тянутся вниз и опутывают оконные наличники. Над окнами виднеются головы красивых печальных женщин с распущенными змеевидными волосами. Волосы тянутся к цветам. Цветы вплетаются в волосы. Печальные красавицы выглядывают из зарослей экзотических растений.

В вестибюле остатки мраморного камин. Он тоже украшен женской головой. Но эта женщина почему-то весела — она улыбается. Потолок вестибюля сплошь покрыт гипсовыми листьями. Вероятно, это листья тех цветов, которые на фасаде.

Настя живет на третьем этаже. Между вторым и третьим этажами на лестнице сохранился витраж: красная лодка под белым парусом несется по синему морю, разрезая носом кудрявые волны. Над морем повисли сдобные, румяные облака».

Описание фасада явно указывает на ранний («декоративный») модерн, но попытки копнуть глубже ни к чему не приводят. Можно выделить отдельные совпадения с домами Муяки (ул. Восстания, 18), Перцова (Лиговский пр., 44), Бадаева (ул. Восстания, 19) и Кельдаля (Каменноостровский пр., 13), но лишь на уровне отдельных фрагментов. Описанные декоративные элементы, в целом характерные для раннего модерна, встречаются на множестве фасадов того периода, но каждый раз выглядят немного иначе: маскароны расположены по-другому, волосы не тянутся к цветам, стебли не опутывают наличники. Все это увеличивает общее число возможных прототипов до полутора-двух десятков, но ни один из них не то что стопроцентного — даже более-менее уверенного совпадения с описанием не дает.

Описание вестибюля еще больше запутывает картину. С одной стороны, приведенная автором комбинация характерных признаков — лепные изо-

бражения лягушек (в декоре раннего модерна болотная фауна встречается гораздо реже, чем флора) и мраморный камин (камины в доходных домах того периода были преимущественно изразцовыми) — почти уникальна. С другой — найти эти признаки именно в таком виде и в таком сочетании (не говоря уже о сочетании с фасадом) не удастся. Лягушки среди листьев кувшинок (герой замечает их чуть позже, в восьмой главе) есть (точнее, были) в доме Барышникова (ул. Марата, 31), но не в форме потолочной лепнины, а на травленых витражах. Похожий по описанию камин можно найти, например, в доме Лыткиных (наб. Фонтанки, 51-53), но там отделочный материал не просматривается под толстым слоем краски, да и женский маскарон почти утратил выражение лица. В вышеупомянутом доме Бадаева (ул. Восстания, 19) камин в вестибюле мраморный, но без маскарона. В результате, как и в случае с фасадом, набирается около десятка фрагментарных прототипов, ни один из которых на общем фоне уверенно не выделяется.

С добавлением витража картина рассыпается окончательно. Для витража эпохи модерна парусная лодка — очень редкий мотив. Согласно исследованиям Е. Ю. Иванова⁵ и Т. В. Княжицкой⁶, таких витражей в Петербурге на момент написания романа (1984) сохранилось всего два — в особняке Башкирова (Кирилловская ул., 4) и в доме Теодориди (Малый пр. В. О., 38-40; утрачен). Но на обеих лодка не красная, никуда не несется, и никаких румяных облаков. Облака есть на витраже в особняке Прибыткова (пос. Прибытково Гатчинского р-на, Школьная ул., 2), но там уже не лодка, а большой парусный корабль — как и в доме Хакмана в Выборге (ул. Северный Вал, 7). Больше всего похожа на описание лодка во все том же доме Бадаева (ул. Восстания, 19) — но это не витраж, а майоликовое панно, и расположено оно не на лестничной клетке, а в вестибюле. Итого при слабовыраженном техническом лидерстве дома Бадаева однозначно идентифицировать описываемый объект не удастся.

Раздвоение реальности: описания, соответствующие нескольким объектам одновременно. Здесь, в отличие от предыдущего случая, авторское описание позволяет точно идентифицировать объект, но таких объектов оказывается больше одного. Автор использует этот прием, чтобы намеренно запутать следы — так, например, в конце романа исчезает часовня на Смоленском кладбище, описанная в первой главе:

⁵ Иванов Е. Ю. Каталог-путеводитель по витражам Санкт-Петербурга (период до 1917 года). СПб. : Изд-во СПбГТУ, 2001. 297 с. ; Его же. Витражи Петербурга. Атрибуция произведений : [альбом]. СПб. : РоСК, 2012. 44 с. : ил., цв. ил.

⁶ Княжицкая Т. В. Витражи Санкт-Петербурга. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 113 с., [28] л. ил., цв. ил.

«Недалеке зияет арка кладбищенских ворот. Из-за нее виднеется приземистый купол небольшой церкви.

Кладбище старое, запущенное. Здесь давно не хоронят. Покосившиеся кресты. Полуразрушившиеся памятники. Ржавые решетки ветхих оград. Рухнувшие на землю стволы мертвых деревьев.

Подхожу к церкви. У входа — скамейка. На ней сидят старушки в черных платках. <...> Огибаю церковь. <...> Иду по узкой, протоптанной в снегу тропинке в сторону речки. <...> За речкой, на другом берегу, громыхая проезжает трамвай».

Здесь реальность героя начинает раздваиваться прямо от кладбищенских ворот. Описание построено так, что под него подпадают одновременно два петербургских кладбища — Смоленское и Никольское. На территории обоих есть церкви, купола которых возвышаются над аркой ворот. За обеими церквями есть водоем, на другом берегу которого проходит трамвайная линия (для Смоленского кладбища его роль играет река Смоленка, для Никольского — кладбищенский пруд; в первом случае трамвайная линия проходила по проспекту КИМа, во втором — по проспекту Обуховской обороны). Оба кладбища были закрыты в 1920-х гг. и одинаково обветшали к моменту написания «Зелёных берегов». Все это позволяет автору убедить читателя, что описываемая далее часовня — усыпальница Анастасии Вяльцевой — действительно располагалась в северной части Надеждинской дорожки Смоленского кладбища, а затем провалилась под землю из-за просадки грунта. На самом же деле она как стояла, так и до сих пор стоит на своем месте на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

«Психотопография»: искривление реальности в зависимости от состояния героя

Этим приемом автор пользуется только один раз — чтобы подчеркнуть кульминацию. К сожалению, этот блестящий ход остается совершенно незаметным для неподготовленного читателя, потому что требует, во-первых, идентификации всех упоминаемых объектов по описаниям, а во-вторых, понимания их относительного расположения на карте города. Начинается этот маршрут как обычная городская прогулка:

«По другому берегу Мойки чуть впереди меня идет женщина. <...> Идет, наклонив голову и будто бы отвернув от меня лицо. Вот мост. Перехожу на другой берег, теряю на этом время и отстаю. <...> Женщина идет не оглядываясь, не поворачивая головы. <...> Каблучки стучат по граниту тротуара. <...> Женщина сворачивает в переулок и скрывается за углом. Поспешно поворачиваю следом за ней. Ищу ее глазами, но ее нет. Где же

она? Куда она делась? <...> У ближайшей подворотни мелькнуло что-то черное с коричневым. Кидаюсь туда».

В этом фрагменте герой, преследуя призрак своей возлюбленной, движется по правому берегу Мойки от Михайловского замка вниз по течению; затем переходит Мойку по Певческому мосту и сворачивает в Вольинский переулок, где призрак заманивает его в лабиринт дворов дома Корсаковой (Вольинский пер., 4). А вот что происходит, когда герой выбирается из лабиринта:

«Возвращаюсь на улицу. Иду дальше. <...>

Два огромных, плечистых, мускулистых атланта, скорчившись от напряжения, держат на плечах тяжелейший, толстый, высокий — на четыре этажа эркер. Судя по выражению их лиц, держат они его давно. Они чертовски устали, они теряют последние силы. И никто не хочет им помочь, никто не собирается их сменить. А если они плюнут и уйдут, эркер тут же рухнет и увлечет за собой дом, который тоже рухнет, увлекая за собой соседние дома. <...>

Аптека. У входа обычная вывеска:

Городское аптечное управление

АПТЕКА № 31

работает с 9 до 20 часов

Выходной — воскресенье

А повыше, над входом, сквозь тонкий слой краски проступают крупные буквы:

АПТЕКА ПРОФ. ДРЕЕРЪ И СЫНОВЬЯ <...>

Огромный дом с бесчисленными дворами. Все они чистые, опрятные, тщательно асфальтированные и пустые. Людей нигде не видно. Полутемными туннелями проездов перехожу из одного двора в другой. Они не кончаются. Их несметное количество. Я попал в лабиринт. Мне не выбраться из него, не выбраться! В следующем дворе меня поджидает чудовище с головой быка! <...>

Надо мной занесены копыта бронзового коня. У него на спине восседает некто величественный, простерший руку на северо-запад. Гляжу снизу вверх на угрожающе вознесшиеся копыта, на бронзовый неподвижный лик седока. Еще мгновение, и я брошусь наутек, как герой известной поэмы, сочиненной известным стихотворцем, и буду долго-долго бежать по городу, то и дело оглядываясь — не скачет ли за мною кто-нибудь?»

В первом фрагменте угадывается доходный дом Ратькова-Рожнова (Кирочная ул., 32-34), во втором — аптека и доходный дом Пеля (7-я линия В. О., 16-18), в третьем — жилой дом Первого Российского страхового общества (Каменноостровский пр., 26-28), в четвертом — памятник Петру I на Сенат-

ской площади («Медный всадник»). С точки зрения языка и структуры текста сегменты прогулки «до» и «после» дворов в Волынском переулке ничем не отличаются: в обоих случаях город представлен цепочкой визуальных описаний. Но если нанести оба сегмента на карту, то первый предстает на ней линейной последовательностью, второй же — хаотической россыпью. На этом основании можно сделать предположение, что после встречи с призраком лицом к лицу герой теряет рассудок, проваливается в забытье, где город является ему беспорядочно — а возможно, даже переходит в иной мир. Это, в свою очередь, наряду с явным упоминанием «Медного всадника», отсылает к одноименной поэме А. С. Пушкина, герой которого «не разбирал дороги... не примечал». Без картографирования различить эту ключевую для сюжета деталь было бы невозможно.

Все вышеперечисленные приемы служат одной цели — представить город притворщиком и мистификатором и вовлечь читателя в игру с ним. Разгадав правила этой игры, читатель получает ключ к городу.

Роман «Зелёные берега» как путеводитель

История — это нить, соединяющая предметы. Расшифровав топографию романа «Зелёные берега», читатель привязывает многочисленные комментарии и замечания его героя к физическому пространству города — и это автоматически превращает их в цикл экскурсионных маршрутов. Единственное, чего в этих маршрутах не хватает — более подробного раскрытия предмета отсылки: многие реплики героя подразумевают наличие у читателя исторической и искусствоведческой подготовки, что в общем случае не всегда так. Чтобы компенсировать этот недостаток, в рамках проекта, кроме восстановления топографии романа, был разработан справочный аппарат из более чем четырехсот комментариев к тексту. В результате было создано пятнадцать экскурсионных маршрутов с различными тематическими акцентами (градостроительство, архитектура петербургского классицизма, модерна и неоклассицизма, петербургские пригороды, история петербургского транспорта и т. д.). В настоящий момент готовится к публикации литературный путеводитель по материалам проекта; продолжается работа над экскурсионными материалами и электронными аудиогuidaми для самостоятельных путешественников.

Авторы проекта надеются, что тема культурных путеводителей будет развиваться и дальше, позволяя жителям и гостям Петербурга взглянуть на него по-другому — глазами писателей, поэтов, драматургов, художников, фотографов, кинематографистов и других творческих деятелей прошлого и настоящего.

Е. Ю. Диук

«БЕЗУМНАЯ БОЛЬНИЦА» НА 17-Й ВЕРСТЕ ПЕТЕРГОФСКОЙ ДОРОГИ

Петергофская дорога — путь, соединявший столицу Российской империи с дворцовым пригородом. В те времена она была застроена дворянскими усадьбами с роскошными садами, теперь же все заполнили многоэтажные дома и торговые центры. Сейчас здесь уже мало что напоминает о прежних временах и былом величии — и одним из таких «осколков прошлого» является господский дом М. И. Воронцова (современный адрес — ул. Чекистов, д. 13В).

Роскошная усадьба в стиле классицизма, стоящая на возвышенном месте, до сих пор привлекает к себе взгляды, выделяясь на фоне современной застройки. За годы своего существования Воронцова дача сменила множество владельцев и предназначений. Многих исследователей вдохновила она на поиски информации. Однако при этом практически не освещенным в литературе остается «безумный» период с 1893 по 1919 гг., когда там располагалась Новознаменская больница-колония для умалишенных.

Между тем, данное заведение было новым для Петербурга и долгие годы считалось образцовым. Удаленная от столицы на 17 верст, колония была маленьким городом со своей структурой и правилами. Исключительность этой больницы состояла еще и в том, что здесь на протяжении многих лет бок о бок жили люди разных возрастов, национальностей, профессий и социальных слоев. Сохранился богатый архив колонии, включающий не только официальные документы, но и коллекции дневников пациентов, их стихов, рассказов и рисунков. И это само по себе уникально и ценно, ведь за сухими цифрами психиатрической статистики зачастую не заметны сотни личных трагедий и человеческих судеб.

К концу XIX века вследствие прироста населения столицы увеличилось и количество душевнобольных. Вскоре все городские психиатрические учреждения оказались переполнены. Особенно сильно это сказалось на больнице Св. Николая Чудотворца, в обиходе называемой «Пряжкой», где увеличилось количество несчастных случаев. Переполнены были и другие

психиатрические лечебницы города. Городское Управление начало поиск средств для решения данной проблемы и приобрело загородное земельное владение для устройства лечебницы нового типа — больницы-колонии. В нее планировалось отправлять пациентов, чья болезнь протекает относительно спокойно, и среди которых много дисциплинированных и способных к труду, а также слабоумных от рождения, эпилептиков, алкоголиков и выздоравливающих. Выбор пал на усадьбу, которая располагалась на 17-й версте Петергофской дороги¹.

Имение было построено еще во времена царствования Екатерины II, принадлежало сначала канцлеру М. И. Воронцову, затем было куплено оберштаммейстером А. Л. Нарышкиным. Перейдя впоследствии от Нарышкиных к роду Мятлевых, получило название Новознаменской дачи, это название за ним и закрепилось. В 1888 г. по решению государя дача была приобретена у последних владельцев и передана Мариинскому попечительству о слепых, где затем было решено открыть больницу-колонию для душевнобольных.

Новым хозяевам достались каменная 3-х этажная усадьба екатерининских времен, «готический» дом, расположенный неподалеку, а также несколько старых хозяйственных построек. Очевидно, что этих помещений было недостаточно для размещения больных, поэтому под руководством известных архитекторов М. А. Иванова и М. П. Боткина началось возведение комплекса жилых павильонов. По воспоминаниям очевидцев, здания размещались параллельными рядами и совсем не походили на казенные казарменные постройки, а скорее напоминали загородные дачи. Каждый такой павильон мог вмещать до двухсот человек. Палаты отличались безукоризненной чистотой, имели большие окна без решеток, хорошие голландские печи. Помимо жилых построек на территории усадьбы были сооружены церковь, мастерские, баня, столовая. Для обеспечения колонии продовольствием организовали скотный и птичий дворы².

Желание в максимально короткие сроки ввести в строй новую больницу сыграло с Управлением злую шутку, и учреждение два года фактически оставалось без постоянного руководства. Еще до дня официального открытия заведование поручили доктору С. А. Белякову, однако вместе с этим на него временно были возложены обязанности главного врача больницы Св. Пантелеймона — и это при том, что расстояние между ней и Новознаменской

¹ Чечотт О. А. К проекту устройства в Новознаменской даче колонии для умалишенных хроников. [СПб., 1892]. С. 3.

² Краткий очерк развития и деятельности за десять лет С.-Петербургской городской больницы-колонии для душевнобольных на Ново-Знаменской даче / сост. орд. больницы Ф. А. Наумов. СПб., 1903. С. 6. (Прил. к № 38 «Известий С.-Петерб. гор. думы»).

дачей составляло 30 верст. Понятно, что находиться в двух местах одновременно Беляков не мог, и следующим решением больничной комиссии было назначение на эту должность главного врача больницы Св. Николая Чудотворца О. А. Чечотта. Тоже временно. Лишь весной 1895 г., после объявления конкурса, из семи кандидатов был выбран доктор медицины Н. Н. Реформатский, ординатор психиатрической больницы московского губернского земства в селе Покровском-Мещерском, который и приступил к исполнению своих обязанностей 30 мая.

Вероятно одной из причин таких сложностей была удаленность Новознаменской больницы от столицы, нежелание докторов мириться с трудностями загородной жизни. Во всяком случае, именно поэтому, а еще потому, что в составе больных были преимущественно «хроники», не представлявшие особого клинического интереса, служба в новом заведении не привлекала молодых психиатров. Тем не менее необходимый штат был набран.

Ежедневно, после обхода больных, врачи собирались для проведения конференции. На ней обсуждались неясные клинические случаи, решались вопросы о текущих нуждах заведения. Врачебный персонал задался целью превратить Новознаменскую колонию в «больницу будущего» и прилагал к этому все усилия.

Большую часть времени с пациентами проводили надзиратели. На курсы по надзирательскому делу допускались только грамотные лица обоего пола с образованием не ниже сельских школ, прослужившие в больнице не менее двух месяцев и получившие удовлетворительный отзыв от руководства. Обучение длилось десять месяцев и включало такие дисциплины как психиатрия, гигиена, уход за соматическими больными³.

Нередко в надзиратели шли бывшие пациенты больницы. Работа была ответственной и очень опасной, находилась на втором месте по количеству травм, получаемых от больных (первенство стойко удерживало травмирование их самих соседями по палате). Например, сохранилось прошение от Ивана Бурилина о выделении ему денежного пособия на поправку здоровья. Удерживая одного из пациентов, который пытался пить грязную воду из водосточной трубы, надзиратель получил сильный удар в ухо, что привело к глухоте⁴.

В силу специфики учреждения текучка кадров была высокой. Поэтому руководство больницы даже учредило награду за длительный срок службы — серебряную медаль «За усердие»⁵.

³ ЦГИА СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 66. Л. 36.

⁴ Там же. Д. 68. Л. 245.

⁵ Там же. Д. 68. Л. 245.

Контингент пациентов Новознаменки был самым разнообразным. На соседних койках могли оказаться сын священника и инженер-технолог, женщина-врач и дочь учителя, крестьянин Ярославской губернии и гражданин США, монах Коневского монастыря и потомственный дворянин, жена варшавского помещика и сестра милосердия⁶.

Анализ сохранившихся дневниковых записей показывает, что многие пациенты видели корень проблем в своем детстве. Часто причиной становилось расставание родителей: «Папенька бросил нас ради молодой профурсетки». Одна пациентка вспоминала, что проблемы с рассудком начались у нее после того, как отец, учитель гимназии (также имевший психическое расстройство), убил мать, пока та спала. Другая была уверена, что безумна из-за того, что в полтора года мать решила отлучить ее от груди и отдала на несколько дней тетке.

Большинство больных воспитывались в благополучных семьях, с детства проявляли незаурядные интеллектуальные способности, аутисты в современной терминологии. В качестве красноречивого примера можно привести детские воспоминания одного из таких пациентов:

«С 2-х лет начал обнаруживать страсть к чтению. У моего отца была история Наполеона III с картинками. С ней я так долго возился, что всю истрепал. Целые часы проводил я перед витринами магазинов и настойчиво просил мать, чтобы она покупала мне книги. Больше всего меня интересовали книги про зверей. <...> В Зоологическом музее я познакомился с профессором, он поразился моим стремлением к зоологии и велел мне выдать из библиотеки Академии наук сочинения Брэма «Жизнь животных» в 8-ми томах, с которыми я возился день и ночь, пока не усвоил наизусть названия и классификации почти всех животных земного шара. <...> Самый любимый мой журнал был «Огонек», в котором тогда были фотографии всех членов Государственной думы. Причем я знал всех наизусть и по фракциям, и даже выдумывал новых. И рисовал на них карикатуры: на правых, и на левых. <...> Вторым моим светским увлечением был трамвай: я знал наизусть все маршруты, все станции и остановки. И даже некоторые кондукторы из любопытства спрашивали: «А ну-ка, Миша, какая будет следующая остановка?» И получали верный ответ»⁷.

Среди пациентов были и несчастные влюбленные. С одним из них удалось познакомиться писателю Александру Павловичу Чехову (1855–1913):

«Передо мною стоял здоровый парень лет 35–40, с русою бородою, в собственном платье, и низко кланялся.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 197. Оп. 1. Д. 25. Л. 9–27.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 19. Л. 181–185.

— Вы — свежий человек, — обратился ко мне врач, указывая на парня, — уверьте этого господина, что высокопоставленная особа, в которую он влюблен, давно уже замужем. Нам он не верит.

Доктор назвал одно из весьма почтенных и почетных имен. Я поспешил, конечно, исполнить просьбу. Но и мои уверения не подействовали. Все лицо больного превратилось в одну общую мольбу. Сложив руки на груди, он страстно заговорил:

— Это ничего не значит, что она замужем. Мне бы только упасть перед ней на колени и высказать ей мою душу. У вас обширные знакомства, — решил он безапелляционно, — вы бываете у всех важных людей, похлопочите, ради Бога, чтобы меня допустили.

Врач любезно водил меня между койками, останавливаясь около других больных, но влюбленный не отставал от нас ни на шаг и твердил, точно в забыты:

— Мне бы только пасть перед нею на колени...»⁸.

Были и колонисты, на психику которых сильно подействовали революционные события: «Большевики с револьверами разогнали собрание служащих Порохового завода, где я служил, причем один из них наставлял мне в грудь револьвер», «Со мной хотели «покончить» какие-то солдаты с винтовками». У кого-то психические расстройства были связаны с последствиями «модной» болезни того времени — сифилиса⁹.

Для сбора информации о больных были введены особые дневники павильонов. В них помимо стандартных данных (имя, фамилия, диагноз) записывались особенности поведения и характера пациентов — изменения сознания, настроения, нападения на окружающих и прочее. Ниже приведены любопытные выдержки из дневника за 1914 г.¹⁰

- Получила праздничные продукты от родственников через дворника. Говорила: «Этот дворник ни при чем, а посылка переведена электричеством».

- Требовал дать ему отдельную комнату, т. к. он дворянин и не может жить с мужиками.

- Высказывал бред величия. Считает себя великим человеком, умным и сильно богатым, что он имеет наличного капитала 12 миллионов рублей денег. Называл графа Львова своим крестным отцом.

- Обличал весь служебный персонал, что они живут на средства, отпускаемые для больных, кушают различные блюда из дичи, ездят в экипажах.

⁸ Чехов А. П. 1. Призрение душевнобольных в Петербурге. 2. Алкоголизм и возможная с ним борьба. СПб. : А. С. Суворин, 1897. С. 29.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 197. Оп. 2. Д. 19. Л. 20.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 61.

Называл всех агентами сыскной полиции и провокаторами. Требовал перевести его в больницу Н. Чудотворца, где, по мнению больного, доктора сами выписывают для больных падших женщин.

- Высказывал, что он фабрикант и обладатель больших капиталов. Настойчиво требовал выдать ему шерстяное одеяло, в противном случае угрожал отдать всех под суд.

- Настойчиво требовал закурить папиросы, кавказских вин и пива. Колбасы ливерной и голландского сыра из Елисейского.

- Временами кричал «Здравия желаю Вашему Величеству».

В психиатрии того времени считалось, что труд является одним из главных средств для поддержания физических и душевных сил больного. Те из пациентов, кто имел возможность заниматься делом, соответствующим их силам, вкусам и способностям, дольше сохраняли свой интеллект от разрушения. И наоборот, больные, которые теряли интерес к какой-либо деятельности, быстро опускались духовно. Чтобы подобрать занятие для каждого, за пациентами наблюдали, отмечая малейшие особенности их характера.

Примеров тому много. Показателен следующий эпизод. В течение целой зимы один из больных упорно отказывался от работы. Не выходил из депрессии. Но на него не махнули рукой, а стали тщательно изучать его «душевные изгибы». Результат получился блестящий. С приходом весны ему предложили заниматься обработкой сада. «Он охотно согласился, ожил, в короткое время разобрал более тысячи корней георгин, развел и засеял цветы, и теперь в парке раскидано много прелестных цветочных клумб. В августе больной склеил собственноручно большую картонку-шкафчик с массой мелких выдвижных ящичков и с усердием и любовью собирает в них семена для будущего года»¹¹.

Наиболее трудолюбивыми из числа всех работников оказались выздоравливающие, за ними следовали паралитики (80%), страдающие старческим слабоумием и органическим поражением головного мозга (около 65%), вторично слабоумные (55%), с алкогольными психозами (53%), первично помешанные (50%), слабоумные от рождения (33%) и меньше всего эпилептики (20%).

Но даже слабоумных пациентов всячески старались приобщать к полезным занятиям. Известен случай про одного из таких больных. Его бредовые идеи выливались в уверенность, что для здоровья ему необходимо все время ходить. И если раньше он бесцельно бродил по парку целыми днями, а однажды даже получил из-за этого страшный отек ног, который пришлось вскрывать оперативно, то теперь ему велели протаптывать дорожки.

¹¹ Чехов А. П. Указ. соч. С. 24.

У него вновь проснулся интерес к жизни, желание быть полезным окружающим¹².

Труд больных мужчин отличался разнообразием и был направлен преимущественно на удовлетворение нужд больницы. Работа больных женщин заключалась преимущественно в шитье белья и вязании чулок. Немногие из них вязали кружева. Кроме изготовления белья для своей больницы постепенно начали выполняться заказы и для других учреждений.

Немаловажную роль в Новознаменке играло устройство досуга больных. В таких замкнутых, живущих своей особой жизнью учреждениях проводимые по праздникам развлечения служат отдыхом и вознаграждением для пациентов.

С первого же года существования больницы регулярно устраивались танцы, было проведено несколько спектаклей, на рождество наряжалась елка. Танцы проходили по воскресеньям, вечером после ужина, местом служил большой зал в здании 1-го павильона (главный дом). Здесь стоял рояль, за который садились больные, умевшие играть. В промежутках между танцами пациентам предлагались чай и сладости.

Также был приобретен волшебный фонарь, в этом же зале показывались туманные картины и велись просветительские чтения. Например, темой одного из таких вечеров была, согласно сохранившемуся объявлению, жизнь Богородицы, также больные приняли участие в дискуссии «Много ли человеку земли нужно?»¹³

Однако вскоре пациенты стали скучать на этих вечерах. На помощь пришли два врача, большие любители театрального искусства. Они стали устраивать во время вечеров чтения с эстрады, начали принимать личное участие в устраиваемых спектаклях. При этом возник план устройства постоянной сцены, вскоре она была организована в помещении бывшей столовой. Спектакли стали более частыми и оживленными, чем раньше. К участию в них были привлечены многие лица из среднего медицинского персонала и некоторые из больных. Спектакли стали лучшим и желанным развлечением, на них стали приезжать из города родственники и знакомые как пациентов, так и служащих больницы.

В летнее время для душевнобольных организовывались прогулки в лес и к морю, во время которых даже устраивались танцы под открытым небом. Зимой на одном из прудов оборудовались ледяные горки и каток, а на Святки ставили елку и устраивали раздачу сладостей. Те из пациентов, кто зарекомендовал себя как хороший, старательный работник, получали подарки.

¹² Там же. С. 25.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 197. Оп. 2. Д. 1. Л. 27.

В день празднования дня рождения А. С. Пушкина 26 мая в больнице проводились Пушкинские вечера. На них больные читали биографию знаменитого поэта и его творения. Артистами при участии некоторых пациентов разыгрывались сцены из «Бориса Годунова» или «Медного всадника», а также ряд живых картин на темы произведений писателя.

Кроме того, для удовлетворения потребности в чтении для больных была устроена библиотека. Некоторые книги были куплены на средства больницы, большую же часть пожертвовали частные лица и в особенности «Общество помощи в чтении больным и бедным». Благодаря этому библиотека располагала несколькими сотнями экземпляров. Она была приведена в порядок одним из призреваемых (старичком-паралитиком), который составил каталог книг и вел регистрацию их выдачи. Кроме того, выписывалось несколько газет и журналов. Насколько значительна была потребность к чтению со стороны больных видно из того, что за один год было зарегистрировано без малого четыре тысячи взятых для прочтения книг¹⁴.

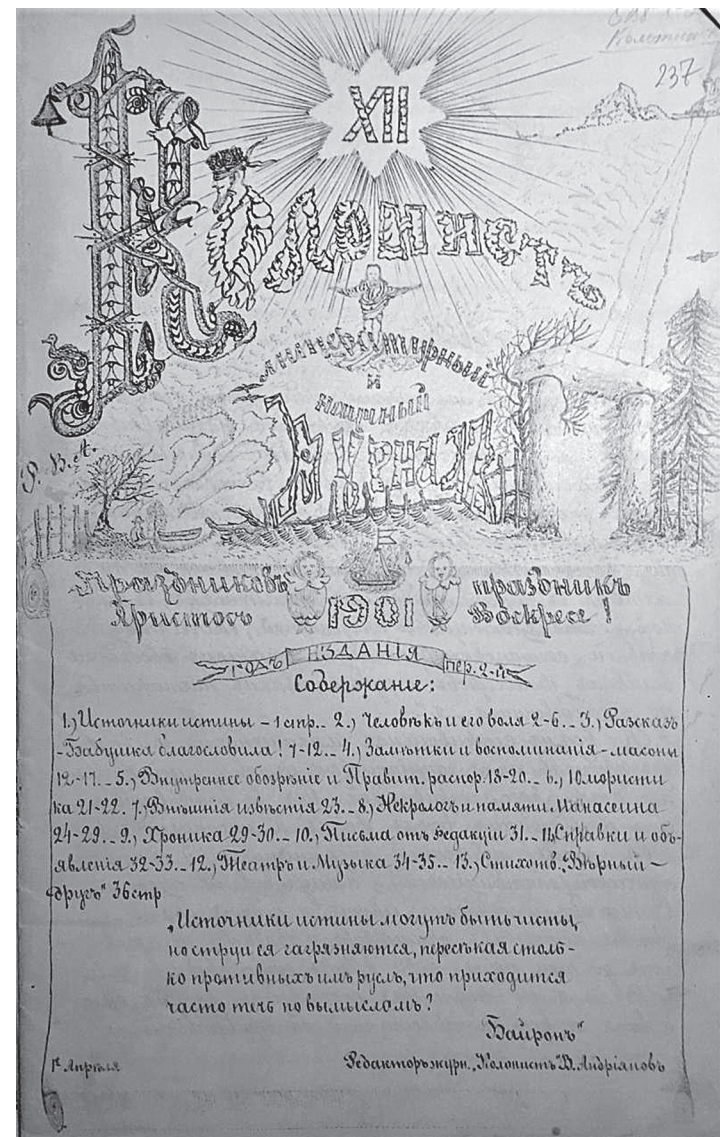
Начало нового столетия ознаменовалось для обитателей Новознаменки важным событием – появлением своего журнала. Редактором стал один из пациентов. Журнал призван был стать посредником между больными и руководством колонии. Он не имел четкого графика выхода, но обычно в месяц выпускалось два номера, в которых публиковались мировые и городские новости, афиши предстоящих больничных спектаклей, графики дежурств надзирателей, ребусы и головоломки. Были и анонимные объявления о знакомствах: «Колонист, обладающий многомиллионным состоянием, предлагает руку и сердце особе от 22-х до 30-ти лет, весом должна быть 3 пуда 3 фунта, и как только в супружестве окажется 5 пудов 20 фунтов, немедленно же мирно развестись, без всякого обеспечения со стороны мужа. Прошу присылать карточки в редакцию журнала»; «Колонист, потерявший Надежду, обронивший Веру и разошедшийся с Любовью, просит нашедшего — без вознаграждения — доставить по адресу редакции»¹⁵.

Удивительно, но в больнице был и собственный музей, который находился во 2-м, «готическом» павильоне. Предметы размещались в одинаковых витринах, выполненных по рисункам одного из пациентов отчасти им самим, отчасти другими больными в столярной мастерской больницы. Всего музей насчитывал более пятисот экспонатов, их можно было разделить на пять групп:

1. Образцы полезной работы больных. Помимо одежды, белья, обуви и разных видов женских рукоделений в эту группу входили также и сами витрины.

¹⁴ Краткий очерк развития и деятельности за десять лет С.-Петербургской городской больницы-колонии для душевнобольных на Ново-Знаменской даче. С. 43.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 197. Оп. 2. Д. 2. Л. 44.

Титульный лист журнала «Колонист», 1901 год. ЦГИА СПб. Публикуется впервые.

2. Образцы бесполезных работ больных. Необычной формы шляпы, странного вида украшения, составленные из кусочков дерева и разноцветных бумажек, причудливые, не имеющие никакого практического применения изделия из соломы, лоскутков, палочек и прочее. Об этих экспонатах сообщает А. П. Чехов: «Есть, например, больная, которая задалась целью вышить по канве столько священных изображений одного и того же содержания, сколько существует в ее понятиях прославляемых религией мест: монастырей, храмов, часовен, пустынь и т. д. Задавшись этой идеей, она вышила более тысячи своих иконок, и все это, конечно, напрасно, потому что очень уродливо»¹⁶.

3. Предметы, отобранные у «малосознательных пациентов и характеризующие различные степени упадка интеллекта, их бреда и прочее». «Существует еще больная, страдающая вторичным слабоумием. Она постоянно занята, постоянно работает, и коллекции ее изделий очень интересны в патологическом отношении, показывая, как постепенно в человеке гаснет от развившегося недуга Божья искра и разум. В былые времена женщина эта производила сносные рукодельные работы, затем стала делать их хуже и, наконец, перешла на разную чепуху: найдет камешек, оклеит его с помощью хлеба стеклышками и кусочками дресвы; отыщет донышко разбитой чашки или бутылки и налепит грубый хлебный крестик; из спичечной коробки сделает колыбельку для бумажного младенца; обрубок дерева превратит в какой-то загадочный бесформенный предмет и т. п. — и все это в ее глазах имеет ценность и смысл»¹⁷.

4. Предметы, опасные в руках больных и недозволенные к обращению: ножи, большие гвозди, орудия покушения на окружающих, камни, палки, заостренные куски железа, отобранные у больных предметы при попытках их к самоубийству, ключи, отмычки, бутылки со спиртными напитками, взятыми от больных, рисунки и рукописи нецензурного содержания.

5. Предметы, характеризующие разрушительную деятельность больных. Разбитые корабельные стекла изоляторов, обломки мебели.

Одним из главных экспонатов музея стал макет больницы¹⁸. Модель была исполнена по образцу, имеющемуся в немецкой колонии AltScherbitz. Его изготовлением занимались больные мужчины под руководством одного из младших надзирателей больницы — бывшего пациента. На это понадоби-

¹⁶ Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца : к 140-летию : [в 3 т.] / Ком. по здравоохранению правительства Санкт-Петербурга, Психиатр. больница св. Николая Чудотворца ; гл. ред.: С. Я. Свистун. СПб. : КОСТА, 2012. Т. 1. С. 230–241.

¹⁷ Там же. С. 241.

¹⁸ Краткий очерк развития и деятельности за десять лет С.-Петербургской городской больницы-колонии для душевнобольных на Ново-Знаменской даче. С. 51.

лось больше года. Макет с мельчайшими подробностями воспроизводил рельеф почвы больничной усадьбы со всеми находящимися на ней зданиями, мостами и деревьями, при том, что построек было больше пятидесяти. Макет выставлялся в Городской думе и обращал на себя внимание детальностью и изяществом работы. По предложению директора медицинского департамента Л. Ф. Рагозина в 1900 г. он был отправлен на Всемирную выставку в Париже, где получил похвальный отзыв¹⁹. Сведений о его судьбе, к сожалению, не сохранилось.

С началом Первой мировой войны, в 1914 г. часть врачей и обслуживающего персонала были призваны на службу. Финансирование больницы сократилось, новые корпуса не строились, а в имеющихся не производилось никакого ремонта. При этом количество пациентов не уменьшалось. В силу введения «сухого закона» с каждым годом снижалось количество больных с алкогольными психозами и алкогольным слабоумием, но тяготы, связанные с войной, в разы увеличили количество больных с психоневрозами. Нагрузка возросла и в связи с желанием родственников передать на попечение своих душевнобольных, которые в мирное время содержались в домашних условиях²⁰.

На одного служителя приходилось по семь больных. Эта норма сохранялась со времени основания больницы, когда предполагалось, что в ней будут находиться спокойные, работоспособные пациенты. Но постепенно характер больницы-колонии изменился, и она уже ничем не отличалась от других больниц этого профиля, в которых был норматив один служащий на пять слабых и беспокойных больных и один — на четырех буйных. Одним из следствий недостатка рабочей силы стало увеличение количества нападений больных друг на друга и на обслуживающий персонал.

После революционных событий 1917 г. в колонии наступила разруха. Часть больных были отпущены, часть умерли от голода. В ЦГА сохранился отчет Отдела здравоохранения за 1919 г., из которого следует, что из имеющихся 1 150-ти мест было занято всего 477. При осмотре больница представляла собой удручающее зрелище. Комиссия обнаружила следы сырости на стенах, в бараке для слабых некоторые больные оказались лежащими на кровати голыми без рубашек, при этом на дворе стоял февраль, а температура в помещениях едва достигала шести градусов тепла. Недостаток дров пытались компенсировать вырубкой аллеи в парке. Но пациенты все равно жаловались на холод, а также на малое количество пищи, что подтверждалось их внешним видом — анемичные, бледные, истощенные. От регулярного приёма ванн пришлось отказаться и ограничиться походом в баню 1 раз в неделю.

¹⁹ Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. СПб. : И. Шустов, 1900. С. 48.

²⁰ Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. Т. 1. С. 32–33.

Помещение кухни требовало полного ремонта. Котлы, в которых готовилась пища требовали ремонта. В комнате, где происходила мойка посуды, засорилась решетка на полу и служащие стояли по щиколотку в воде. Прачечная работала исключительно ручным способом из-за порчи барабана, в кладовой скопилась огромная груда мокрого гниющего белья, которое лежало в таком виде несколько месяцев. Вскрытие тел умерших в больнице больше не производилось по причине отсутствия прозектора — и иногда трупы задерживались в покойницкой на несколько недель.

Из беседы с немногочисленными оставшимися психиатрами (всего семеро, включая главного врача) выяснилось, что никакой культурно-просветительской деятельности в больнице больше не велось, заботились только о продовольствии. Якобы для ее возобновления был организован некий «больничный комитет», куда вошли несколько человек из низшего персонала. Но, как оказалось, вместо образовательной деятельности члены кружка занимались проведением конспиративных коммунистических собраний и хранением оружия²¹.

Из-за ухудшающегося положения в больнице-колонии было принято решение о ее закрытии. Почти полная невозможность использовать труд психических больных в тяжелое для страны время сделало их содержание бесцельным, так как при исключении трудового начала колония становилась рядовой психиатрической лечебницей. Кроме того, значительное уменьшение плотности населения Петрограда дало возможность удовлетворить потребность в психиатрической помощи больницами в черте города.

Встал вопрос о дальнейшем использовании больничной территории и многочисленных построек. Поскольку главное здание стояло на возвышенном месте, было открыто солнцу, а вблизи располагался песочный пляж, бывшую лечебницу сначала планировали использовать в качестве санатория для туберкулезных больных, однако по решению Комиссариата Здравоохранения комплекс построек был передан под исправительную колонию²².

Вскоре в бывших больничных корпусах разместились заключенные. В «готическом» доме устроили контору, а в главном здании был организован клуб. Здание деревянной церкви-столовой отвели под театр и кинематограф, при этом алтарь закрыли большим деревянным щитом, а сцену устроили напротив него²³. Так завершился 26-летний «безумный» период в истории Новознаменской усадьбы.

²¹ ЦГА СПб. Ф. Р-9156. Оп. 1. Д. 144. Л. 2–10.

²² Там же. Л. 12.

²³ 1-я Петроградская трудовая сельскохозяйственная колония для лишенных свободы : (Новознаменская колония) : [очерк]. Пг. : Карат. подотд. Петрогр. губ. отд. юстиции, 1922. С. 6–7.

А. С. Лисицына

ДОМА-БЛИЗНЕЦЫ А. Х. ПЕЛЯ: ИСТОРИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА ДОХОДНЫХ ДОМОВ НЕМЕЦКОЙ ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. ПЕТРА НА БОЛЬШОЙ КОНЮШЕННОЙ, 12 И МАЛОЙ КОНЮШЕННОЙ, 7

Лютеранские церкви образуют в Петербурге квартал между Большой и Малой Конюшенными улицами, Невским проспектом и Шведским переулком. «Узловыми точками» квартала выступают три церкви: немецкая, шведская и финская, каждая из которых в свое время являлась центром крупного прихода и располагала собственными доходными домами¹.

Немецкая евангелическо-лютеранская церковь Св. Петра (Петрикирхе) традиционно играла исключительно важную роль в церковной и городской жизни. В краеведческих источниках можно найти достаточно подробные сведения об истории и архитектуре самого храма², в то время как вопросы окружающей застройки освещены пунктирно. Относительно полно изучены разве что угловые корпуса-«пропилеи», выходящие на Невский проспект. Остальным элементам ансамбля в литературе уделяется меньше внимания.

Цель данного исследования — с опорой на архивные материалы изложить историю формирования еще одного неотъемлемого звена квартала — «домов-близнецов» А. Х. Пеля на Большой и Малой Конюшенной улицах. При этом ставились задачи прояснить обстоятельства возникновения замысла постройки и принципы выбора проекта, уточнить хронологию работ и условия их финансирования, отметить особенности архитектурно-художественного решения.

¹ Иванов М. Лютеранский квартал в Петербурге. СПб. : Европейский Дом, 2004. С. 6–7, 173 ; Кириков Б. М. Золотой треугольник Петербурга. Конюшенные: улицы, площади, мосты : историко-архитектурный путеводитель. М. : Центрполиграф ; СПб. : Русская тройка-СПб, 2017. С. 173.

² В числе наиболее авторитетных изданий: Die St. Petri-Gemeinde : zwei Jahrhunderte evangelischen Gemeindelebens in St. Petersburg, 1710–1910. SPb., 1910. [Bd.]. 1 : Die Kirche ; Евангелическо-лютеранская церковь Св. Петра и Павла в С.-Петербурге : строительная история, восстановление функции и реконструкция здания в 1994—1997 гг. / сост. и ред. С. Г. Фёдоров. Karlsruhe, 2003.

Предпосылки активизации строительной деятельности церкви

Застройка участка немецкой общины формировалась на протяжении длительного времени. Строений по периметру первой церкви (1730) на этом месте изначально не существовало. Затем стали появляться невысокие разрозненные дома, и постепенно наметился сплошной фронт застройки по Конюшенным улицам³. Сегодня дома вдоль обеих Конюшенных улиц сомкнуты неразрывно. Посередине поставлена двухбашенная кирха, построенная в 1833–1838 гг. по проекту А. П. Брюллова, — доминанта ансамбля.

В домах Немецкого квартала располагались церковная школа (Петришуле), квартиры церковных служителей и учителей, жилые и торговые помещения. Сдача внаем была одной из главных статей дохода Петрикирхе⁴.

Во второй половине XIX в. рост численности общины и возросшие потребности в финансировании благотворительных учреждений и школы⁵ привели к необходимости поиска новых источников пополнения церковной кассы. Очевидным решением было пойти по пути расширения церковной недвижимости, тем более что в связи с ростом торговых оборотов в столице в этот период строительство доходных домов стало делом особенно выгодным. Дополнительным стимулом стал удачный опыт строительства в 1830–1832 гг. упомянутых «пропилеев» — доходных домов Петрикирхе на углу с Невским проспектом⁶.

К тому времени периметральная застройка участка уже в общих чертах сформировалась, и церковь окружало восемь принадлежавших ей зданий⁷. Весной 1858 г. церковное руководство приняло решение заменить два приземистых корпуса XVIII в. в центре застройки (по современным адресам М. Конюшенная ул., 7 и Б. Конюшенная ул., 12) новыми четырехэтажными зданиями⁸. Предложение исходило от хозяйственного комитета церковного совета⁹ и было утверждено на заседании совета 26 мая 1858 г.¹⁰

Конкурс проектов

Строительством вплотную занялись в следующем году. По просьбе церковного совета проект новых зданий подготовил опытный архитектор Алек-

³ Die St. Petri-Gemeinde... ; Lemmerich C. Ueber die Geldverhältnisse der deutschen Hauptschule St. Petri. SPb., 1865.

⁴ Иванов М. Указ. соч. С. 34 ; Кириков Б. М. Указ. соч. С. 217 ; ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 223.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 190. Л. 8.

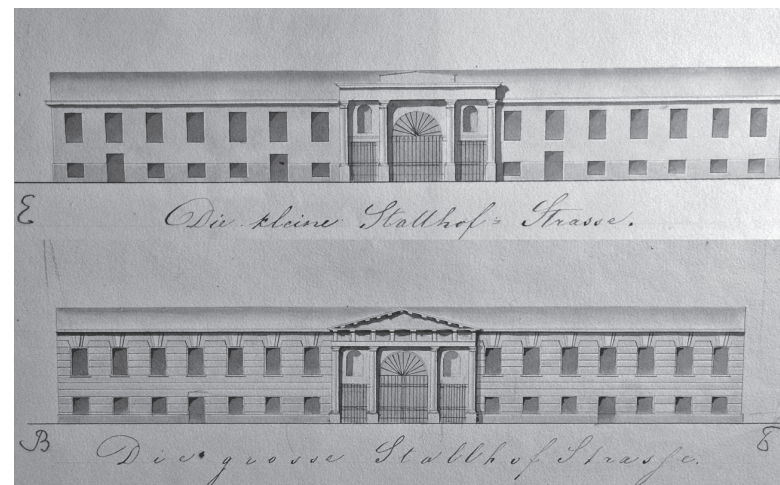
⁶ Таубер В. А. Церковь Петра и Павла : историко-архитектурная справка. 1938 // КГИОП. Н-52/2. С. 243.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 148. Л. 2.

⁸ Евангелическо-лютеранская церковь... С. 53 ; ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 189. Л. 37 об.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 188. Л. 219 ; Д. 189. Л. 79.

¹⁰ Там же. Д. 188. Л. 222 ; Д. 189. Л. 37 об.

Фасады старых корпусов на чертеже Я. Хофера, 1842 г. ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 148. Л. 32, 57

сандр Христофорович Пель (Пёль) (Poehl) (1809–1902)¹¹. Одновременно свои проекты представили — «по побуждению некоторых членов церковного руководства» — трое других зодчих: Л. Бонштедт, К.-Г. Альштрём и Я. Хофер¹². Спонтанно образовался настоящий конкурс.

Все проекты предполагали — в соответствии с пожеланием церковного совета — возведение четырехэтажных каменных зданий¹³, нижний этаж

¹¹ Там же. Д. 190. Л. 7. Для лютеранского прихода Св. Петра архитектор Пель был человеком далеко не посторонним. Он учился в пансионе Коллинса при Петришуле и имел тесные контакты с общиной, выполнив для нее несколько проектов. В 1859–1860 гг. по его проекту были построены описываемые здесь «дома-близнецы», а в 1870–1871 гг. Пель руководил перестройкой двух других церковных домов (на Б. Конюшенной, 10 и М. Конюшенной, 5). Последней крупной работой зодчего стала объемная реконструкция Петришуле (1876–1877), которую он выполнил безвозмездно вместе со своим зятем архитектором Ю. Ф. Бруни. А. Х. Пель похоронен на принадлежавшем общине Волковском лютеранском кладбище, где его могила сохраняется до наших дней. См.: Зодчий. 1902. Вып. 23. С. 269 ; Петербург немецких архитекторов: от барокко до авангарда. СПб. : Чистый лист, 2002. С. 124–125 ; Die St. Petri-Gemeinde... Стб. 96.

¹² Штатный архитектор Петрикирхе с 1841 по 1861 г. См.: ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 143. Л. 7 ; Д. 142. Л. 59. Д. 196. Л. 121 об. Подробнее о Я. Хофере см.: Лисицына А. С. История одной двери. О портале Петрикирхе на Невском проспекте // Фонтанка : культурно-исторический альманах. СПб., 2018. № 24. С. 37–54.

¹³ Отметим, что в тот период в столице было довольно мало таких высоких домов: даже в самом конце XIX в. количество четырехэтажных домов в городе составляло лишь 14%, преобладали всё еще двухэтажные. См.: Покровский В. И. Статистический очерк С.-Петербурга. СПб., 1894. С. 13.

которых отводился под магазины, а остальные — под жилые помещения¹⁴. Стоимость строительства Пель оценил в 145 080 руб. серебром¹⁵, Хофер — в 145 220 руб. По проектам Бонштедта и Альштрёма строительство должно было обойтись примерно в 170 000 руб.¹⁶ При этом чистый годовой доход от сдачи внаем помещений в новых домах прогнозировался на уровне 10 000 руб., или 6–7% от общей суммы строительства. Отсюда был сделан вывод, что проектируемое строительство следует признать делом «полезным и даже необходимым»¹⁷.

При оценке проектов совет исходил из двух основных принципов: 1) планировка помещений должна быть практичной, рациональной, выгодной с точки зрения сдачи в аренду; 2) фасады должны иметь «подобный церковным домам вид» и не выделяться среди соседей «чрезмерной пышностью». Совет счел разумным представить проекты на рассмотрение «сведущим беспристрастным» специалистам, в качестве каковых попросил выступить архитекторов А. Штакеншнейдера, А. Кракау и П. Плавова¹⁸.

Архитектор Плавов сделал выбор в пользу фасада, предложенного Хофером¹⁹, а в отношении внутренней планировки склонялся к варианту Пеля²⁰. Кракау наиболее высоко оценил планировку в проектах Бонштедта и Пеля, признав последний также наиболее гармоничным с точки зрения фасадного решения²¹.

Но самым добросовестным экспертом показал себя профессор Штакеншнейдер, составивший подробное заключение по каждому проекту. Не изменяя дипломатично-поощрительному тону, крупнейший петербургский зодчий счел все варианты «хорошими» и «заслуживающими внимания»²². С точки зрения фасада, по его мнению, наиболее привлекателен проект Альштрёма, однако стоимость строительства слишком высока и стиль «не

¹⁴ За исключением проекта Альштрёма, предполагавшего еще и второй этаж по крайней мере одного из домов отвести под магазины. Хофер, в свою очередь, предложил сделать пристройку к соседнему зданию для размещения каретных сараев и прачечных. См.: ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 190. Л. 7 об.

¹⁵ Собственноручная смета архитектора Пеля от 20 января 1859 г. сохранилась в архиве. См.: ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 188. Л. 225—228. Сумма не включает гонорар архитектора, который рассчитывался как 5% от сметной стоимости (см.: РГИА. Ф. 828. Оп. 3. Д. 50. Л. 2).

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 190. Л. 7 об.

¹⁷ Там же. Л. 8.

¹⁸ Там же. Л. 9 об.

¹⁹ Там же. Л. 30 об.; Д. 188. Л. 231.

²⁰ Там же. Д. 190. Л. 30 об.

²¹ Там же. Л. 31 об.; Д. 188. Л. 232.

²² Там же. Д. 190. Л. 30 об.

вполне вписывается в существующую застройку»²³. Проект Бонштедта «великолепен» и даже «гениален», хотя смущает слишком изысканное обустройство квартир. Вариант Пеля составляет «гармоничное целое» внешних фасадов и внутреннего устройства и отличается наиболее приемлемым стилем с точки зрения соответствия окружающей застройке. Удобство входов и расположение квартир и магазинов Андрей Иванович также нашел исключительно практичным. Дополнительным плюсом проекта является его низкая стоимость. Проект Хофера проработан по сравнению со всеми остальными «наиболее слабо», однако и он может быть «прекрасно осуществлен» при «внесении некоторых изменений»²⁴.

Изучив на заседании 14 февраля 1859 г. заключения экспертов, члены церковного совета единогласно высказались в пользу проекта Пеля. Решено было лишь несколько упростить фасад и внести ряд небольших дополнений (например, добавить балконы)²⁵. На пленарном заседании 18 февраля было окончательно утверждено строительство по проекту Пеля²⁶.

Для курирования работ был сформирован строительный комитет из членов церковного совета²⁷, приступивший к работе 7 марта²⁸. В задачи комитета входило обсуждение с архитектором возможных переделок, а также ведение согласований с вышестоящими инстанциями²⁹. Во всех важных случаях зодчий обязан был консультироваться с комитетом. Комитет также отвечал за заключение (по согласованию с Пелем) контрактов с подрядчиками и поставщиками и контроль своевременного, полного и добросовестного выполнения ими своих обязательств. Кроме того, от комитета требовалось вести

Архитектор А.Х. Пель. ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 289. Л. 123; см. также: Die St. Petri-Gemeinde... Сиб. 95–96.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 190. Л. 31.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 31 об., 32.

²⁶ Там же. Л. 36 об.

²⁷ Там же. Л. 43, 44 об.; Д. 194. Л. 161.

²⁸ Там же. Д. 188. Л. 259; Д. 190. Л. 48 об.

²⁹ Там же. Д. 190. Л. 43.

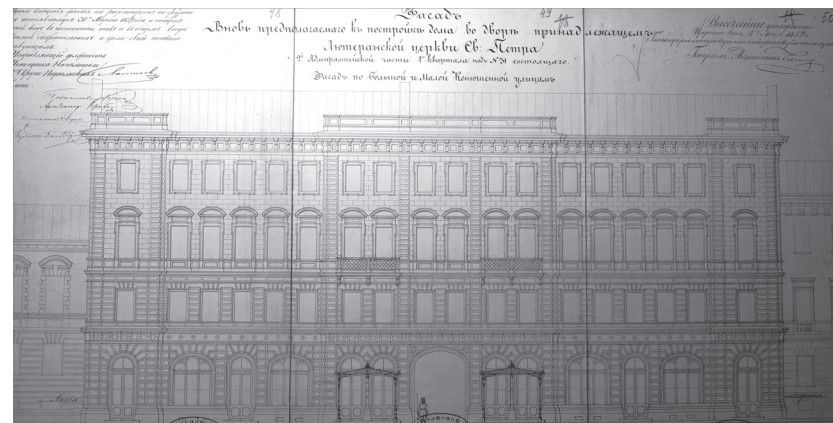
подробный гроссбух³⁰ и периодически докладывать совету о ходе строительства³¹.

Церемония закладки зданий состоялась в воскресенье 28 июня 1859 г.³² По окончании богослужения в церкви Св. Петра процессия с песнопениями направилась на стройплощадку. Первыми шли мальчики из сиротского приюта Петрикирхе и певцы, затем каменщики, которые несли закладные камни, и архитектор. За ними шествовали состоявшие в строительном комитете генерал-лейтенанты П. де Росси и П. фон Ренненкампф, первый — с молотком, второй — с кельмой; далее шли двое членов церковного совета и двое приходских депутатов: первая пара несла монеты для закладки в фундамент, вторая — золоченые латунные закладные доски. За ними двигались прочие члены строительного комитета, учителя Петришуле, остальные члены церковного совета, пасторы и президент церковного совета³³. Процессию замыкали многочисленные члены общины.

Первая часть церемонии прошла на Большой Конюшенной улице. Пастор Таубенгейм произнес речь и молитву, на закладной камень были положены монеты, а поверх всего памятная доска. Председатель церковного совета Г. фон Лерхе провозгласил: «Да укрепит, сохранит и благословит Господь сие строительство» (*Gott stärke, erhalte und segne diesen Bau*), сделал три традиционных символических удара молотком и произнес «Аминь!». После этого шествие отправилось на Малую Конюшенную, где церемония повторилась, только речь и молитву на сей раз читал пастор Фроман³⁴.

Хронология строительства

В апреле 1859 г. церковный совет направил Генеральной консистории уведомление с просьбой о содействии в скорейшем получении Высочайшего соизволения на постройку³⁵. Поскольку со стороны Министерства внутренних дел возведение «двух новых четырехэтажных зданий вместо одноэтажных и весьма ветхих флигелей» не встречало никаких возражений³⁶, консистория издала соответствующий приказ³⁷, и уже 7 мая разработанный Пелем проект строительства «двух четырехэтажных на подвалах флигелей по Боль-

Высочайше утвержденный проект фасада новых домов³⁸

шой и Малой Конюшенной улицам» получил Высочайшее утверждение³⁹. Общее Присутствие Правления 1-го Округа путей сообщения рассмотрело проект 26 мая и положило дозволить постройку двух новых зданий согласно Высочайше утвержденному фасаду⁴⁰.

Наиболее интенсивные работы развернулись летом и осенью 1859 г. Благодаря итоговому финансовому отчету, составленному А. Х. Пелем⁴¹, до нас дошли имена поставщиков строительных материалов (путиловской плиты и кирпича, песка, белой и тосненской извести, глины, кровельного железа и т. д.). Так, кирпич поставляли известные заводы Слепушкиных, Соколова и Кочетова, а одним из поставщиков лесных материалов был знаменитый купец Громов. К ноябрю 1859 г. основная масса капитальных работ была завершена: оба дома подведены под крышу, готовы полы, потолки и почти все лестницы, сделана значительная часть штукатурных работ по фасадам⁴².

Выделенная строительному комитету на первом этапе сумма (80 000 руб.) была к декабрю израсходована до копейки, зато комитет не только оплатил все выполненные работы, но и успел закупить сырье на следующий год⁴³.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 188. Л. 248, 248 об.

³¹ Там же. Д. 188. Л. 249; Д. 190. Л. 182 об.

³² Die St. Petri-Gemeinde... Стб. 65–66; ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 188. Л. 283; Д. 190. Л. 148–150.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 188. Л. 283.

³⁴ Там же. Д. 190. Л. 150 об.

³⁵ Там же. Л. 100 об. Обращение церковного совета к Генеральной консистории от 22 апреля 1859 г. см.: РГИА. Ф. 828. Оп. 3. Д. 50. Л. 8.

³⁶ РГИА. Ф. 828. Оп. 3. Д. 50. Л. 10, 10 об.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 190. Л. 121 об., 122.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 338. Л. 48–50. См. также: ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 188. Л. 270 — подлинный подписной проект архитектора Пеля; копия — Д. 192. Л. 11–13.

³⁹ Там же. Д. 192. Л. 13, 25.

⁴⁰ Там же. Л. 10.

⁴¹ Там же. Д. 188. Л. 271.

⁴² Там же. Д. 190. Л. 182 об.; Д. 188. Л. 289.

⁴³ Там же. Д. 190. Л. 183.

Для завершения работ недоставало еще около 60 000 руб.⁴⁴ На пленарном заседании 2 декабря 1859 г., созванном по вопросу дальнейшего финансирования, было принято решение получить недостающие средства за счет выпуска бессрочных церковных облигаций со ставкой 5% годовых⁴⁵. К 20 апреля 1860 г. с помощью облигаций было собрано 61 300 руб.⁴⁶

Летом настал черед отделочных работ. Проводилась установка печей и каминов, укладка паркета, осуществлялись гипсовые, столярные, слесарные и малярные работы, а также оснащение помещений сантехническими удобствами и устройство газового освещения. Чугунно-литейные изделия и камины поставляли крупнейшие фабриканты — Шопен, Берд и Сан-Галли⁴⁷.

Бытовые удобства и техническое оснащение домов

Чтобы привлекать состоятельных арендаторов, соответствовать требованиям времени и престижному расположению в центре столицы, требовалось заботиться о комфорте и безопасности жильцов и оснащать дома инженерными новшествами, в том числе санитарно-гигиеническими удобствами. Уже первоначальной сметой Пеля предусматривалось, что в обоих домах будут ватерклозеты (весьма прогрессивно для времени, когда водопровод и канализация только начали появляться в Петербурге⁴⁸).

Более того, уже на старте строительства, в июле 1859 г., Пель предложил оборудовать ватерклозетами также помещения для прислуги съемщиков — «взамен обычных отхожих мест»⁴⁹. Строительный комитет предложение одобрил⁵⁰.

В декабре того же года хозяйственный комитет предложил одновременно с ватерклозетами, устраиваемыми в двух новых дома, оснастить десятком таких же устройств еще и прилегающие старые церковные здания. Решение было утверждено церковным советом в свете «целесообразности проекта и его преимуществ с точки зрения удобства и гигиены»⁵¹. При этом принималось во внимание, что за счет большей чистоты и удобства квартиры станут привлекательнее, что позволит брать с жильцов повышенную арендную плату. Отметим, что даже в 1881 г. ватерклозеты имелись лишь в 29,5% петербургских квартир, в 1890 г. — в 49,5%⁵².

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 190. Л. 183 об.; Д. 188. Л. 288а.

⁴⁵ Там же. Д. 190. Л. 184–185.

⁴⁶ Там же. Д. 194. Л. 64.

⁴⁷ Там же. Д. 188. Л. 272 об.

⁴⁸ Три века Санкт-Петербурга : энциклопедия. СПб., 2004. Т. 2, кн. 3. С. 201.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 190. Л. 155; Д. 188. Л. 281.

⁵⁰ Там же. Д. 190. Л. 155, 155 об.

⁵¹ Там же. Л. 197; Д. 194. Л. 1.

⁵² Покровский В. И. Статистический очерк С.-Петербурга. СПб., 1894. С. 14–15.

Жильцы новых домов могли пользоваться и другими удобствами. Так, на парадных и черных лестницах было устроено газовое освещение, а во дворе у входных арок установлены газовые фонари. Еще одним преимуществом было то, что на первый год жильцов обеспечивали дровами. Правда, в дальнейшем они должны были заботиться о покупке дров самостоятельно⁵³.

Квартиры и магазины в обоих домах были «взяты нарасхват» еще до окончания постройки, причем желающих было так много, что приходилось определять очередность по «старшинству» заявки⁵⁴.

Итоги строительства

В сентябре 1860 г. строительство было окончено⁵⁵. 22 ноября строительный комитет завершил свою работу⁵⁶, а 3 декабря представил ревизионной комиссии, составленной из членов церковного совета и приходских депутатов, на проверку все документы, относящиеся к строительству⁵⁷.

Согласно отчету строительного комитета, по первоначальной смете стоимость возведения обоих домов должна была составить 145 080 руб. 70 коп., а гонорар архитектора — 7 250 руб., то есть в сумме 152 330 руб. 70 коп.⁵⁸ Фактически же было истрачено 150 628 руб. 02 коп.⁵⁹, то есть была достигнута экономия в размере 1 702 руб. 68 коп.

Строительный комитет отмечал, что реальная экономия окажется еще выше, если учесть, что в истраченной сумме содержатся дополнительные «полезные накопления», которые не входили в первоначальную смету: 1) усовершенствование подвалов и нижнего этажа в доме по М. Конюшенной улице по образцу «дома-близнеца» на Б. Конюшенной (3 080 руб. 70 коп.); 2) устройство четырех балконов (2 000 руб.); 3) установка 12 ватерклозетов взамен простых отхожих мест в обоих новых домах (2 000 руб.); 4) установка 10 ватерклозетов в примыкающих старых церковных домах (3 000 руб.); 5) тротуары, мостовые, колодцы, отводные трубы (643 руб.); 6) газовое освещение (1 609 руб. 10 коп.); 7) вентиляция, камины и печи, слесарные работы (2 030 руб.) — итого 14 352 руб. 80 коп.⁶⁰

«Принимая во внимание достигнутую экономию и перспективы солидных доходов от сдачи в аренду, а также учитывая, что строительство завер-

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 188. Л. 328 об.

⁵⁴ Там же. Д. 194. Л. 178 об.; Северная пчела. 1860. 28 окт. (№ 240). С. 996.

⁵⁵ Die St. Petri-Gemeinde... Стб. 66; ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 194. Л. 187; Таубер В. А. Церковь Петра и Павла... С. 247.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 194. Л. 153, 190.

⁵⁷ Там же. Л. 160.

⁵⁸ Там же. Л. 160 об.

⁵⁹ Там же. См. также: Таубер В. А. Указ. соч. С. 247; Die St. Petri-Gemeinde... Стб. 66.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 194. Л. 160 об.

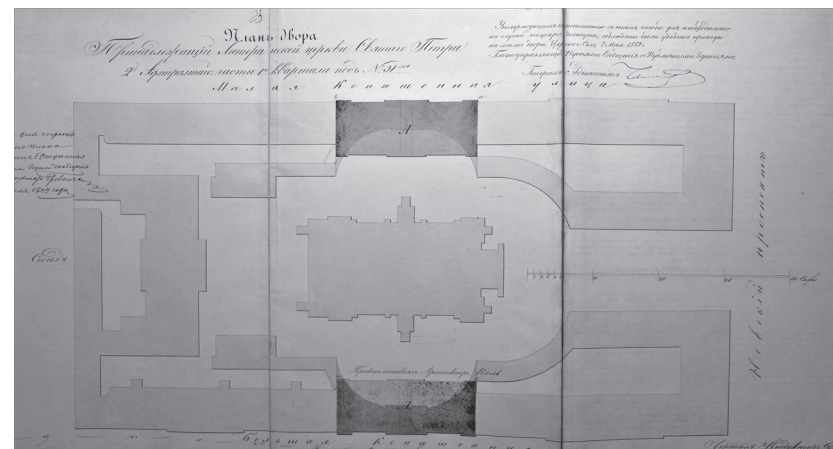
шилось в относительно короткий срок и что дома выполнены с большим вкусом и к тому же весьма добротны и долговечно, ревизионная комиссия признала, что члены строительного комитета, особенно академик архитектуры Пель, премного постарались на благо церкви Св. Петра и заслужили огромную благодарность общины»⁶¹.

Стоимость аренды помещений в новых домах была установлена на основании оценки, проведенной в конце июля 1860 г.⁶² Первыми четырьмя жильцами, ранее всех (в сентябре) заключившими контракты с церковным советом, стали органист Петрикирхе Г. Штиль⁶³, генерал П. де Росси (оба арендовали квартиры на 4 этаже в доме по М. Конюшенной), купец Венцель и г-жа Буке. В каждом здании сдавалось по 10 помещений разной площади. На первом этаже размещалось по четыре торговых помещения; на втором, третьем и четвертом этажах — по две квартиры. Стоимость аренды торговых помещений составляла 500 и 700 руб., тогда как квартиры на верхних этажах сдавались по цене от 650 до 1200 руб.⁶⁴

Сумма годовых поступлений от сдаваемых в аренду помещений обоих домов составила 17 000 руб.⁶⁵ Чистый доход достигал 14 000–15 000 руб., или более 9% на затраченный капитал, то есть выше, чем предполагалось на этапе проектирования. Впоследствии доходные дома, включая два новопостроенных, продолжали вносить существенный вклад в церковный бюджет. Так, анализ годового отчета Петрикирхе за 1869 г. показывает, что доходы от сдачи внаем помещений во всех принадлежавших церкви домах составляли 79 415,09 руб., или около 65% суммарных доходов прихода⁶⁶.

Архитектурно-художественное решение домов и их роль в архитектурной композиции квартала

Обратимся к архитектурному анализу домов-близнецов, ставших таким ценным приобретением для лютеранской общины и составивших важное композиционное звено квартала. Главное, что следует сказать о постройках Пеля с точки зрения влияния на общую планировку квартала, — они сыграли ключевую роль в формировании застройки продольных сторон участка, но вместе с тем лишили ансамбль известного своеобразия. По выражению Б. М. Кирикова, здания «погубили оригинальную трехлепестковую <...> площадь внутри квартала»⁶⁷.

План двора немецкой лютеранской церкви Св. Петра 1859 г. с показанием двух новых домов⁶⁸

Действительно, поскольку новые дома, имевшие в плане очертание правильных прямоугольников, были спроектированы значительно более широкими, чем старые одноэтажные флигели и даже смежные с ними более ранние дома, то вогнутые полукружия дворовых фасадов старых флигелей оказались полностью перекрытыми габаритами новых зданий⁶⁹. Это хорошо видно на официально утвержденном генеральном плане двора⁷⁰. Площади новых домов окрашены суриком, из-под которого просвечивают линии, очерчивающие полукружия дворовых стен старых флигелей.

В новых домах ничего не сохранилось от прежних одноэтажных флигелей, за исключением местоположения ворот в середине фасада и вытянутой над ними сравнительно длинной полосы антаблемента, отвечавшей раньше ширине портика⁷¹.

С точки зрения стилистики построенные Пелем дома характерны для ранней, но уже сложившейся эклектики, не любящей «пустых мест»⁷²: даже в таком примере рядовой застройки мы видим композицию, насыщенную множеством элементов, включая разнообразную рустовку и фактуру штукатурки, разные типы наличников, множественные рельефные детали.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 192. Л. 23–25. См. также: Д. 188. Л. 268 — идентичный план двора, подписанный архитектором Пелем 21 марта 1859 г.

⁶⁹ Таубер В. А. Указ. соч. С. 245.

⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 192. Л. 23–25.

⁷¹ Таубер В. А. Указ. соч. С. 246.

⁷² Кириков Б. М. Указ. соч. С. 220.

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 194. Л. 160 об.

⁶² Там же. Д. 188. Л. 322.

⁶³ Подробнее о нем см.: Лисицына А. С. Обзор органной истории Петрикирхе, 1737–2017. М., 2017. С. 66–75.

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 188. Л. 329.

⁶⁵ Там же. Л. 328 об.

⁶⁶ Там же. Д. 208. Л. 6, 9.

⁶⁷ Кириков Б. М. Золотой треугольник Петербурга... С. 220.

Современный вид лицевого фасада дома на М. Конюшенной ул., 7. Фото автора

Дома расположены в средней зоне участка и как бы зеркально повторяют друг друга. Нижний этаж раскрыт большими арочными проемами и витринами. В центре — воротный проезд с круглыми розетками в антрвольтах. Парадные входы в здание по сторонам от центральной арки ранее были дополнены изящными металлическими зонтиками. По бокам въездной арки дома со стороны Б. Конюшенной улицы до нашего времени сохранились гранитные колёсоотбойные тумбы, защищавшие углы цоколя от поврежденья осями колёс проезжавших экипажей.

Обращенные на Конюшенные улицы лицевые фасады рустованы, причем массивность рустовки уменьшается снизу вверх, переходя в тонкую сетку. Оконные проемы третьего этажа выделены лучковыми сандриками, в которые вписаны лепные композиции из пальмовых ветвей, раковин, картушей.

Интересной особенностью рассматриваемых построек является четное число оконных осей — 18. Такой прием построения фасадов противоречил нормам классицизма и был законодательно разрешен только в середине XIX в.⁷³

Каждый фасад имеет два балкона в две световые оси на трех литых, декорированных цветочными розетками и завитками кронштейнах. На доме

на М. Конюшенной улице исторические ограждения балконов утрачены. Со стороны Б. Конюшенной рисунок ограждений сохранился (чешуйчатый орнамент секций).

В 1913 г. оба дома нарастил пятым этажом и мансардой архитектор В. Э. Коллинс. Зодчий сумел корректно согласовать верхние части с существовавшими фасадами. Трудом того же Коллинса оказались надстроены до нынешней высоты остальные здания ансамбля. Застройка церковного участка была доведена до максимальных габаритов, завершив формирование облика Немецкого квартала.

Сегодня оба здания, возведенные по проекту Пеля и надстроенные Коллинсом, входят в «Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность»⁷⁴.

⁷³ Кириков Б. М. Указ. соч. С. 221.

⁷⁴ На основании Приказа КГИОП от 20 февраля 2001 г., № 15.

А. С. Лисицына

УТРАЧЕННАЯ ЧАСОВНЯ АРХИТЕКТОРА И. ВОЛЬФА НА ВОЛКОВСКОМ ЛЮТЕРАНСКОМ КЛАДБИЩЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

В истории иноверческих приходов Санкт-Петербурга до сих пор достаточно много белых пятен. Данная статья посвящена утраченной часовне, находившейся на евангелическо-лютеранском Волковском кладбище. Часовня, построенная в 1878 г. по проекту архитектора Иоганна Вольфа и освященная в 1879 г., фигурирует на старых планах кладбища и даже некоторых картах Петербурга. Об истории этой постройки в печатных источниках имеются лишь скудные справочные сведения. О внешнем облике часовни и тем более ее внутреннем убранстве информации не встречается вовсе. Не сохранилось, насколько известно, и старых фотографий. Однако благодаря обращению к архивным материалам удалось проследить историю и хронологию создания часовни, установить ее габариты, внешний вид и детали художественного убранства, уточнить функциональное назначение, а также дополнить биографические данные об архитекторе.

Евангелическо-лютеранское Волковское кладбище, основанное в 1773 г. и принадлежавшее немецкой общине Св. Петра (Петрикирхе), являлось крупнейшим иноверческим некрополем Петербурга¹. Первоначальные границы кладбища были расширены в 1833 и затем в 1859 г за счет приобретения земель Волковой деревни. Формирование застройки так называемого «кладбищенского двора», то есть территории, находившейся непосредственно за входом на кладбище в его северо-западном углу, сразу за мостом через Черную речку (так ранее называлась речка Волковка)², пока не становилось предметом специального исследования. Между тем, из исторических опи-

¹ Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М. ; СПб. : Центрполиграф : МиМ-Дельта, 2009. С. 450 ; Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. История Евангелическо-Лютеранской Церкви на Северо-Западе России, 1917—1945. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. С. 160.

² В Петербурге было несколько речек с таким названием (Екатерингофка, Волковка, Монастырка, Смоленка и нынешняя Черная речка; Монастырка и Волковка до постройки восточного участка Обводного канала были одной речкой).

саний и архивных планов следует, что на этом небольшом участке находился целый ряд строений жилого и служебного назначения³. Все эти здания, включая дом смотрителя, были деревянными.

Здание каменной часовни, о котором пойдет речь, располагалось сразу за кладбищенскими воротами, по левую руку от входа (с точки зрения входящего)⁴. Из ранее известных источников не было ясно, как возник замысел этой постройки и существовали ли у нее предшественники. Так, в одном из наиболее авторитетных исследований по истории петербургских некрополей утверждается, что культовых построек на территории кладбища долгое время не существовало и лишь после возведения часовни, спроектированной в 1877 и освященной в 1879 г., церковным советом Петрикирхе был «наконец» решен этот вопрос⁵. Издание, вышедшее к 200-летию юбилею общины и содержащее наиболее подробные сведения об ее истории, ограничивается упоминанием дат постройки и освящения сооружения⁶.

Обнаруженные документы показывают, что часовня была не первой на Волковском лютеранском кладбище, хотя предыдущая постройка находилась не в этой части некрополя и вряд ли активно использовалась.

Вопросами, связанными с наблюдением за состоянием кладбища и его благоустройством, заведовал в те годы специальный кладбищенский комитет, в состав которого входило несколько членов церковного совета и приходских депутатов. Многолетними членами комитета, которые с особым усердием выполняли свои обязанности, были генерал-адъютант князь Александр Барклай-де-Толли-Веймарн и ламповый фабрикант Карл Мишке⁷. Благодаря их стараниям некрополь приобретал всё более привлекательный и аккуратный вид⁸.

Из архивных материалов следует, что первоначально речь шла лишь о реконструкции существующей каменной (!) часовни⁹. Для этой цели в церков-

³ Die St. Petri-Gemeinde : zwei Jahrhunderte evangelischen Gemeindelebens in St. Petersburg. 1710–1910. SPb., 1910. [Bd.] 1. Die Kirche. Spalte 327—334 ; Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Указ. соч. С. 446—447 ; ЦГИА СПб. Ф. 373. Оп. 1. Д. 43. Л. 6 ; Ф. 513. Оп. 102. Д. 299. Л. 24 ; Ф. 708. Оп. 1. Д. 102. Л. 2.

⁴ См., например: ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 102. Л. 11.

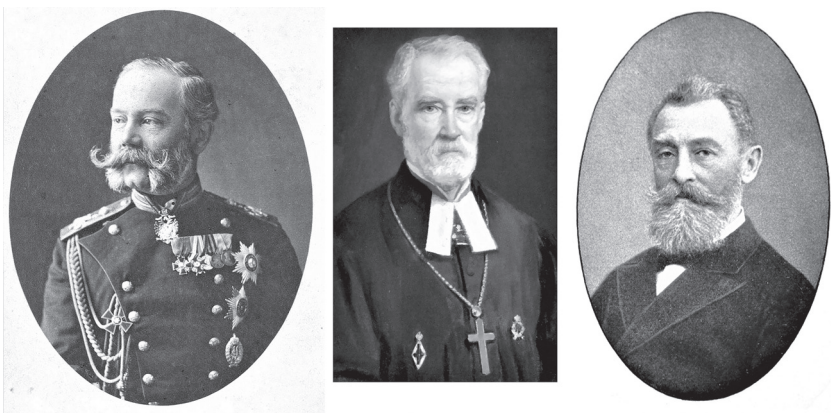
⁵ Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Указ. соч. С. 455.

⁶ Die St. Petri-Gemeinde... Стб. 331.

⁷ Фамилия фабриканта ошибочно указана в нескольких печатных источниках как «Вичке», что могло быть связано с некорректным прочтением текста, набранного готическим шрифтом. Юбилейное издание и многочисленные архивные документы, в которых упоминается данный член кладбищенского комитета, не оставляют сомнений, что верное написание его имени — Karl Mischke. Это подтверждается также упоминанием данного купца в адресных книгах.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 246. Л. 87 об.

⁹ Там же. Д. 241. Л. 17.

Члены кладбищенского комитета (князь А. П. Барклай-де-Толли-Веймарн, пастор А. В. Ферман и фабрикант К. Мишке)

ный бюджет 1876 г. по инициативе кладбищенского комитета были заложены расходы в размере 1 400 руб.¹⁰ На заседании церковного совета 24 марта 1876 г. комитету были предоставлены полномочия по выполнению соответствующих работ¹¹.

Однако в мае, ознакомившись с ситуацией на месте, кладбищенский комитет пришел к выводу, что старая часовня расположена в слишком удаленном «с учетом целей ее использования» месте, которое к тому же сильно затенено деревьями и отличается повышенной влажностью. В связи с этим комитет внес предложение распорядиться выделенными деньгами иначе: возвести новую часовню, по возможности используя часть строительных материалов от старой. При этом отмечалось, что куда более подходящим участком для постройки является место близ кладбищенских ворот, «освободившееся после сноса старой оранжереи и сарая смотрителя». На этом месте часовня будет постоянно на виду и под присмотром¹². Церковный совет не возражал¹³.

По всем технико-строительным вопросам, связанным с возведением часовни, кладбищенский комитет консультировался с архитектором Иоганном Вольфом. Ему же была поручена разработка проекта. В сохранившихся архивных документах нет упоминаний о том, по какой причине была выбрана

именно его кандидатура. Не исключено, что, как это часто бывало, определенную роль сыграли личные связи.

Один из многочисленных «петербургских немцев» Иван Васильевич (Иоганн Фердинанд) Вольф (*Johann Ferdinand Wolff*, иногда *Wolf*) (1836–1904) был сыном фридрихсгамского купца и принадлежал к евангелическо-лютеранскому исповеданию¹⁴. В 1863 г. он был аттестован Академией художеств как свободный художник¹⁵. В период обучения Вольф работал на частных постройках, в том числе как помощник А. И. Штакеншнейдера. В рекомендательном свидетельстве в Академию последний подтверждал, что Иван Вольф находился при нем учеником в течение 6 лет, а также полтора года работал помощником на строительстве дворцов великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, «при этом оказал способности и был усерден к исполнению поручаемых ему обязанностей»¹⁶. Также в начале 1860-х гг. Вольф в течение трех лет работал помощником у архитектора А. И. Ланге¹⁷. Получив диплом, он, судя по всему, какое-то время находился за границей¹⁸, а в 1869 г. вернулся в Петербург¹⁹ и, проявив завидное упорство, получил в 1870 г. звание классного художника²⁰. В дальнейшем Вольф спроектировал в Петербурге ряд зданий в духе эклектики, среди которых преобладают доходные дома²¹. Основная часть его построек приходится на период с конца 1870-х по начало 1890-х гг.²²

Узнав о планах по созданию новой часовни и выделенном финансировании, архитектор Вольф указал членам кладбищенского комитета на то, что утвержденной суммы в 1 400 руб. для строительства здания «с нуля» явно не хватит. В связи с этим комитет принял решение отложить строи-

¹⁴ РГИА. Ф. 789 Оп. 14. Литера «В». Д. 69. Л. 1, 19.

¹⁵ Там же. Л. 15. В некоторых печатных источниках ошибочно отмечается, что в указанном году Вольф был аттестован как классный художник.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Там же. Л. 3, 13. Из личного дела следует, что в 1863 г. Вольф «по болезненному состоянию и совету доктора» имел «крайнюю нужду ехать за границу». В прошении в Академию от 1867 г. он также отмечает, что был в отсутствии.

¹⁹ Там же. В 1863 г. Вольф жил в доме Китнера у Исаакиевского собора. В 1867 г. имел жилище в доме Неллиса в Эртелевом переулке.

²⁰ Там же. Л. 13—18.

²¹ Немцы России : энциклопедия. М., 1999. Т. 1. С. 401 ; Кириков Б. М., Штиглиц М. С. Петербург немецких архитекторов : от барокко до авангарда. СПб. : Чистый лист, 2002. С. 377.

²² Архитектор скончался в Петербурге в чине статского советника. Был похоронен на Волковском лютеранском кладбище. Его надгробие не сохранилось. См.: Бём В. Г. Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга : справочник-путеводитель на нем. и рус. яз. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр Блиц, 1998. Т. 1. С. 96, 168 ; St. Petersburg Zeitung. 1904. № 59. 28. Februar. S. 6.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 241. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 31.

¹² Там же. Л. 54.

¹³ Там же. Л. 91.

тельство до следующего лета и просить церковный совет о выделении дополнительных средств²³. В бюджет на 1877 г. на строительство кладбищенской часовни была заложена уже более крупная сумма — 2 830 руб.²⁴ Однако при составлении бюджета не были учтены весьма существенные расходы на транспортировку строительных материалов к месту работ, и когда в мае эта оплошность вскрылась, совет попросил Вольфа составить новую смету, а во избежание дальнейшего повторения подобных недоразумений поручил члену совета опытнейшему архитектору А. Х. Пелю взять на себя проверку новой сметы²⁵. К этому времени совет оценивал возведение новой часовни как «весьма желательное»²⁶, признавая, что «существующая... находится в совершенно ветхом состоянии»²⁷.

После составления Вольфом новой сметы и ее проверки Пелем было определено, что на строительство потребуется 3 409 руб. 60 коп., а гонорар архитектора составит 300 руб.²⁸ После того, как дело было окончательно согласовано внутри прихода²⁹, 26 мая 1877 г. в Генеральную консисторию было направлено прошение церковного совета, в котором содержалась просьба о получении дозволения министра внутренних дел на использование выделенной из церковного бюджета суммы в размере 3 709 руб. 60 коп. на строительство новой часовни³⁰. В ответном приказе Генеральной консистории от 22 июня сообщалось, что разрешение на использование суммы в указанных целях от министра получено³¹.

Далее требовалось согласовать архитектурный проект. Сохранившийся подлинный проект с детальными чертежами фасада, разреза и плана подписан И. Вольфом и датирован 24 июня 1877 г.³² Санкт-Петербургская Городская управа рассмотрела чертежи 28 июня и постановила постройку каменной часовни во дворе Волковского лютеранского кладбища «дозволить с соблюдением общих правил»³³. Затем председатель церковного совета

Фасад часовни по утвержденному проекту И. Вольфа ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 299. Л. 13.

тайный советник Ф. Ю. Ульрихс³⁴ обратился с ходатайством о дозволении постройки к городскому голове, а тот, в свою очередь, к градоначальнику Ф. Ф. Трепову, передав ему одобренный управой фасад «вместе с выкопировкою из плана столицы и прочими чертежами»³⁵. В отношении к министру внутренних дел А. Е. Тимашеву от 4 августа 1877 г. Трепов, прилагая чертежи, сообщает, что по поводу данного дела входил в сношение с митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Исидором и что со стороны Его Высокопреосвященства никаких препятствий к возведению постройки не встречается. В заключение Трепов отмечает, что с его стороны также нет «препятствий к поднесению фасада на Высочайшее Государя Императора

³⁴ Фёдор Юльевич Ульрихс (*Theodor von Ulrichs*) (1808–1878) — государственный деятель, старший цензор Петербургского почтамта. Руководил перлюстрацией частной переписки. Оставил государственную службу в 1863 г., сосредоточившись на делах лютеранской общины Св. Петра, где с 1866 г. и до своей смерти был президентом церковного совета. Также занимал должность президента Санкт-Петербургской Евангелическо-лютеранской консистории. См.: Die St. Petri-Gemeinde... Стб. 269.

³⁵ РГИА. Ф. 1293. Оп. 113. 1877 г. Д. 146. Л. 1.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 241. Л. 59, 91, 91 об.

²⁴ Там же. Д. 244. Л. 38 об.

²⁵ Там же. Л. 38 об., 39.

²⁶ Там же. Л. 39.

²⁷ Там же. Д. 243. Л. 58.

²⁸ Там же. Д. 244. Л. 44.

²⁹ Согласно установленной процедуре, от приходских депутатов было получено разрешение на выделение недостающей суммы из средств церковного бюджета по статье «Непредвиденные расходы».

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 243. Л. 58, 58 об.

³¹ Там же. Л. 64.

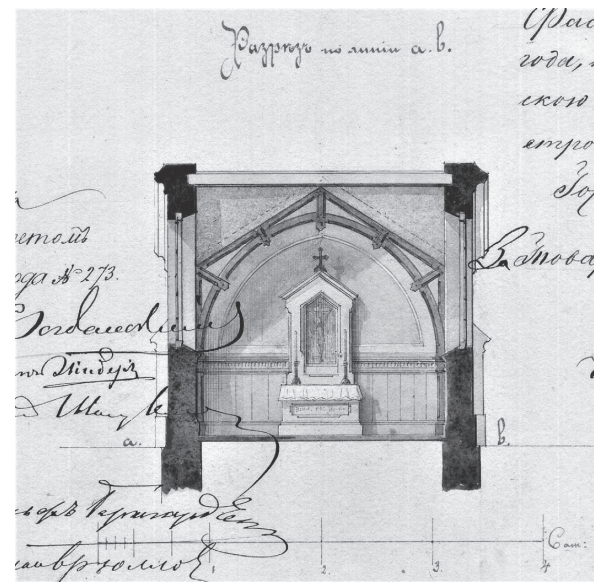
³² Там же. Ф. 513. Оп. 102. Д. 299. Л. 12–13.

³³ Там же. Л. 11.

утверждение»³⁶. Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел рассмотрел полученный от градоначальника фасад 18 августа, одобрил его в техническом отношении и счел возможным представить его на Высочайшее утверждение³⁷. Наконец, 24 августа 1877 г. было получено Высочайшее соизволение на постройку³⁸.

Часть работ по возведению часовни, возможно, была выполнена в том же 1877 г. В начале следующего, 1878 года в церковный бюджет заложили 1 002 руб. «на завершение строительства»³⁹. К осени работы были закончены, и 1 ноября 1878 г. хозяйственный комитет сообщил церковному совету, что по подсчетам Вольфа строительство обошлось в общей сложности в 3 357 руб. 51 коп. Кроме того, архитектору, как и планировалось, был выплачен гонорар в размере 300 руб.⁴⁰ Таким образом, по сравнению со сметой (3 709 руб. 60 коп.) было потрачено на 52 руб. 9 коп. меньше. На том же заседании церковного совета 1 ноября было принято решение выделить 125 руб. на приобретение подходящей алтарной картины маслом для украшения интерьера новопостроенной часовни⁴¹. Из архивных документов следует, что полотно — в полном соответствии с первоначальным проектом — изображало Распятие. В отчете, составленном пастором А. В. Ферманом для церковного совета по случаю освящения здания, отмечается, что картина принадлежала кисти академика живописи Тюрина⁴².

Освящение часовни у кладбищенских ворот состоялось в Духов день (понеделник Пятидесятницы), 21 мая 1879 г., в 2 часа дня, о чем членов церковного совета заранее известили соответствующим циркуляром с просьбой в полном составе присутствовать на торжестве⁴³. Церемонию провел А. В. Ферман — один из трех пасторов Петрикирхе и по совместительству член кладбищенского комитета. Получив ключ от часовни из рук архитектора Вольфа, он открыл двери и вместе с остальными зашел в «нарядно укра-

Разрез часовни по утвержденному проекту И. Вольфа ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 299. Л. 12.

шенное и освещенное помещение, которое, несмотря на скромные размеры, производило самое достойное впечатление»⁴⁴. Собравшиеся исполнили хорал „*Komm, Heiliger Geist, Herre Gott*“ («Прииди, Дух Святой»), пастор произнес речь на текст из книги Откровения «Я имею ключи ада и смерти» (1:18) и освятил часовню во имя Отца, Сына и Св. Духа. Последовало новое песнопение, молитва, благословение и заключительный хорал⁴⁵. После церемонии пастор выразил от лица кладбищенского комитета и общины благодарность церковному совету в лице Пеля за «достойное украшение» кладбища⁴⁶.

Заметим, что во всех обнаруженных документах церковного архива постройка именуется просто кладбищенской часовней (*Capelle* или *Kapelle*), без посвящения какому-либо святому. Тем не менее, в ряде русскоязычных источников (например, в справочниках «Весь Петербург» за 1913–1914 гг. и

³⁶ РГИА. Ф. 1293. Оп. 113. 1877 г. Д. 146. Л. 1 об., 2.

³⁷ Там же. Л. 3, 3 об.

³⁸ Там же. Л. 4; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 299. Л. 12.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 246. Л. 20.

⁴⁰ Там же. Л. 65 об., 88.

⁴¹ Там же. Л. 68.

⁴² Там же. Д. 247. Л. 155. Других указаний на авторство алтарной картины не обнаружено. Если сведения пастора верны, то речь, вероятнее всего, о Платоне Семёновиче Тюрине (1816–1882) — живописце, портретисте, активно работавшем в сфере церковной живописи. В частности, в 1857 г. Тюрин выполнил роспись плафона церкви Св. Екатерины при Академии художеств в Петербурге, а в 1876–77 гг. привлекался к исполнению настенных росписей и икон в храме Христа Спасителя в Москве. См.: Даен М. Е. Академик живописи портретной и исторической Платон Семенович Тюрин. Вологда, 2017. С. 9, 38, 56.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 248. Л. 55, 75.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 247. Л. 155.

⁴⁵ Порядок церемонии освящения с текстами песнопений был отпечатан в типографии Р. Голике (*Einweihung der Kapelle auf dem Friedhof zu Wolkowo, Pfingstmontag, den 21. Mai 1879. St. Petersburg, den 19. Mai 1879. Druck von R. Golicke, Newsky, 106.*)

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 247. Л. 155.

некоторых современных изданиях⁴⁷) она именуется «часовней [Свв. апостолов] Петра и Павла» — очевидно, по аналогии с самой Петрикирхе (немецкой евангелическо-лютеранской церковью Свв. апостолов Петра и Павла).

Часовня на Волковском лютеранском кладбище была, насколько известно, единственным образцом культовой архитектуры в творчестве И. Вольфа. Это была кирпичная, оштукатуренная постройка, в облике которой присутствовали черты псевдоготического стиля. В плане часовня была близка к квадрату и отличалась небольшими габаритами, имея около 2,8 сажений в длину и ширину (внешний размер) ($\approx 6 \times 6$ м). Площадь помещения составляла около 23 кв. м. Часовня располагала порталом со стороны главного фасада и двумя боковыми оконными проемами. Портал с заостренным «готическим» тимпаном, обрамленным архивольтом такой же формы, был фланкирован нишами в форме крестов. По углам сооружения имелись подобия декоративных контрфорсов — очередной отголосок готики. Венчала сооружение остроконечная колоколенка, в которой располагалась звонница со стрельчатым проемом, акцентированным архивольтом.

Внутреннее убранство часовни ограничивалось алтарем с полотном «Распятие», парой канделябров и печью. Основное пространство занимал постамент для установки гроба («катафалк»).

Особо стоит сказать о функциональном назначении постройки. Хотя в некоторых печатных источниках отмечается, что часовня предназначалась для отпевания умерших⁴⁸, этот вид использования, судя по архивным свидетельствам, вряд ли был первичным. В большинстве документов церковного совета указывается лишь, что часовня предназначалась для временного размещения тел перед погребением⁴⁹, и только в одном материале упоминается предполагаемое использование «для отпевания и временного помещения покойников»⁵⁰. Какие-то скромные обряды в часовне могли проводиться, но полноценные церемонии отпевания, очевидно, продолжали совершаться в соответствующих храмах (вспомним, что на кладбище хоронили не только членов общины Петрикирхе и вообще не только лютеран, а представителей разных инославных исповеданий)⁵¹. Подтверждением использования часовни в качестве своего рода покойницкой служат официальные прејскуранты

⁴⁷ Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. Указ. соч. С. 160.

⁴⁸ Там же. С. 161.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 243. Л. 58 ; Д. 246. Л. 88.

⁵⁰ Там же. Д. 243. Л. 192.

⁵¹ Уместно провести сравнение с лютеранской часовней на Введенском (Немецком) кладбище в Москве. Известно, что она использовалась для помещения покойников на ночь и совершения на следующий день отпевания. Постоянной службы не бывало. См.: Сорок сороков : альбом-указатель всех московских церквей : [в 4 т.] / сост. Семен Звонарев. М., 1990. Т. 4. С. 385.

Волковского лютеранского кладбища, в которых отдельной строкой прописана суточная стоимость размещения гроба в часовне (например, в 1884 г. взимался 1 рубль⁵²).

В мае 1912 г. кладбищенским комитетом был проведен осмотр часовни, который показал необходимость ремонтных работ. Было решено исправить крышу и окрасить наружные стены, покрасить алтарь, канделябры, катафалк и печь, а также приобрести новое покрывало для катафалка⁵³. Ремонт обошелся в 79 руб., причем основная часть суммы ушла на приобретение покрывала⁵⁴. В декабре того же года зашла речь о поновлении алтарной картины⁵⁵, но дальше обсуждения дело не пошло. Этот вопрос снова оказался на повестке дня в апреле 1914 г., когда было признано, что полотно находится в плачевном состоянии и его следует по возможности подновить, а если это окажется нецелесообразным, заменить на новое⁵⁶. По результатам обследования к июлю 1914 г. стало ясно, что ремонт старой картины не представляется возможным, поэтому было принято решение заказать точную копию⁵⁷. Новая алтарная картина обошлась в 55 руб.⁵⁸

После 1917 г. Волковское лютеранское кладбище разделило судьбу других исторических некрополей города. Этнический и социальный состав населения кардинально изменился⁵⁹. Летом 1918 г. состояние лютеранских кладбищ Петрограда еще оценивалось как удовлетворительное, что, вероятно, было связано с их традиционной ухоженностью, однако дальнейшие события привели к уничтожению массы иноверческих надгробий⁶⁰. Национализация кладбищ производилась на основании декрета Совнаркома от 7 декабря 1918 г. «О кладбищах и похоронах», согласно которому все места захоронений и организация похорон переходили в ведение местных органов власти (советов), а духовные лица от управления кладбищами отстранялись.

С 1 февраля 1919 г. все кладбища Петрограда поступили в ведение Комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области. Комиссия по

⁵² Reglement für den Friedhof der Evang.-Luther St. Petri-Kirche zu St. Petersburg. SPb., 1884. S. 22.

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 291. Л. 27.

⁵⁴ Там же. Л. 27 об. ; Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-lutherischen St. Petri-Gemeinde zu St. Petersburg für das Jahr 1912. SPb., 1913. S. 63.

⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 291. Л. 35 об.

⁵⁶ Там же. Л. 68, 68 об.

⁵⁷ Там же. Л. 72 об.

⁵⁸ Rechenschafts-Bericht des Kirchenrates der Evangelisch-lutherischen St. Petri-Gemeinde zu Petrograd für das Jahr 1914. Petrograd, 1915. S. 68.

⁵⁹ Курило О. В. Лютеране в России, XVI—XX вв. Минск : Лютеран. наследие : World Wide Priting, 2002. С. 101–104 ; Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. Указ. соч. С. 48.

⁶⁰ Кобак А. В., Пирутко Ю. М. Указ. соч. С. 65.

национализации кладбищ разработала инструкцию для особых комиссаров по управлению кладбищами, которые назначались на все петроградские кладбища Комиссариатом внутренних дел «из лиц, рекомендованных районным Совдепом и утвержденных Постоянной комиссией по национализации кладбищ»⁶¹. Каждый комиссар был обязан проверить кладбищенское имущество по инвентарным книгам и составить акт о приемке кладбища⁶².

Назначенный на Волковское лютеранское кладбище комиссар Н. Верба 26 марта 1919 г. «принял от смотрителя вышеназванного кладбища гражданина Рихарда Фогеля⁶³<...> движимое и недвижимое имущество сего кладбища и наличными деньгами 1 431 руб. 65 коп.». Помимо прочих строений, в составленной комиссаром описи указана «каменная часовня, крытая железом, для хранения покойников»⁶⁴. В перечне инвентаря часовни значатся: распятие (алтарь), два жестяных канделябра, катафалк, суконное покрывало к катафалку «с кистями и серебряной вышивкой креста», четыре дубовых скамьи и одна круглая печь⁶⁵.

Стоявшие на кладбище деревянные постройки, вероятно, были разобраны на дрова в том же 1919 г.⁶⁶ Часовня, по имеющимся сведениям, получила статус церкви⁶⁷. Это позволило избежать ее формального закрытия, но трудно предположить, чтобы там велась сколько-нибудь активная богослужebная жизнь: острой проблемой для лютеранских общин стала к тому времени нехватка пасторов⁶⁸. В 1922 г. развернулась кампания по изъятию церковных ценностей, затронувшая храмы всех конфессий, в том числе и лютеранские. Однако скромная кладбищенская церковь интереса для советских властей не представляла. Сохранился Акт, составленный Комиссией по ликвидации кампании по изъятию церковных ценностей, об окончательной проверке описей и актов об изъятии церковных ценностей в Помгол и Отдел охраны памятников искусства и старины, из храмов всех культов, находящихся

⁶¹ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 41.

⁶² Там же.

⁶³ Рихард Карлович Фогель (*Richard Vogel*) родился в 1872 г. в Петербурге в купеческой семье. Купец 2-й гильдии. С 1901 по 1919 гг. был смотрителем Волковского лютеранского кладбища. В 1919–1920 гг. — рабочий 1-й Петроградской электростанции, в 1920–1922 — помощник бухгалтера Петрогубтранса, в 1922–25 — безработный, в 1925–30 — арендатор садоводства в д. Волково, с 1930 вновь безработный. Осужден по делу пастора Ганзена, приговорен 17.09.1930 Тройкой ПП ОГПУ в ЛВО к 3 годам высылки из Ленинграда. Дата смерти: январь 1942 г. См.: Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. Указ. соч. С. 361.

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 708. Оп. 1. Д. 313. Л. 1.

⁶⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶⁶ Кобак А. В., Пиютко Ю. М. Указ. соч. С. 455–456.

⁶⁷ Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. Указ. соч. С. 161.

⁶⁸ Там же. С. 48 ; Курило О. В. Указ. соч. С. 103.

на территории 1-го Городского района. В этом документе значится «церковь лютеранская при Волковском лютеранском кладбище» с пометкой «ценностей не имеется»⁶⁹.

В мае 1938 г. церковь была закрыта. Позднее здание было снесено вместе с кирпичными кладбищенскими воротами⁷⁰.

⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 33. Д. 128. Л. 201 об.

⁷⁰ Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. Указ. соч. С. 161.

О. А. Максимов

ИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАЛОИЗВЕСТНОГО СКУЛЬПТОРА П. П. КАМЕНСКОГО

В январе 1895 г. Директор Императорских театров И. А. Всеволожский подал на рассмотрение Министру Императорского Двора графу И. И. Воронцову-Дашкову отношение:

«В виду исполнившегося столетия со дня рождения Грибоедова, автора комедии «Горе от ума», и истекшего пятидесятилетия со дня смерти баснописца Крылова было бы совершенно справедливо оказать такое же внимание к памяти этих авторов, какое уже оказано таким писателям как Фон-Визин, Гоголь и Островский, то есть заказать их бюсты из бронзы и поместить таковые в фойе Александринского театра.

Таковые бюсты, исполненные скульптором Дирекции Каменским и вылитые из бронзы Мореном, обойдутся до 1500 рублей»¹.

Документально подтверждено, что Воронцов-Дашков поддержал это предложение, и деньги были выделены². А значит и бюсты, скорее всего, были изготовлены. Тогда какова же их судьба?

И не о том ли бюсте Грибоедова, который стоит и сегодня в Царском фойе Александринского театра, шла речь в архивном документе? На запрос в Музей русской драмы Александринского театра об авторстве бюста и времени его появления в театре ответа я не получил. Однако с любезного разрешения администрации музея мне удалось осмотреть бюст со всех сторон. На его обратной стороне оказалась надпись «П. Каменский». Выяснилось также, что стоящий напротив бюст А. С. Пушкина принадлежит другому, более известному скульптору, Леопольду Бернштаму. Сохранилось и клеймо завода Адольфа Морана, на котором тогда отливали многие бронзовые скульптуры и бюсты, вплоть до памятника Императрице Екатерине Великой на Невском проспекте.

Кроме Царского фойе в театре есть и Актёрское фойе, куда публику обычно не пускают. И там тоже есть бюсты. В Актёрском фойе пришлось

потревожить спокойно стоящие не только бюст Крылова, но и упомянутые в отношении Всеволожского бюсты Гоголя и Фонвизина. Выяснилось, что бюст Фонвизина также принадлежит Бернштаму, а Крылова и Гоголя — Каменскому. При этом на бюсте Гоголя указано, что он исполнен ещё в 1886 г.

Представляется справедливым, что определено авторство исторических предметов, более ста лет украшающих знаменитую Александринку.

Павел Павлович Каменский родился 16 апреля 1858 г. и был крещен в Симеоновской церкви Санкт-Петербурга³. Его отцом был известный в то время писатель Павел Павлович Каменский, считавший себя приемником и продолжателем традиций писателя А. А. Бестужева-Марлинского. Матерью будущего скульптора была графиня Мария Фёдоровна Толстая, дочь вице-президента Академии художеств, скульптора графа Фёдора Петровича Толстого. Наверное, каждому известны его знаменитые бело-голубые барельефы, посвященные Отечественной войне 1812 года.

С августа 1869 г. Павел обучался в Первой Санкт-Петербургской военной гимназии, как в то время назывался Первый Кадетский корпус⁴.

В 1874 г. по прошению матери Павел поступил в Академию художеств⁵ вольноприходящим учеником и стал, как и его знаменитый дед, скульптором. Во время обучения получал поощрительные медали⁶, на академических выставках выставлялись его работы: «Без няньки», «Плакса», «Амур», бюст Асмоловой (очевидно Софии Сергеевны, его племянницы) и другие⁷.

Мраморная скульптура «Без няньки» хранится ныне в Третьяковской галерее, а её бронзовая копия — в частной коллекции.

Звание классного художника второй степени Каменский получил в 1885 г., исполнив дипломную статую «Офелия»⁸. Позднее, в 1891 г., мастерами Императорского фарфорового завода Андреем Лапшиным и Александром Тимофеевым по его модели была изготовлена скульптура из терракоты. На тот момент это была самая большая керамическая скульптура, изготовленная на государственном предприятии («1 арш. и 13.5 верш.»)⁹. Затем эта скульптура была повторена в бисквите. В настоящее время они обе хранятся в фондах Музея Императорского фарфорового завода. Эта скульптура упоминается во всех справочниках и словарях, однако её изображение удалось

³ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 1339. Л. 5.

⁴ Там же. Ф. 789. Оп. 9. Разд. 1874. Д. 108. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 19.

⁷ Художники народов СССР : биобиблиогр. словарь / гл. сост. О. Э. Вольценбург. СПб., 1998. Т. 4, кн. 3. С. 135.

⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 9. Разд. 1874. Д. 108. Л. 33.

⁹ Там же. Ф. 503. Оп. 2. Д. 2. Л. 120.

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 1433. Л. 2.

² Там же. Л. 4.

Каменский П. П. «Офелия». 1891. ГЭ.
заменить на: Из сборника: Русский
художественный фарфор. Л., 1924.

найти только в сборнике статей о Государственном фарфоровом заводе 1924 г.¹⁰ Сейчас скульптура из бисквита находится на реставрации, у неё отколота рука¹¹.

С 1 апреля 1886 г. Павел Каменский принят на должность скульптора (он же смотритель бутафорской мастерской) при Дирекции Императорских театров¹². Директор Императорских театров И. А. Всеволожский с самого начала работы Каменского высоко оценил его способности. Об этом, например, говорит его прошение, поданное в ноябре 1886 г. на имя Великого князя Владимира Александровича, в то время — Президента Академии художеств:

«Состоящий при Дирекции Императорских театров заведующий бутафорской мастерской скульптор классный художник Павел Каменский подлежит в текущем месяце призыву к воинской повинности. Удаление Каменского из Мастерской поставит Дирекцию в крайнее затруднение по ведению репертуара и по выполнению всех предположений о новых постановках в текущем сезоне, так

как Дирекция не имеет в виду не одного лица, способного по таланту, опытности и усердию заменить Каменского в специально-сложных и спешных работах»¹³. Далее в прошении Всеволожский просит по призыву назначить скульптора в войска Петербургского гарнизона и поставить его службу так, чтобы «... Дирекция могла пользоваться его услугами в качестве постоянного руководителя бутафорской мастерской».

В итоге решение было найдено: чтобы не попасть под призыв, Павел Павлович был зачислен учителем рисования в Императорское Театральное

училище. С этой целью Академия художеств выдала отдельное Свидетельство, подтверждающее право скульптора преподавать рисование в средних учебных заведениях¹⁴. В дальнейшем Театральное училище постоянно на протяжении долгих лет выдавало скульптору справки, что он служит учителем и, поэтому, не подлежит призыву на военную службу¹⁵.

В биобиблиографическом словаре «Художники народов СССР» под редакцией О. Э. Вольценбурга сказано, что Павел Каменский преподавал в театральном училище с 1885 по 1901 г., однако, вряд ли с этим можно согласиться. Очевидно, он лишь числился «без производства содержания» учителем и, как только угроза призыва миновала, с 1 января 1899 г. «состоящий на собственном содержании» преподаватель рисования был уволен из училища¹⁶.

Фактически же работа Павла Каменского была целиком связана с Дирекцией Императорских театров. И если первоначально его должность была сверхштатной, то с августа 1887 г. он зачислен уже на штатную должность скульптора с окладом в 1 500 рублей с представлением казённой квартиры № 54 в доме 4 (позже 3) по Тюремному переулку Коломенской части. Обосновывая необходимость введения в штат этой должности и назначения на неё именно Каменского, И. А. Всеволожский отмечал, что «...художник Каменский обладает всеми качествами, потребными для занятия поручаемой ему должности и является крайне необходимым для Дирекции сотрудником»¹⁷.

Как мы уже знаем, в 1886 г. Каменский исполнил бюст Гоголя, отлитый из бронзы на заводе Адольфа Морана, а в 1895 г. — бюсты Грибоедова и Крылова.

В Государственном театральном музее им. А. А. Бахрушина хранится выполненный из гипса скульптурный портрет знаменитого актёра Павла Мочалова, также исполненный Каменским. На срезе основания бюста сохранилась подпись автора¹⁸. Можно предположить, что бюст был заказан скульптору И. А. Всеволожским к столетию актёра, которое отмечалось в 1900 г. Возможно, после ухода заказчика с поста Директора в 1899 г., заказ остался не востребованным, в бронзе его не отлили, и бюст в таком виде оказался в запасниках музея. Кстати сказать, ни в одном из справочников бюсты, исполненные скульптором, не упоминаются.

При перестройке Мариинского театра, которую проводил с 1893 г. архитектор В. А. Шрётер, Каменский исполнил для главного фасада театра

¹⁴ Там же. Л. 38–39.

¹⁵ Там же. Ф. 498. Оп. 1. Д. 3821.

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ Там же. Ф. 497. Оп. 5. Д. 1339. Л. 31.

¹⁸ Номер 11003754 в Государственном каталоге Музейного фонда РФ (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11123233>).

две пары изображений грифонов и статуи композиторов М. А. Глинки и А. Н. Серова, за что был отдельно поощрён Дирекцией¹⁹. В 1899 г. статуи композиторов, выполненные из цинка, были установлены в больших нишах фасада. Правда позже выяснилось, что статуи не соответствуют фасаду здания, кроме того, сын композитора художник Валентин Серов указал на их тяжеловесность и невыразительность. В итоге статуи убрали и заменили гипсовыми вазами. Но и вазы до наших дней не сохранились. Зато грифоны, приобретшие после реконструкции свой первоначальный облик, до сих пор украшают фасад театра. На щитах, которые они держат, вместо серпа и молота вновь помещены монограммы императора Александра II и императрицы Марии Александровны.

Однако большую часть времени Павла Каменского занимала работа по руководству бутафорской мастерской Дирекции Императорских театров. В архивных документах и воспоминаниях И. А. Всеволожского, М. И. Петипа, В. А. Теляковского, М. Ф. Кшесинской можно встретить упоминания о его работе при подготовке постановок не только отдельных спектаклей, но и целых театральных действий²⁰. Это и проведение в Петергофе в 1886 г. праздника в честь тезоименитства императрицы Марии Фёдоровны, и участие в создании декораций к самой известной постановке Мариуса Петипа балета «Лебединое озеро», и сооружение в 1897 г. в Петергофе на Ольгином пруду «воздушного» театра для балетной постановки по случаю визита германского императора Вильгельма II²¹.

Есть ещё одна известная работа Павла Павловича. Им по концепции и эскизному проекту И. А. Всеволожского был исполнен памятник на могиле композитора П. И. Чайковского²². Открытие памятника на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры состоялось в 1897 г., в четвёртую годовщину смерти композитора. На срезе бюста слева сохранилась надпись: П. Каменский. Гипсовый бюст, фрагмент этого памятника, находится в Государственном мемориальном музыкальном музее-заповеднике композитора П. И. Чайковского в Клину²³.

Диплом Академии художеств давал П. П. Каменскому право на получение чина XII класса — губернского секретаря, а к августу 1900 г. он уже имел чин надворного советника. В награду отличной усердной службы скульптор Конторы Императорских театров Павел Каменский был высочайше пожалован орденами Св. Анны и Св. Станислава 3-й степени²⁴.

В мае 1896 г. скульптор находился в командировке в Москве для участия в оформлении торжественного коронавания Императора Николая II. В память об участии в коронавании ему была вручена памятная серебряная медаль для ношения на груди на Андреевской ленте. В «Ежегоднике Императорских театров за сезон 1895—1896 гг.», в описании торжественного спектакля по случаю коронавания, особо отмечено участие художника-скульптора П. П. Каменского в изготовлении «всех фигур и всех аксессуарных вещей»²⁵.

Были у Павла Павловича и награды иного рода. Так, к свадьбе великого князя Павла Александровича на греческой принцессе Александре Георгиевне Мариус Петипа поставил балет Н. С. Кроткова «Капризы Бабочки». Когда Каменский преподнёс невесте альбом рисунков к этому балету, то той так понравился подарок, что она передала художнику в знак благодарности драгоценный перстень со своим вензелем²⁶. В Санкт-Петербургском государственном музее театрального и музыкального искусства хранится комплект эскизов костюмов к этому балету, выполненных П. П. Каменским²⁷.

К концу 1890-х гг. состояние здоровья скульптора стало резко ухудшаться, он терял зрение, болели сердце, суставы. В январе 1901 г. скульптор подал прошение о пенсии: «Не имея возможности по болезненному положению продолжить службу..., всеподданнейше прошу освободить от занимаемой

П. П. Каменский. Фото 1912 г. Из частного собрания Д. В. Воронина

¹⁹ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 1339. Л. 142.

²⁰ Петипа М. Материалы, воспоминания, статьи. Л., 1971. С. 212; Теляковский В. А. Дневники директора Императорских театров. М., 1998. С. 43; Кшесинская М. Ф. Воспоминания. Смоленск, 1998. С. 64.

²¹ Пащинская И. О. Петергофские праздники на островах (вторая половина XIX века) // История Петербурга. 2008. № 4 (38).

²² РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 1463.

²³ Номер 4373824 в Государственном каталоге Музейного фонда РФ (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4324775>).

²⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 1339. Л. 7, 8.

²⁵ Ежегодник Императорских театров за сезон 1895—1896 гг. СПб., 1897.

²⁶ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 1339. Л. 48—49.

²⁷ В Государственном каталоге Музейного фонда РФ представлено 35 экспонатов (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=каменский%20Капризы%20Бабочки%20ГИК%207025&imageExists=null>).

должности...»²⁸. В. А. Теляковский, на то время Директор Императорских театров, писал о его отставке: «Надворный советник Каменский человек необыкновенно талантливый, но бенадежно больной. Мне очень жаль, что приходится с ним расставаться»²⁹. 1 августа 1901 г. Павел Павлович Каменский по болезни уволен от должности с пенсией в 375 руб., в 1910 г. пенсию увеличили до 480 руб.³⁰

Первые годы жизни скульптора после увольнения были очень тяжёлыми. Он нуждался в деньгах, даже был вынужден обращаться за ссудой к председателю совета Императорского Российского театрального общества Анатолию Евграфовичу Молчанову³¹. Перебивался отдельными заказами, в письмах к А. Е. Молчанову упоминается статуэтка композитора Серова, повторение бюста артиста Мочалова, которые он выполнил для Театрального общества.

Кроме того, в семье начался разлад, жили в ту пору супруги уже раздельно. Отчасти причиной этого разлада служили не только денежные затруднения, но и вредные привычки и тяжёлый характер скульптора.

Новая работа буквально спасает стареющего скульптора.

В 1907 г. Управляющий фарфоровым заводом Н. Б. Вольф получил заказ от императора Николая II на исполнение к 300-летию Дома Романовых серии фигур «Народности России». В связи с предстоящей масштабной работой Вольф предложил Каменскому должность главного скульптора этой серии.

Серия не имеет аналогов в мировой фарфоровой практике. Каждая фигурка была смоделирована на основе исторических, этнографических и антропологических данных, с помощью научных консультантов из ведущих историко-культурных учреждений того времени: Кунсткамеры и Этнографического отдела Музея Александра III. В фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН хранятся несколько бюстов представителей разных народностей России, над портретными типами которых работал в ту пору скульптор³².

До 1917 г. были изготовлены три серии фарфоровых фигур в национальных костюмах народов России. Фарфоровые фигуры предоставлялись музеям, а уменьшенные в два раза копии изготавливались для продажи. Самая

²⁸ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 1339. Л. 161.

²⁹ Там же. Л. 170.

³⁰ Там же. Л. 198.

³¹ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 349.

³² См. в Государственном каталоге Музейного фонда РФ: 1) Самоед (номер 12442046. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12564583>); 2) Енисеец (номер 12442110. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12564518>).

большая коллекция этих фигур хранится в настоящее время в Эрмитаже, коллекция Российского Этнографического музея насчитывает 47 фигур.

Макеты фигур создавались Каменским с большой тщательностью в воспроизведении характерных особенностей антропологических типов и деталей украшений одежды. Фарфоровые фигуры были выполнены формовщиками завода А. Лукиным, П. Шамаковым, К. Захаровым, А. Дитрихом и И. Зотовым и расписаны художницей М. Герцак.

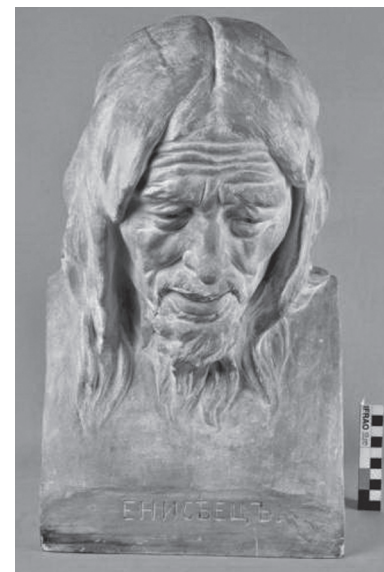
Вплоть до настоящего времени эти фигурки неоднократно повторялись, любую из них и сегодня завод может изготовить на заказ.

В 2014 г. сотрудник Эрмитажа Е. С. Хмельницкая выпустила фундаментальное издание «Фарфоровая Россия» П. П. Каменского», посвященную этой коллекции³³. В книге дано описание 74 известных на сегодня фигур этой серии.

Удалось выявить сведения о семье скульптора. Женой Павла Павловича была Александра Николаевна Философова, дочь генерал-лейтенанта Николая Илларионовича Философова (1804—1854 гг.), генерала свиты, директора Пажеского корпуса и Варвары Ивановны Кротковой, из семьи богатого симбирского помещика. Их венчание состоялось 24 апреля 1883 г. в домовый церкви во имя Святой Троицы при Дворце Принца Ольденбургского³⁴.

В семье Павла Павловича Каменского родилось четверо детей.

Дочь Екатерина родилась в 1884 г., крещена в Сергиевском всей артиллерии соборе, восприемником при крещении был великий князь Константин Константинович³⁵.

Каменский П. П. «Енисеец». 1907.
МАЭ им. Петра Великого.
Фото с сайта «Госкаталог РФ»

³³ Хмельницкая Е. С. «Фарфоровая Россия» П. П. Каменского (1907—1917). М.: Любимая книга, 2014. 597 с.: ил.; Государственный каталог Музейного фонда РФ: Гиляк. Из серии «Народности России» (номер 19488177. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19615267>).

³⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 9. Разд. 1874. Д. 108. Л. 33 об.

³⁵ Там же. Ф. 497. Оп. 5. Д. 1339. Л. 11.

Сын Павел родился в 1885 г. и умер в два года. Ещё два сына Николай и Павел родились в 1886 г.³⁶ и 1888 г.³⁷ Оба погибли на полях Первой Мировой войны.

Младший его сын, Павел Павлович Каменский служил в чине прапорщика в 17-м Архангелогородском великого князя Владимира Александровича пехотном полку. Был ранен 13 августа 1914 г. пулей в ногу, находился на лечении в Петрограде, убит 22 апреля 1915 г. За свой последний бой он был награждён Георгиевским Оружием «За храбрость».

Вот как описан его подвиг в приказе о награждении: «...в бою у деревни Недомице, командуя 2-ю ротой полка, под губительным огнём противника примером личного мужества довёл роту до штыкового удара и выбил германцев из укрепленного берегового вала, смертью своею запечатлев содеянный подвиг»³⁸.

Старший сын скульптора Николай Павлович Каменский служил штабс-капитаном в 17-м Саперном батальоне. Своё Георгиевское Оружие «За храбрость» он получил ещё в осенью 1914 г., «...за то, что в бою 27-го августа 1914 г. у деревни Майдан-Гурно под сильнейшим огнём противника, подвергая свою жизнь опасности, восстановил с сапёрной ротой на пути, ведущем в обход к позиции противника, три моста и гать через болотистый ручей, после чего через восстановленную переправу были переведены два батальона с пулемётами, содействовавшие отступлению австрийцев»³⁹. И дальше штабс-капитан Николай Каменский воевал геройски. «За отличия в делах против неприятеля» он был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и 2-й степени с мечами, орденом Св. Анны 4-й степени «За храбрость», 3-й степени с мечами и бантом и 2-й степени с мечами⁴⁰. Вот что сказано о последнем подвиге Николая в приказе о награждении его орденом Св. Георгия 4-й степени: «Штабс-капитан 17-го Сапёрного батальона Николай Каменский в ночь с 12-го на 13-е мая 1916 г. в бою за овладение укрепленной Сопановской позицией, когда 139-му пехотному Моршанскому полку, занявшему три линии окопов противника угрожало окружение противником по многочисленным ходам сообщения, — получил приказание от начальника 35-й пехотной дивизии во что бы то ни стало обеспечить достигнутый успех на участке 139-го пехотного Моршанского полка. Во исполнение этого приказа, штабс-капитан Каменский, получив под свою ко-

манду роту полкового резерва, команду полковых разведчиков и полковых сапёров, под непрерывным ружейным и пулемётным огнём, перекопали все линии окопов противника, засыпав ходы сообщения, возвели новые окопы и установили проволочные заграждения, чем окончательно остановили, начавшийся было, обход противника. При выполнении этой работы, исследуя одну из минных галерей противника, был удушен газами, запечатлев, таким образом, геройской смертью содеянный им подвиг»⁴¹. Вот каких прекрасных сыновей, героев и патриотов, воспитал скромный скульптор и театральный бутафор.

О судьбе его дочери никаких сведений найти не удалось.

Сестра Павла Павловича Анна Павловна Каменская (1839–1893), по второму мужу Барыкова, поэтесса и переводчик. Обучалась в Екатерининском институте Санкт-Петербурга. Её поэзия по содержанию и форме находилась под влиянием поэзии Н. А. Некрасова. Герои её стихотворений — обездоленные и отверженные бедняки, падшие женщины, брошенные дети. При желании её стихи несложно найти в Интернете.

Один из братьев, Гавриил Павлович Каменский (1853–1912), служил в Дирекции Императорских театров художником-декоратором⁴². Особой известностью пользовались его декорации к балету «Эсмеральда», к операм «Евгений Онегин» и «Руслан и Людмила». Фамилии братьев можно прочесть на старых программках спектаклей Мариинского театра. Упоминающаяся в тех же программках певица Мариинского театра Солистка Его Величества Мария Даниловна Каменская⁴³ — жена их двоюродного брата Николая Фёдоровича Каменского.

На этом можно было бы и завершить рассказ о «малоизвестном» скульпторе. Теперь мы знаем о нём достаточно много. Однако уже в ходе подготовки материалов к публикации в «Ежегоднике императорских театров» за сезон 1892–1893 гг. нашлась ещё одна интересная работа скульптора⁴⁴. Весной 1892 г. Дирекция Императорских театров была приглашена для участия в Венской международной музыкальной и театральной выставке. Для главного входа в Русский отдел выставки по рисунку художника-декоратора К. М. Иванова Каменским был устроен громадный, около 17 м высотой, входной портал. Он представлял собой ворота в стиле русских построек XVII века, над которыми помещён был Малый Российский Императорский герб, увенчанный золотой сенью под Императорскою короной. Сень поддер-

³⁶ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 1339. Л. 12.

³⁷ Там же. Л. 44.

³⁸ РГВИА. Фонд Печатные издания. Приказ ЕИВ 1916-12-02. Л. 62.

³⁹ Там же. Приказ ЕИВ 1915-07-25. Л. 614 об.

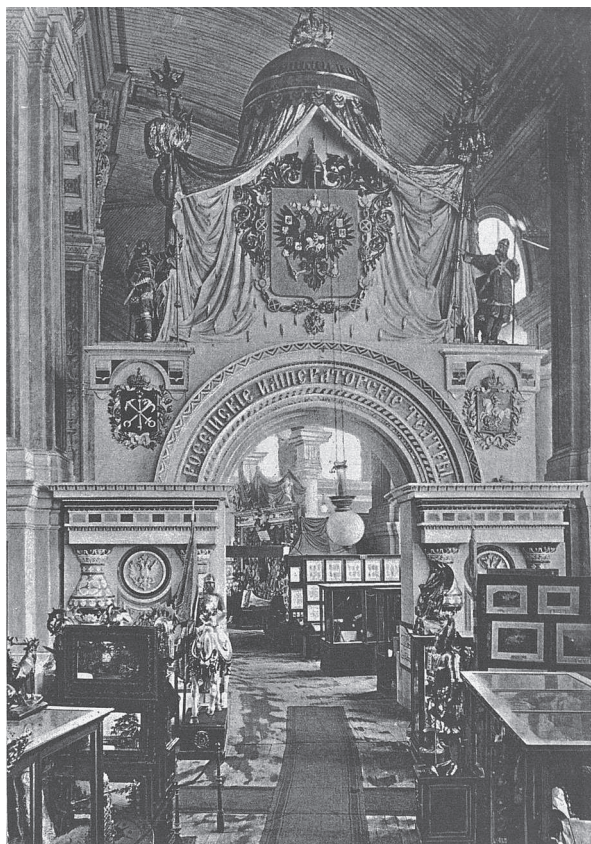
⁴⁰ Там же. Приказы ЕИВ 1915-02-28, 1915-03-24, 1915-05-31, 1916-04-15.

⁴¹ Там же. Приказ ЕИВ 1916-11-25.

⁴² РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 1338.

⁴³ Там же. Д. 1337.

⁴⁴ Ежегодник Императорских театров за сезон 1892–1893 гг. СПб., 1894.

*Входной портал Русского отдела Венской театральной выставки.
Ежегодник Императорских театров за сезон 1892–1893 гг.*

живали фигуры витязя XIII века, варяга X века, стрельца XVII столетия и запорожца. Вся постройка была исполнена из папье-маше и раскрашена под старинные изразцы. Кроме того скульптором было изготовлено несколько десятков манекенов, изображающих героев оперных и драматических спектаклей, идущих на сцене Императорских театров, одетых в сценические костюмы, включая конную статую князя Пожарского из оперы Э. Направника «Нижегородцы» в полном вооружении, с красной хоругвью в руке.

Так что рано заканчивать поиски, неизвестно, какие открытия нас ждут впереди...

О. А. Максимов

ЛЕВ ЛАГОРИО. НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ ИЗВЕСТНОГО МАРИНИСТА

Впервые оказавшись в Феодосии, я, несомненно, ожидал встречи со знаменитым Иваном Константиновичем Айвазовским. Однако, погружаясь в изучение истории города глубже, я понял, что с Феодосией связаны судьбы многих замечательных и талантливых людей. Для себя, достаточно далёкого от живописи человека, я открыл имя прекрасного художника Льва Феликсовича Лагорио. Жители Феодосии чтят память о своём земляке, по праву считая его первым учеником Айвазовского. Картины Лагорио находятся в постоянной экспозиции Картинной галереи имени И. К. Айвазовского, о художнике сообщают информационные и памятные таблички на городской набережной. Его имя начертано на фонтане-памятнике «Доброму гению», установленном жителями города в благодарность великому Айвазовскому и его ученикам. Даже здание местного краеведческого музея называют «Дом Лагорио», хотя и сами хозяева, и городские краеведы считают, что никакого отношения к художнику этот дом не имеет.

Заинтересовавшись этим ранее мне малоизвестным художником, я понял, что если его творчество и художественные достоинства достаточно хорошо и подробно освещены искусствоведами, то сведения о его личной жизни носят весьма поверхностный и противоречивый характер. Даже даты его рождения и смерти в различных источниках указываются разные. Ещё меньше известно о его семье, о судьбе представителей древнего итальянского рода Лагорио, оказавшихся в начале XIX века в Крыму.

Известно, что отец художника Феличе Лагорио был негоциантом и в 1811 г. основал в Феодосии компанию для торговли с Мингрелией и Имеретией. Некоторые исследователи подозревают его даже в шпионаже в пользу Наполеона. Так ли это — выяснить крайне сложно, да и стоит ли? А вот о времени появления Лагорио в Крыму и о заявленных им намерениях узнать удалось.

В конце 1804 г. в канцелярию Министра внутренних дел графа В. П. Кочубея от Феодосийского генерал-губернатора А. С. Феншоу поступило про-

шение «недавно туда прибывших» марсельских купцов Лагорио «о принятии их в число благородных Российских подданных»¹. Просьба о принятии их в российское подданство не была продиктована любовью к России, российские «пашпорты» им были нужны для «безопасной», а скорее — беспошлинной доставки в российский Крым четырёх принадлежавших им судов. Кочубей переправил бумаги Министру коммерции графу Н. П. Румянцову, зная, что тот по долгу службы заинтересован в привлечении иностранного капитала на развивающийся крымский рынок. Интересна, кроме всего прочего, мотивировка направленного прошения. Феншоу «изъясняет при том, что купцы сии производят большую торговлю в Марселе, что полагают основаться навсегда в Феодосии и что, по уверению их, многие другие как в Марселе, так и в Генуе живущие не оставят последовать их примеру, будучи притеснены непрерывными переменами и беспокойствами, в тех местах существующими». Министр коммерции прошение марсельских купцов дополнил своими мотивами и ссылками на Высочайшие указания о развитии коммерческой привлекательности Крыма, «дабы пособить недостатку торговых капиталов в Феодосии». Но на поданное прошение о принятии купцов Лагорио в российское подданство «Высочайшего благоволения не последовало». В итоге все «пять бумаг французских» были отправлены назад в Феодосию, в архиве осталась только переписка между ведомствами. Из дела не ясно, сколько было братьев, как их звали — ясно только то, что их было, как минимум, двое. А так как известно, что Феличе родился в 1781 г., то, следовательно, в конце 1804 г. ему было 23 года.

Сколько всего детей было у Феличе Лагорио, доподлинно неизвестно. Проведённые исследования позволяют предположить, что Лев, ставший впоследствии известным художником, был его младшим сыном. О нём известно больше, чем удалось выяснить об остальных братьях Лагорио. О них я коротко скажу позже, здесь же постараюсь остановиться на тех сведениях о художнике, которые не публиковались ранее. Сначала хочется определиться с датой его рождения. Вот что сказано в метрическом свидетельстве: «Всем вообще и каждому, кому ведать надлежит, да ведомо будет ... что лета господня 1827 июля месяца 16 дня в Феодосийской Римско-Католической Успенской церкви крещено ... дитя именем Леоне-Мария-Феличе Лагорио. Из дворян Феличе Лагорио Неаполитанского Вице-консула из италийской нации и Анны Лагорио из немецкой нации законных супругов сын 1826 года декабря месяца 9 дня по утру в том же приходе в Феодосии рождённый»². Выяснилось, что мать будущего художника — немка, а не русская, как счи-

¹ РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 184.

² Там же. Ф. 789. Оп. 14. Лит. «Л». Д. 12. Л. 7.

Феодосия. Костёл Успения Девы Марии (бывшая мечеть Муфти-Джами). Фото конца XIX в.

тают некоторые исследователи. А отец свою коммерческую деятельность успешно совмещал с дипломатической, исполняя должности то неаполитанского вице-консула, то вице-консула Сардинии-Пьемонта, а в 1841 г. — австрийского вице-консула. Очевидно, служил тем, кто больше платил. Тут ещё интересна и история Успенской католической церкви. В пору турецкого владычества, в Феодосии, которую турки называли Кефе, была сооружена мечеть Муфти-Джами. После изгнания турок из Крыма здание мечети было передано армянам-католикам. Эта мечеть — единственный мусульманский храм той эпохи, сохранившийся в Феодосии до наших дней. Вот бы полистать архивные метрические книги Бердянского деканата Тираспольской католической епархии, много ещё интересных фактов о семействе Лагорио можно было бы там найти.

Биографы Лагорио ошибаются, говоря, что он окончил Феодосийскую гимназию: в ту пору гимназии в провинциальной Феодосии не было, было лишь уездное училище. Но и сведений о том, что Лев учился в училище, также нет. Да и не в традициях семьи это было, как удалось установить, его старшие братья воспитывались «в доме родителей при наставниках»³. Вероятно, обучение его проходило в мастерской приехавшего в родной город на два лета молодого художника Ивана Айвазовского.

³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 183.

Поступил в Академию художеств Лев Лагорио по рекомендательному письму, которым снабдил его бывший Гражданский губернатор и Градоначальник Феодосии А. И. Казначеев, в то время — уже сенатор и Таврический предводитель дворянства. То письмо было адресовано герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому, возглавлявшему Общество поощрения художеств⁴. Льва Лагорио принимают в Академию, примерно в это же время герцог Максимилиан Лейхтенбергский становится Президентом Академии художеств. Известно, что именно на его средства Лагорио обучался в Академии.

В Академии Лагорио близко сошёлся с художниками Львом Жемчужниковым и Александром Бейдеманом. Результатом этой дружбы стал знаменитый портрет Козьмы Пруткова. В своей книге «Мои воспоминания из прошлого» Лев Михайлович Жемчужников очень тепло вспоминает о студенческой дружбе, о совместном с Лагорио путешествии по Украине. «... его все полюбили, да нельзя было не полюбить его в то время, милого, весёлого, талантливого, покладливого для жизни»⁵. В издании этой книги 1970 г. помещен портрет Льва Лагорио работы Александра Егоровича Бейдемана, кстати, в издании 2009 г. этого портрета уже нет.

В своей книге Лев Жемчужников упоминает, что Бейдеман в 1850 г. навестил в Феодосии сестру Льва Лагорио. Вот ещё одно открытие, значит у Лагорио кроме братьев, была ещё и сестра!

Всё время пребывания в Академии художеств Лев Лагорио оставался французским подданным. Принял российское подданство он только 18 декабря 1852 г., когда за присуждённую ему золотую медаль художник получил право на пенсионерскую поездку за границу.

Находясь за границей, художник не терял связи с Россией. Он не только регулярно представлял в Академию художеств отчёты о своей работе, но и чутко отзывался на происходящие события. Так, например, в 1854 г. он пожертвовал написанную им картину «Вид из итальянского домика в сад» в пользу раненых в Крымской войне. Эту картину приобрела императрица Александра Фёдоровна за 400 рублей серебром, а деньги Академия художеств перевела в Фонд помощи раненым⁶.

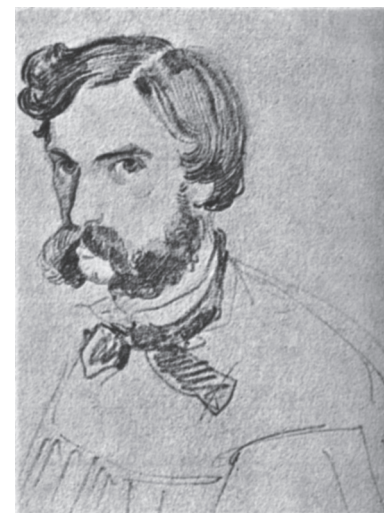
В 1860 г., после возвращения из-за границы, «за особенное искусство и познание в художествах» и за представленные картины, минуя звание академика, Лев Лагорио получает звание профессора пейзажной

живописи. 16 сентября 1862 г. в Санкт-Петербургской римско-католической приходской Св. Екатерины церкви «при трехкратном оглашении пред народом, собравшимся во время Божественной литургии» состоялось венчание профессора Академии художеств Льва Лагорио с дочерью полковника А.К. Герцыка, «девицей Еленой 17 лет»⁷.

В той же церкви была крещена и их единственная дочь Ольга, родившаяся 30 марта 1865 г.⁸ Восприемниками при крещении были дядя и тётка новорождённой Казимир и Анна Герцыки.

С Казимиром Антоновичем Герцыком, инженером-путейцем и строителем железных дорог, была тесно связана семья Лагорио. Почти каждый год художник выезжал на лето в Крым, где в Судакке, в доме брата жены у него была своя мастерская. Кстати, этот дом, правда, позже перестроенный наследниками, сохранился, сегодня в нём располагается музей сестёр Герцык, поэта серебряного века Аделаиды и писательницы, переводчика и литературного критика Евгении.

Все биографы художника поминуют, что, несмотря на известность и популярность, он постоянно испытывал нужду в средствах. В поисках дополнительного заработка в 1873 г. Лагорио принял предложение Дирекции Императорских театров и поступил на службу декоратором «с назначением полного оклада содержания 1140 руб. в год»⁹. Сведений о результатах его деятельности в дирекции Императорских театров удалось обнаружить немного. Так, художник участвовал в создании декораций для первого действия балета «Бабочка», показанного 6 января 1874 г., что особо отмечалось в отчете о спектакле¹⁰. Правда, и служба эта длилась недолго. Через два с половиной года, 29 марта 1876 г., ссылаясь на ревматизм и головокружение, художник подаёт прошение об увольнении.

А. Е. Бейдеман. Портрет Льва Лагорио. ГРМ.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 69. Л. 192.

⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Лит. «Л». Д. 12. Л. 86.

⁹ Там же. Ф. 497. Оп. 2. Д. 23190.

¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1874. 8 янв.

⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Лит. «Л». Д. 12. Л. 14–14 об.

⁵ Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. М., 1970. С. 143.

⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 2. 1854 г. Д. 106.

О дочери художника Ольге Лагорио известно, что она в октябре 1887 г. подала прошение о принятии её в Санкт-Петербургскую консерваторию¹¹. На испытаниях у неё были определены «довольно хорошие» способности, голос признан как меццо-сопрано, в итоге она была принята сверхкомплектной ученицей в класс профессора пения Елизаветы Фёдоровны Цванцигер. На первом году обучения специальный предмет – пение Ольга сдала на оценку 2 ½, на следующий год пение вовсе не сдавала, по обязательным предметам: фортепьяно, сольфеджио — оценки были 2 ½ – 3 ½. После трёх лет обучения Ольга оставила консерваторию¹².

Можно предположить, что Ольга Лагорио была в дружеских отношениях с солисткой русской оперы Марией Славинной, сохранилось несколько фотографий певицы с дарственными надписями. Сведений о службе или замужестве Ольги Львовны найти не удалось, всю жизнь она оставалась «дочерью профессора».

В 1901 г., по случаю 50-летия творческой деятельности, художнику Лагорио было Высочайше пожаловано пожизненное пособие в 1500 руб. в год¹³.

9 декабря 1905 г., как мы теперь знаем — в день своего 79-летия — Лев Феликсович скончался от «гриппозного воспаления лёгких». В приходском костёле Святого Станислава ксендзом Чечоттом было совершено его отпевание¹⁴, а погребён художник на кладбище православного Воскресенского Новодевичьего монастыря Санкт-Петербурга¹⁵.

Оказавшись практически без средств к существованию, его вдова и дочь, получавшие на двоих пособие от Академии художеств в 300 руб. в год, были вынуждены распродать его картины¹⁶. Позже Академия увеличила это пособие до 600 руб., именно такую сумму вдова получала до 1917 г.¹⁷ На Высочайше пожалованное художнику пособие или его часть вдова с дочерью претендовать не могли, как и на пенсию на общих основаниях, так как художникам пенсии за службу не полагались. Однако император, высоко ценя талант Лагорио, своим соизволением 14 апреля 1906 г. назначил вдове особую пенсию в 900 руб. и дочери в 300 руб.¹⁸ Как удалось выяснить, до 1917 г. они проживали в доме Российского общества застрахования капиталов и до-

ходов, это дом 27 по Офицерской ул.¹⁹ Накануне своего 54-летия 11 апреля 1919 г. (29.03.1919 г. — по ст. ст.) Ольга Львовна вместе с матерью в Исиходоровской церкви эстонского православного братства принимают православие²⁰. Дальнейшие их следы теряются.

Известно, что у художника был брат, генерал-майор Карл Феликсович Лагорио. Генерал умер в Варшаве, был похоронен в Одессе, и могила его сохранилась²¹.

Нашлись и старшие братья. Видимо, самым старшим из сыновей Феличе Лагорио был Чезаре, родившийся около 1809 г.²², по-русски его звали Кесарь. Начиная службу при Феодосийском градоначальнике и Таврическом гражданском губернаторе тайным советнике А. И. Казначееве переводчиком с немецкого, французского и английского языков. Служил бухгалтером в Таврической палате государственных имуществ, начальником государственных имуществ в Бердянском округе. К концу службы определён в число чиновников, состоящих при Московском генерал-губернаторе. За беспорочную выслугу в классных чинах 35 лет пожалован орденом Св. Владимира 4 ст., что послужило основанием для причисления его с сыновьями к потомственному дворянскому сословию. Его младший сын Александр окончил Институт инженеров путей сообщений, к 1906 г. он — директор Новозыбковского подъездного пути, член правления общества Мелекесского подъездного пути, проживает в д. 9 по Александринской пл.²³

Возможно, вторым сыном Феличе Лагорио был Лучано, по-русски его звали Луциан, родился он в 1815 г. Присягну на подданство России принял в Кавказском губернском правлении при вступлении на государственную службу в 1833 г.²⁴ Начав с должности помощника столоначальника, к концу службы стал советником Ставропольской палаты уголовного и гражданского суда, награждён орденами Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 2 ст. и Дворянским собранием с женой и сыновьями «сопричислен в число дворян Ставропольской губернии со внесением в третью часть дворянской родословной книги». Помнится, марсельские купцы мечтали о потомственном российском дворянстве, что не удалось отцам, того добились их сыновья.

С очень большой долей вероятности выявленные документы позволяют утверждать, что братьями художника Льва Лагорио являются смотритель

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 2. Д. 3716.

¹² Там же. Оп. 12. Д. 19–21.

¹³ РГИА. Ф. 565. Оп. 14. Д. 118. Л. 77.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1822. Оп. 4. Д. 69. Л. 389 об.

¹⁵ Там же. Ф. 639. Оп. 1. Д. 5. Л. 122.

¹⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Лит. «Л». Д. 12. Л. 124–126.

¹⁷ Там же. Оп. 24. Д. 28. 1917 г. Л. 273 об.

¹⁸ Там же. Ф. 565. Оп. 14. Д. 118. Л. 77.

¹⁹ Весь Петроград на 1917 год. Пг., [1917]. С. 376.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 156. Оп. 2. Д. 4. Л. 6 об.–7.

²¹ См., например: <https://www.sites.google.com/site/necropolural/goroda-ukrainy/odessa/vtoroe-hristianskoe-kladbise/alfavitnyj-spisok-zahoroneniylagorio-karl-feliksovic> (дата обращения: 17.03.2020).

²² РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 183.

²³ Весь Петербург на 1906 год. СПб., [1906]. С. 367.

²⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 184.

Бессарабской немецкой колонии Ипполита Феликсовича Лагорио и чиновник Министерства государственных имуществ Евгений Феликсович Лагорио, служивший в 1846—1848 гг. Пятигорским окружным начальником государственных имуществ.

Учёного-петрографа Александра Евгеньевича Лагорио в Интернете называют двоюродным братом художника, но это маловероятно. Очевиднее всего, Александр являлся племянником художника. Подробная, хотя в некоторых местах — сомнительная, информация о нём изложена на сайте «Некрополь российского научного зарубежья»²⁵. В архивном фонде Министерства торговли и промышленности есть Высочайше утверждённый доклад от августа 1906 г. о назначении бывшего директора Варшавского политехнического института заслуженного профессора доктора минералогии и геогнозии действительного статского советника А. Е. Лагорио на должность управляющего Учебным отделом Министерства²⁶. Там же имеется справка о его службе. К 1917 г. А. Е. Лагорио тайный советник, заслуженный профессор, управляющий Учебным отделом и член Совета по учебным делам Министерства торговли и промышленности, председатель Учебного комитета Министерства торговли и промышленности, неперенный член Горного учебного комитета, Романовского комитета, Учёного комитета при Главнонаблюдающим за физическим развитием народонаселения Российской Империи. Проживал по адресу: г. Петроград, Гродненский пер., д. 6²⁷.

В процессе биографического исследования удалось найти считавшееся ранее утраченным место могилы некогда знаменитого художника. Его жена Елена Антоновна похоронила мужа рядом с могилой своего отца генерал-майора Антона Казимировича Герцыка²⁸. От могилы генерала сейчас сохранился только заросший травой высокий поребрик. Кстати, кроме генерала, прославленного инженера-фортификатора и активного участника обороны Севастополя, там же были похоронены и его сыновья, участники Первой мировой войны, командир Гренадёрского Несвижского полка полковник Николай Антонович и генерал-лейтенант Александр Антонович Герцыки. С ними же похоронена и вторая жена генерала Аделаида Марцелиновна, дочь генерала Ольшевского.

А на соседнем участке кладбища, на месте могилы почётного академика и профессора Императорской Академии художеств лежит большая колода от некогда спиленного дерева...

²⁵ URL: <http://www.russianguave.ru/person> (дата обращения: 17.03.2020).

²⁶ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 60Б. Л. 25–26.

²⁷ Весь Петроград на 1917 год. Пг., [1917]. С. 376.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 2. Л. 44 об.

В. А. Маркевич

ЯКОВ ЖУРАВСКИЙ — ПЕРВЫЙ НАСТОЯТЕЛЬ СЕРАФИМОВСКОЙ ЦЕРКВИ В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ

Первым настоятелем храма преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга, освященного 1 марта 1907 г., называют то потомственного священника Павла Пашского, то «пламенного революционера» от церкви Владимира Красницкого. В источниках зафиксировано имя, которое редко упоминается в связи с этой церковью — Яков Львович Журавский.

Просматривая архивные данные об истории Серафимовского кладбища, я заинтересовалась несколькими интересными документами, где фигурировало имя этого человека. Они характеризовали Журавского как неординарную личность, с незаурядным общественным темпераментом, стойким в противостоянии трудностям послереволюционного времени. Я предприняла попытку реконструировать жизненный путь этого священника обновленческой церкви, вырастившего шесть собственных и двоих приемных детей и расстрелянного в 1937 г.

Как и многие его современники, он прожил как бы две жизни, разделенные событиями 1917 г.: первую как шестиве по лестнице житейского успеха, вторую — восхождение на собственную Голгофу и посмертное забвение.

Яков Львович Журавский родился в семье псаломщика в Витебской губернии (Невельский уезд, с. Глабой) 30 апреля 1879 г.¹ Впоследствии, в советской анкете он писал, что по национальности является белорусом². Много позднее происхождение скажется на его биографии — в 30-е годы НКВД его обвинит в том, что он работал на польскую разведку³.

Яков идет по стопам отца. В 16 лет он оканчивает Витебское духовное училище, затем продолжает обучение в Витебской духовной семинарии. Веро-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4361. Л. 77 об.

² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 206. Л. 122.

³ Синодальное движение (обновленчество) // Сайт Александра Александровича Бовкало. URL: <https://petergen.com/bovkalo/mar/obn.html> (дата обращения: 23.01.2019).

Яков Львович Журавский (1879–1937): памятная табличка на месте гибели в Левашиевской пустоши. Фото автора

ятно, он проявил заметные способности, т.к. сразу по завершении курса, в 1905 г. был направлен в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую успешно закончил, получив звание кандидата богословия. В то время удавалось это сделать далеко не всем, многих студентов отчисляли во время учебы. Из столицы Журавский направлен в Могилевскую губернию, соседнюю с родной Витебской. Здесь его рукополагают в сан священника в Иосифовском кафедральном соборе Могилева⁴.

Молодой священник в течение трех лет возглавляет местную церковно-приходскую школу, преподает Закон Божий и заведует библиотекой. Вскоре он также становится преподавателем в местной семинарии, где читает «обличительное богословие и историю обличения

старообрядчества», одновременно ведет миссионерскую деятельность среди староверов⁵. Сам он писал о себе: «с расколом я знаком теоретически и практически»⁶. Еще в духовной академии Журавский готовил критический обзор учения одного из старообрядческих толков, Церкви поповцев.

Именно в статусе «противосектантского миссионера» он приезжает в столицу в 1908 г.⁷

С ним едет молодая жена, уроженка Могилева Антонина, которая моложе его на 10 лет и уже закончила Епархиальные женские курсы (1904)⁸. В год переезда в столицу рождается их первый ребенок, нареченный очень редким именем Феопемпт (в переводе с греческого — ниспосланный Богом), вероятно, в честь пламенного проповедника, святого, обратившего к Христу царского волхва.

Он на хорошем счету у начальства, полон энергии. Со своим руководителем, епархиальным миссионером, Яков объезжает «все раскольничьи ме-

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4361. Л. 77 об.

⁵ Там же. Оп. 105. Д. 32. Л. 4. Описание подобной миссионерской беседы на Петровском острове в зале завода Дитриха на 700-800 человек, который «всегда полон» см.: Известия по С.-Петербургской епархии. 1910. № 2. С. 8–12.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 628. Л. 1.

⁷ Там же. Оп. 113. Д. 4361. Л. 77 об.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 7. Л. 76.

ста Санкт-Петербурга». Это, прежде всего район Малой Охты, Волковское и Громовское кладбища и другие места, где собирались представители старообрядческих общин разного толка. Он печатается в Епархиальных ведомостях с живыми очерками из раскольничьей жизни («Из мира сектантов», «Об антихристе и его самоличном царении»)⁹.

Епархиальный миссионер Дм. Боголюбов отмечает у своего подчиненного «ровный и благодушный характер». Отметим эту характеристику, она нам еще пригодится. В отзыве о Журавском Боголюбов пишет, что Журавский чужд фанатизма в отношении к раскольникам, с «благодушием христианским» поддерживает с ними личные знакомства, придерживается убеждения, что «раскол можно ослабить не искоренением и внешними мерами, а органичными и пастырско-просветительными воздействиями на него»¹⁰.

Молодой священник счастлив в семейной жизни, одна за другой рождаются дочери (Вера — 1909 г., Надежда — 1911 г., Мария — 1912 г.). И Яков Львович хлопочет о назначении на место штатного приходского священника¹¹. Вскоре предоставляется оказия, и 10 мая 1912 г. его назначают в Новодеревенскую Благовещенскую церковь, где Журавский продолжает вести активную работу — преподает Закон Божий в местной школе¹².

9 января 1914 г. он получает повышение — ответственную административную должность благочинного церковью II округа¹³. Фактически, Яков Львович становится местным представителем церковного руководства, осуществляющим надзор в местных церквях.

Вскоре в семье успешного молодого батюшки рождается четвертая дочь — Анна (1915 г.).

Благовещенский храм, с которым Журавский будет потом связан долгие годы «и в горе, и в радости», — одна из старых церквей столичных пригородов, основанная еще в 1762 г. при мызе «Каменный Нос» графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. К началу XX в. она окормляла население Старой и Новой Деревень, состоявшее преимущественно из крестьян, мелких торговцев и ремесленников, а также рабочих-отходников, приезжавших со всей России для сезонных работ и постепенно оседавших в дешевых предместьях.

Приход располагал 20 десятинами огородной земли, 2 деревянными домами, ведал 3 кладбищами, в том числе недавно открытым Серафимовским

⁹ Известия по С.-Петербургской епархии. 1910. № 2. С. 8–12; 1911. № 22. С. 3.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 628. Л. 3.

¹¹ Там же. Д. 630.

¹² Там же. Оп. 113. Д. 4361. Л. 77 об.

¹³ Там же. Оп. 106. Д. 20. Л. 1; Оп. 105. Д. 32.

(1905 г.), названным так по возведенной там кладбищенской церкви во имя недавно канонизированного преподобного Серафима Саровского и приписанной к приходской Благовещенской церкви.

Церковный доход не слишком большой, но стабильный — 1500 руб. в год, включал процент с капитала и арендную плату за землю, которая сдавалась под огороды местным крестьянам. В приходе было 2 школы (церковно-приходская и земская)¹⁴.

Жизнь казалась налаженной. Будущее не вызывало у отца семейства опасений. Но на пороге время больших потрясений. Наступил 1917 год, и все начинает меняться ускоряющимися темпами.

Большая часть духовенства в феврале-марте приветствует шествие нового мира. Демократические принципы начинают внедряться в церковные институты. Журавский просит освободить его от обязанностей благочинного, считая необходимым поддержать демократические перемены в церковном управлении. И 14 июня 1917 г. он возвращается на эту должность уже не будучи назначенным начальством, а избранным на нее епархиальным собранием 27 голосами против 11¹⁵. Яков Львович продолжает работу и на миссионерском направлении — в составе Миссионерского совета, созданного 10 июля 1918 г. митрополитом Вениамином для расширения проповеднической работы¹⁶.

После смены власти в октябре 1917 г. отношения церкви и властей меняются кардинально. У Благовещенской церкви, при которой по-прежнему служит о. Яков, в течение 1918 г. отбирают стабильные статьи доходов — управление кладбищами, ведение метрических записей. Вводятся ограничения на исполнение церковных треб¹⁷. Административный пресс особенно чувствителен в условиях общей разрухи и голода, разрушения экономических связей.

По позднему свидетельству Журавского в Новодеревенских храмах «...не было свечей, масла, денег, ладана, церковного вина, сторожей, певчих»¹⁸, в изобилии только неоплаченные счета. Дневниковых записей Журавского не осталось, но о том, что переживали священники в то время, дают представление записи, которые вел на более благополучном юге в Крыму в те годы отец Сергей Булгаков: «Как тяжело и постыдно чувствовать себя жадным и трусливым себялюбцем, прячущимся и запирающимся

в свой угол с своим куском для себя и семьи, под стук и стоны голодных. Я чувствую себя недостойным даже говорить о Боге и вере, а в то же время должен учить других, литургисать, и сам окаянный причащаюсь плоти и крови Господней. На днях я был со Св. Дарами у умирающей от голода старухи, которая лежит одна в холодной сырой комнате. Я чувствовал себя таким уничтоженным и духовно бессильным, и она стоит передо мною, как на Страшном суде. Сейчас самое существование становится грехом. Ведь я должен был бы отдать ей свою еду, взять ее к себе, а это значит, пожертвовать всеми привычными условиями и удобствами своего существования. Господь заставляет делать решительный выбор: или Он, или себялюбивое самосохранение, и во мне побеждает последнее, и это во всем, на каждом шагу: смеется сатана с своим экономическим материализмом...»¹⁹.

Многие священники тогда оказывались не готовыми к новым условиям. Но отец Яков пытается исправить ситуацию. 16 февраля 1919 г. приходское Собрание выбирает его настоятелем Новодеревенского прихода Благовещенской церкви²⁰, решение утверждает митрополит Вениамин²¹. Впоследствии Журавский напишет, что принял настоятельство «во время лютого волнения и бури», в условиях когда «не находилось других желающих взять на себя ответственность за судьбу храма»²².

Постепенно церковное хозяйство начинает исправляться — появляются деньги (через год, по его свидетельству, в церкви было товару «на полмиллиона рублей, значительная наличность»), нанимается хороший сторож²³.

Помимо ведения приходской деятельности ему приходится обеспечивать большую семью. На его иждивении в этот период находятся не только пять собственных детей, но и двое племянников — Михаил (1905 г. р.), Дмитрий (1909 г. р.). Осенью 1919 г. о. Якову приходится поступить на частную службу, он устраивается счетоводом на фабрике «Светоч» (бывшая картонажно-переплетная фабрика товарищества «Отто Кирхнер» на Большой Пушкинской, 10) за 3700 руб. в месяц. Вероятно, на него как сотрудника фабрики также выдавался паек²⁴.

Помимо других тягот, Журавского как представителя эксплуататорских классов привлекают к общественным работам. Община ходатайствует о его

¹⁹ Булгаков С. Н. Ялтинский дневник, 14 февраля 1922 г. // С. Н. Булгаков: pro et contra : личность и творчество Булгакова в оценке рус. мыслителей и исследователей : антология. СПб., 2003. С. 124–125.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 105. Л. 95.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4361. Л. 77 об.

²² Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1337. Л. 1 об.

²³ Там же. Л. 1 об.–2.

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 105. Л. 82.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4361. Л. 75–75 об.

¹⁵ Там же. Оп. 115. Д. 629. Л. 3, 5, 7.

¹⁶ Шкаровский М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917–1945. СПб., 1995. С. 37.

¹⁷ Там же. С. 40–46. Примеры подобных ограничений см. также: ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 106. Л. 1–6, 80–80 об.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1337. Л. 1 об.

освобождении от трудовой повинности, т.к. он необходим «для удовлетворения религиозных нужд». Сам Яков Львович пишет в заявлении, что уже поступил на службу добровольно, часто болеет, и из-за этого перестает «быть полезным работником для фабрики». Резолюция на его заявлении, которая сохранилась в архиве — «оставить без внимания»²⁵. Только в июле 1919 г. поступают из Отдела юстиции Петросовета разъяснения, что «духовных лиц, занятых культом, привлекать к общественным работам» не следует, а не занятых — не следует привлекать «на виду у публики»²⁶.

Но в этот период у Якова Львовича уже другая жизнь — приход его смещает с должности настоятеля решением общего приходского собрания в Вербное воскресенье 1920 г. (5 апреля по нов. ст.)²⁷.

Все, кроме 16 воздержавшихся, проголосовали за избрание настоятелем Павла Пашского, пожилого всеми уважаемого священника, к которому прихожане привыкли, дореволюционного настоятеля Благовещенского храма.

Мотивировка смещения о. Якова — с ним «не сможем работать»²⁸. Священника, у которого ранее отмечают ровный характер и благодушный нрав, обвиняют в неуживчивости. Но в экстремальной ситуации часто приходится быть требовательным, даже жестким. Кроме того, его поставили перед выбором — оставить частную службу или уйти из настоятелей.

Журавский с горечью отмечал, что собрание не было правомочным (его самого удалили из собрания, на котором присутствовало только 107 человек, а голосовало из них лишь 60, в то время как в 1919 г., при его избрании голосовало 400 человек открытым голосованием)²⁹. Ему, спасшему церковное хозяйство в самый сложный период, было обидно и горько. Но церковное руководство поддержало собрание, о. Якову пришлось «признать факт и подчиниться»³⁰.

Журавский пытается приспособиться к новой жизни, поступает в светскую Педагогическую академию³¹. Но трудности нарастают. 27 февраля 1921 г. его впервые арестовывают. Через две недели (13 марта) его отпускают, еще через неделю (19 марта) дело прекращено³².

Открывается новый период его жизни, связанный с обновленческим движением. С 1922 года Журавский примыкает к одному из его направлений —

«Живой церкви». В анкете 1922 г. он пишет, что отделение церкви от государства — зло для государства, для «самой же церкви пользительно»³³. Через два года, в подобной анкете он заявит: «ставлю своей задачей примирение церкви с государством и совместное сотрудничество «Живой церкви»³⁴.

Обновленчество — сложное явление. В нем были и честолюбцы, и приспособленцы, сотрудничавшие с ОГПУ. Но были и священники, которые искренне хотели найти место церкви в новой жизни, приносить пользу людям, нести им подлинное христианство, без печати казенщины и формализма. Всесторонняя оценка обновленческой церкви — долгосрочная задача, которая только начинает привлекать внимание исследователей.

Одним из руководителей обновленчества был Владимир Дмитриевич Красницкий (1881–1936), личность харизматичная и одиозная, сыгравшая в судьбе Журавского существенную роль. О его судьбе и той роли, которую он сыграл в гонениях на церковь сказано много³⁵. До революции он состоит в союзе Русского народа, а после 1917 года переходит на службу в советские органы власти и даже служит в Красной армии. Неблаговидна его роль в процессе, который прошел летом 1922 г. над митрополитом Казанским Вениамином. Красницкий претендует на лидерство в православии. Он служит в Храме Христа Спасителя в Москве, в мае 1923 г. обновленческий собор возводит его в сан «протопресвитера РПЦ».

Влияние созданной им «Живой церкви», не без использования давления властей, распространяется в православных епархиях. В августе 1922 г. 50,7 % правящих архиереев (37 из 73) признали ее платформу³⁶.

Яков Журавский вступил в «Живую церковь», как я уже сказала, тоже в 1922 г. У нас нет каких-либо свидетельств о личной непорядочности Якова Львовича, хотя он и прослыл «красным попом», а клир Благовещенской церкви, приход которой он возглавлял в течение самого сложного послереволюционного года, не желал иметь с ним ничего общего.

В мае 1923 г. Журавский возглавил «двадцатку» общины храмов упраздненного Иоанновского женского монастыря. О времени, на котором пересеклись пути прославленной обители и Якова Журавского, сохранилось мало свидетельств. Похоже, что этот недолгий период он пытается сохранить возможность вести богослужения в практически закрытом монастыре. И когда это становится

²⁵ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 105. Л. 30, 34.

²⁶ Там же. Л. 35.

²⁷ Там же. Л. 98.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1337. Л. 9, 10, 17.

²⁹ Там же. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 6.

³¹ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 105. Л. 82.

³² Лавринов В.В. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 245.

³³ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 105. Л. 82.

³⁴ Там же. Д. 110. Л. 15 об.

³⁵ Яркую и не всегда объективную характеристику Красницкого можно найти в воспоминаниях Краснова-Левитина (*Краснов-Левитин А. Э. Лихие годы, 1925–1941. Paris, 1977. С. 58–105, 135, 355*).

³⁶ Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999. С. 21.

Серафимовская церковь, внешний вид, фото 30-х годов XX в.

ся невозможным — просит «отдать» его общине Серафимовскую кладбищенскую церковь, неблагоустроенное деревянное строение на удаленном кладбище бедного окраинного района Петрограда. Об этом сохранилось заявление в отделение Управления Райисполкома от лица Журавского как президента Двдцатки ликвидированных храмов бывшего Иоанновского женского монастыря³⁷. Интересно, что Иоанновский монастырь был еще раньше связан с Серафимовским кладбищем — именно здесь еще до революции был приобретен участок для захоронения монахинь, который существует и по сей день.

Вскоре прошение Журавского было удовлетворено властями. Серафимовская церковь передано новой Двдцатке 15 декабря 1923 г.³⁸, и, таким образом, впервые обзаводится собственным приходом с постоянными богослужениями, — ведь ранее она функционировала только как церковь, где проходили преимущественно службы, связанные с отпеваниями и поминаниями усопших.

Полный список первой двдцатки — 24 человека, включая Журавского и его жену. Из них 8 мужчин, в том числе садовник, инструктор по сельскому

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 110. Л. 5.

³⁸ Там же. Л. 11.

хозяйству, огородник, 2 брата — химики Адриан и Георгий Константинович Андреевы, сельский хозяин, почтальон. Остальные — женщины, в основном из рабочих и крестьян: огородник, инструктор сельского хозяйства, есть также служащая (счетовод), массажистка, портниха и 10 домохозяек³⁹.

К этому времени у «Живой Церкви» начинаются проблемы с властью. Священный Синод Русской православной церкви, новый орган управления обновленческой церковью, 8 августа 1923 г. официально объявил о роспуске всех обновленческих групп и фракций⁴⁰. Яков Журавский не подчиняется этому решению и остается в «Живой церкви». Более того, с 1923 г. он становится председателем ее Петроградского комитета. Есть сведения о том, что Яков Львович в 1923 г. подвергался аресту, но был отпущен⁴¹.

Таким образом, он оказывается без поддержки: с одной стороны, власть перестала опекать «Живую церковь», с другой стороны, большая часть клира и верующих отвернулись от «красных попов».

В полной мере отцу Якову приходится переносить тяготы церковной политики советского государства. Конфискации, административные препятствия проведению богослужений⁴², аресты членов Двдцатки (например, по обвинению, что в церковь вносили гробы заразных больных)⁴³, ограбления церковного имущества, погромы храма местным слесарем и его сыновьями с целью сделать невозможным проведение в нем богослужений⁴⁴. Необходимость выполнять требования по содержанию церкви — вести текущий ремонт для ликвидации недочетов, выявленных регулярными комиссиями, иметь сторожа, завхоза, выполнять противопожарные правила, исправлять электропроводку...⁴⁵

Это только малая толика тех проблем, которые ежедневно надо было решать священнику, на плечах которого лежала еще и ответственность за большую семью. В 1921 г. умирает дочь Анна, но рождается дочь Екатерина, а в 1927 г. — сын Яков. Семья с 8 детьми, включая 2 племянников живет неподалеку от кладбища: Липовая аллея, д. 11, кв. 1⁴⁶. Здание не сохранилось.

С 1929 г. еще одна напасть — Серафимовская церковь становится последним прибежищем отовсюду изгнанного Красницкого. Отец Яков оказывается единственным, кто принимает у себя лидера обновленцев, смиренно

³⁹ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 110. Л. 5.

⁴⁰ Соловьев И. «Живая церковь» // Православная энциклопедия. М., 2008. С. 168–172.

⁴¹ Лавринов В. В. Указ. соч. С. 245.

⁴² ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 50. Д. 33. Л. 11, 31 ; Д. 206. Л. 2, 112 ; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 206, Л. 127–128, 132.

⁴³ Там же. Ф. 151. Оп. 2. Д. 110. Л. 40.

⁴⁴ Там же. Л. 52.

⁴⁵ Там же. Ф. 1000. Оп. 50. Д. 33. Л. 11 ; Ф. 151. Оп. 2. Д. 111. Л. 18.

⁴⁶ Там же. Ф. 151. Оп. 2. Д. 110. Л. 15.

Серафимовская церковь, интерьер, фото 30-х годов XX в.

уступив первенство в храме. С октября 1929 г. Красницкий становится настоятелем Серафимовской церкви и остается таковым до своей смерти от гриппа в ноябре 1936 г.

В анкете 1933 г. Яков Журавский указывает семейное положение «в разводе»⁴⁷, хотя по-прежнему он и его семья живут по одному адресу. Возможно, это попытка оградить родных от административных ограничений как членов семьи священника.

После смерти Красницкого Яков снова настоятель Серафимовской церкви, до 10 октября 1937 г., когда его арестовывают в последний раз и приговаривают к расстрелу. В архивной справке УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области сообщается, что в 1935 г. «Журавский был завербован польской разведкой, <...> участвовал в к/р группе церковников-поляков». «Постановлением Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 28 октября 1937 г. Журавский Я. Л. приговорен к ВМН»⁴⁸. Яков Журавский был расстрелян 1 ноября 1937 г.⁴⁹

⁴⁷ Там же. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 206. Л. 122.

⁴⁸ Журавский Яков Львович // Электронный архив Фонда Иофе. URL: <https://arch2.iofe.center/person/14395> (дата обращения: 24.01.2021).

⁴⁹ Лавринов В. В. Указ. соч. С. 245.

Сохранилось заявление от вдовы Якова Львовича об исключении из двадцатки от 11 ноября 1937 г.⁵⁰ Возможно, у супругов была об этом договоренность заранее.

От Журавского осталась, видимо, обширная библиотека, поскольку его вдова отдала ее церкви. Местные власти обязали все книги сдать в библиотеку им. Фурманова, которая и сегодня благополучно существует по адресу: наб. Чёрной речки, 12. К сожалению, никаких следов этих книг там не осталось. Личное дело его жены «случайно» попало под ликвидацию в архиве ЦГА.

Яков Львович Журавский был реабилитирован в 1989 г.⁵¹

Место его погребения неизвестно. Прах его, возможно, покоится среди останков других жертв репрессий в Левашовской пустоши. Именно там установлена памятная табличка. На Серафимовском кладбище сохранились могилы его жены и детей.

На жизнь и посмертную память о Якова наложила тяжелую печать эпоха, но сквозь скудные свидетельства, которые пощадило время, проступают черты яркой и незаурядной личности, человека, оставшегося верным убеждениям и близким людям, несломленного трудностями и претерпевшим до конца.

⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 206. Л. 96.

⁵¹ Лавринов В. В. Указ. соч. С. 245.

И. Ю. Тыхеева

О ПУБЛИЧНОМ ВЫРАЖЕНИИ НАРОДНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ В 1953–1960 гг.

В книге Елены Игнатовой «Записки о Петербурге» рассказана история о том, как 14 декабря 1975 г. 11 ленинградцев вышли на Сенатскую площадь в честь 150-летия со дня восстания декабристов. Накануне кто-то сообщил об этом в органы власти, поэтому вся площадь была оцеплена, движение по набережной перекрыто. Демонстранты постояли у памятника полчаса в окружении большого количества милиции и военных курсантов и разошлись¹.

Мне захотелось узнать, насколько распространены были подобные акции в Ленинграде, как еще горожане выражали свое недовольство и собственное мнение, гражданскую позицию? Насколько эти явления были многочисленны и наказуемы?

С точки зрения граждан все эти явления можно назвать акциями сопротивления. С точки зрения власти любые проявления несогласия с действиями КПСС или правительства СССР назывались «антисоветскими» явлениями и могли стать причиной уголовного преследования.

Все «антисоветские» явления / акции сопротивления можно условно разделить на публичные и непубличные. К непубличным относятся анонимные письма, которые граждане отправляли в органы власти, в газеты и журналы, а также чтение и хранение запрещенной литературы, прослушивание «радиоголосов» и т. п. Публичные — это открытые письма, разговоры, какие-то действия протестного характера, выступления, надписи в публичных местах, листовки, стенгазеты, лозунги, митинги, демонстрации, бунты. В данной статье будут рассмотрены только публичные явления.

Исследуемый период времени — 50-е гг. XX в., начиная с 5 марта 1953 г. В этот день умер И. Сталин, и именно такие значительные события, как правило, вызывали особенно острую и многочисленную реакцию граждан, которая тщательно фиксировалась, и ежедневно или даже несколько раз в день, отправлялась в горком и обком КПСС в виде информационных сводок.

¹ *Игнатова Е. А.* Записки о Петербурге : жизнеописание города со времени его основания до 40-х годов XX века. СПб. : Амфора, 2003. С. 130.

К примеру, в Информационной сводке № 38 от 12 марта 1953 г. «Об отрицательных настроениях, имеющихся среди отдельных трудящихся Октябрьского района» приведено сообщение о Смирнове Степане Федоровиче, работнике артели «Иптар»: «...видя слезы сотрудниц о безвременной смерти великого вождя и учителя, сказал: «Что, отца потеряли, чего хнычете». Пытался выключить радиорепродуктор, когда передавали правительственное сообщение и на вопрос работников: «Что ты делаешь?», ответил: «А, передают всякую ерунду». Дело направлено в РО МГБ»².

Или в Информационной сводке от 13 марта: «6 марта в школе 237 при проведении беседы в 1-в классе о кончине великого вождя И. В. Сталина ученица этого класса Бельсон, возмущаясь слезами девочек, сказала: «Подумаешь, чего плакать? Сталин умер и хорошо, теперь мне будет жить лучше». Вызванная мать ученицы Бельсон сказала, что не знает, чем объяснить поступок своей дочери»³.

В информационной сводке от 19 марта сообщение от парторга морского порта т. Просыпкина о Тарасовой Александре Николаевне, технике участка связи порта: «6 марта она говорила окружающим: «Что вы плачете, что вы похоронили сына?» В последние дни Тарасова мешала слушать траурную музыку и якобы называла ее оскорбительным словом. Расследование этого факта ведут органы МГБ»⁴.

В результате этого расследования Тарасова А. Н. была осуждена и получила тюремный срок. Факт осуждения Тарасовой удалось установить, так как ее дело было обнаружено в каталоге «Надзорные производства Прокуратуры СССР»⁵.

Какие еще высказывания или разговоры зафиксированы в сводках городского комитета КПСС или известны из «Надзорных производств Прокуратуры СССР»?

От нецензурных выражений в адрес Сталина в нетрезвом состоянии (начальник лаборатории завода Михайлов М. В.) до «Пусть умер, пусть провалится вся советская власть... Ничего особенного он не создал, теория расходится с практикой» (сотрудник СЭС Опарин Н. В.)⁶. В Информационных сводках горкома КПСС скрупулезно перечисляются случаи, когда кто-то, услышав по радио о болезни Сталина, захлопал в ладоши (плотник морско-

² ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 78. Д. 84. Л. 56.

³ Там же. Ф. 25. Оп. 61. Д. 20. Л. 54.

⁴ Там же. Д. 54. Л. 47.

⁵ 58.10 : надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде : аннотированный каталог, март 1953–1991 / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко ; сост. О. В. Эдельман и др. М. : Междунар. фонд «Демократия», 1999. С. 95.

⁶ Там же. С. 55–56.

го порта Рейвардт Э. Я.)⁷ или устроил в эти дни дома вечеринку (обувщик Озерский)⁸, не пошел на траурный митинг (учитель Гимельштейб Е. Е.)⁹, не снял головной убор (утюжильщик ателье Виноградов А. С.)¹⁰, улыбался на митинге (член КПСС Нисневич)¹¹.

Новый всплеск разговоров, расцениваемых как антисоветские, произошел после XX съезда КПСС и антикоммунистических волнений в Венгрии осенью 1956 г., когда в ноябре в Будапешт были введены советские войска.

Например, Белоусов Аркадий Александрович «22 декабря в нетрезвом состоянии на станции Зеленогорск говорил, что всех коммунистов надо поставить к стенке, коммунистическое общество надо уничтожить и построить другое. Заявлял о своей солидарности с венгерскими рабочими», за что получил 5 лет ИТЛ, освобожден по УДО в 1960¹².

Или Гуренков Федор Абрамович за разговоры в трамвае о том, что Хрущева надо заменить на Маленкова, был осужден на 4 года ИТЛ, освобожден через 3 года по УДО в 1960¹³.

Даже разговоры учащихся в школах отражались в сводках, направляемых в горком КПСС: «Среди учащихся школ стали распространяться различного рода кривотолки. Например, в 175 школе учащийся 9 класса Скворцов, придя на занятия, заявил: «Ребята, вы слышали, что Сталин оказался врагом народа?». «Ученики 6 класса 167 школы Кузин и Завьялов рассказывали своим одноклассникам, что «Сталин предатель, расстрелял много советских людей»¹⁴.

После 1953 г. осужденных за разговоры становится существенно меньше. Вероятно, не потому, что стало меньше антисоветских разговоров, а по причине относительного смягчения внутренней политики в стране. Примерно с середины 60-х гг., судя по «Надзорным производствам Прокуратуры СССР» уже нет дел только за разговоры. Должно было быть что-то более серьезное: хранение антисоветской литературы, листовки, записи в дневнике и т. п. При этом, видимо, как отягчающее обстоятельство добавляется: «среди своего окружения неоднократно утверждал, что в СССР существует

дискриминация евреев» (инженер Кузнецов А. М.)¹⁵ или «ругал в кафе коммунистов и советскую власть» (пожарник Голышев П. Д.)¹⁶ — и даже в 80-е встречаются фразы «в разговорах критиковал советскую власть» (рабочий Дубинский Ю. П.)¹⁷.

Некоторые «антисоветские элементы» от слов переходили к делу, совершая какие-то протестные действия.

Из архива обкома КПСС: по сообщению Куйбышевского райкома: «9 марта 1953 в 12 часов дня, во время прощания советского народа с И. В. Сталиным, в городском Управлении кинофикации был разорван на части специальный бюллетень, выпущенный после траурного митинга 6-го марта. Кто разорвал бюллетень, пока не установлено. Подозрение падает на технорука к/т «Аврора» г. Петродворец Гаврилова И. А.»¹⁸.

Но особенно активную реакцию людей вызвал XX съезд КПСС и доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях».

Из докладной записки в ЦК КПСС от 13 марта 1956 г.:

«На Прядильной фабрике № 2 электромонтер Самченко после читки доклада прошел по отдельным цехам фабрики, снял портреты Сталина и разорвал их»¹⁹.

От 15 марта: «На Кировском заводе: старший инженер Шамшурин сдал в партбюро два диплома и медали 1-й и 2-й степени Лауреата Сталинской премии вместе с заявлением, в котором просит принять от него эти награды»²⁰.

«На Кировском заводе в опытном цехе № 2 ночью был порезан портрет И. В. Сталина. В Красном уголке электроцеха был обнаружен разбитый бюст И. В. Сталина»²¹. «В 388 школе учениками 5 класса было сорвано несколько портретов Сталина»²².

В ночь с 14 на 15 марта 1956 г. со здания Биржи (Военно-Морской музей) была сбита мемориальная доска, посвященная выступлению Сталина на митингах в 1917 г. На здании Биржи было установлено две мемориальные доски с двух сторон лестницы: одна — о выступлении перед рабочими, вторая — перед солдатами. Сбили ту, что висела слева.

¹⁵ 58.10 : надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. С. 579.

¹⁶ Там же. С. 717.

¹⁷ Там же. С. 805.

¹⁸ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 78. Д. 84. Л. 47.

¹⁹ Там же. Оп. 94. Д. 93. Л. 4.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Д. 10. Л. 39.

²² Там же.

⁷ ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 61. Д. 54. Л. 45.

⁸ Там же. Ф. 24. Оп. 78. Д. 84. Л. 57.

⁹ Там же. Л. 55.

¹⁰ Там же. Л. 49.

¹¹ Там же. Ф. 25. Оп. 61. Д. 20. Л. 57.

¹² 58.10 : надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. С. 270.

¹³ Там же. С. 378.

¹⁴ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 94. Д. 10. Л. 42.

Это было сделано по инициативе Анатолия Моисеевича Вершика (в настоящее время известного российского математика, профессора, главного научного сотрудника Санкт-Петербургского отделения Математического института им. В. А. Стеклова РАН, тогда — студента последнего курса математико-механического факультета ЛГУ), позвавшего «на дело» еще 4 друзей. Анатолий Моисеевич вспоминал, что первую доску сбили, подсунув под нее долото. И удивились, как легко она поддалась, зашаталась и упала, расколовшись на части. «Мы закричали от неожиданной легкости решения задачи... Вот уж символика — снести мемориальную доску бывшему вождю ничего не стоило!» Вторую не сбили, т. к. увидели бежавшего с Биржевого моста милиционера, пришлось все бросить и убежать²³.

После XX съезда появляется новое «антисоветское явление» — «крамольные» выступления на собраниях в различных коллективах, на которых происходит обсуждение доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» и Постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий».

Ленинградцы задают множество вопросов, которые обстоятельно фиксируются в партийных сводках:

«Нужно ли сохранять портреты Сталина в общественных местах?

Есть ли необходимость сохранять тело Сталина в Мавзолее?»²⁴

«Является ли Сталин врагом народа?

«Какие меры принимаются к Андрианову, способствовавшему созданию «Ленинградского дела?»»²⁵

«Чем объяснить, что некоторые Члены Президиума ЦК КПСС (т.т. Молотов, Микоян и др.) прежде всех и больше всех восхваляли Сталина, чем содействовали развитию культа личности. Признали ли они свои ошибки?...

Что предпринимает ЦК КПСС для оздоровления аппарата Комитета госбезопасности?...

Когда будет покончено с доплатой партийным и советским работникам основному окладу. Имею в виду «конверты». Знает ли об этом ЦК КПСС?»²⁶

«Сколько советских граждан погибло по подписям Молотова?»²⁷

Выступлений на собраниях очень много, люди говорят искренне, от души, о наблевшем. Кто-то очень эмоционален, кто-то растерян — не знает, кому теперь верить.

²³ Вершик А.М. Пятьдесят лет назад в марте // Звезда. 2006. № 3. С. 173–186.

²⁴ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 94. Д. 93. Л. 5.

²⁵ Там же. Д. 10. Л. 43.

²⁶ Там же. Л. 50, 51.

²⁷ Там же. Оп. 105. Д. 100. Л. 43.

Шофер Ленметростроя тов. Козлов заявил: «Трудно понять, что делается на белом свете. Вчера верили Сталину, сегодня его представляют совершенно иным. Хоть иди в церковь и узнавай там истину». «На мраморно-распиловочном заводе старый рабочий т. Волков, член КПСС с 1931 г. сказал, заплакав: «Я теперь не знаю, кем же был товарищ Сталин»²⁸.

Но слишком критические выступления и неудобные вопросы сразу попадают в раздел «клеветнических высказываний», за которые их авторов могут исключить из партии, уволить с работы или подвергнуть другим репрессиям. Особенно жестко начали пресекать подобную критику после выхода 19 декабря 1956 г. письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов».

Например, рабочий цеха № 3 завода № 223 Крякин на партсобрании заявил: «...но кто же создал культ личности Сталина? Наверное, не мы, простые коммунисты, а те, кто с ним работал. ... Почему они молчали, когда он был жив? Видимо, боялись Сталина... Я сейчас не уверен в правильности тех решений, которые нам преподносят те же люди, которые работали со Сталиным...». «Вопрос о непартийном выступлении Крякина разбирался на цеховом партсобрании и ему объявлен выговор с занесением в учетную карточку»²⁹.

Из выступления на партсобрании директора Рошинской районной газеты и типографии Михайлова: «Мы не привыкли критически мыслить, ... все верим на слово, слепо...»

30 лет истории нашей страны творил не народ, а один Сталин. Народ находился под пятой Сталина, его окружали подхалимы, получающие высокие оклады. Они возвеличивали Сталина, заведомо обманывая народ... В партии много недостойных людей, надо провести чистку партии...»³⁰.

«13 июля с. г. бюро Рошинского райкома КПСС исключило из членов КПСС Михайлова Д. А. за непартийное выступление на партсобрании. Райкому партии дано указание освободить Михайлова от занимаемой должности»³¹.

На собрании партактива Дзержинского района выступила Черняк М. И., член КПСС с 1915 г., делегат XVII съезда КПСС, которая находилась в заключении 17 лет и была реабилитирована в 1955 г. Она заявила, что мало просто читать гражданам доклад Хрущева, нужно его объяснять. «Даже ком-

²⁸ Там же. Оп. 94. Д. 10. Л. 41.

²⁹ Там же. Л. 127.

³⁰ Там же. Д. 93. Л. 45.

³¹ Там же. Д. 10. Л. 114.

мунисты слушали и говорили, что, вроде, Троцкий не был виноват, напрасно Зиновьева, Каменева, Бухарина изничтожили»³². «На бюро обкома КПСС вынесен вопрос об исключении Черняк из рядов КПСС и выселении ее из Ленинграда»³³.

Представители творческих союзов города тоже не остались в стороне. Они выступают за свободу творчества, против руководства партией литературой и искусством. «Так, например, на партийном собрании писателей... Е. Катерли заявила: «Почему нас все учат, начиная от секретарей обкомов и кончая инструкторами райкомов, хотя сами ни черта не понимают в литературе? Почему бы им не поучиться у нас, знающих душу искусства?»³⁴

Ольга Берггольц на партсобраниях, начиная с закрытого собрания партийной организации ЛО СП СССР 21 марта 1956 г., постоянно говорила о необходимости пересмотра и отмены Постановления оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г.»³⁵

Однако писателей волновали не только цеховые проблемы, но и жизнь страны в целом, ее дальнейшее развитие. В Информационном письме в ЦК КПСС о ленинградской интеллигенции сообщалось, что писатель Вера Кетлинская считает, что «надо решительно и быстро многое менять... XX съезд посулил, а ничего не делается (бюрократизм процветает, жалобы трудящихся возвращаются к тем, на кого они жалуются). Теоретически наше общественный строй самый лучший, а практически в нем надо многое менять»³⁶.

На собраниях Союза художников тоже звучат резкие высказывания о том, что «Союз художников изжил себя, превратился в тормоз для развития искусства»³⁷.

8 декабря 1956 г. на дискуссии в Союзе художников прозвучало «выступление молодого кандидата Союза т. Панкратова... Наше искусство по его мнению закрыло глаза на мрачные стороны коллективизации, нарушение советской демократии и законности... Наш социализм не совершенен не только в политическом и экономическом отношении, но и в эстетическом...»³⁸. На партийном бюро выступление Панкратова было подвергнуто резкой критике и осуждено³⁹.

³² ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 94. Д. 93. Л. 4, 5.

³³ Там же. Д. 95. Л. 85.

³⁴ Там же. Л. 56.

³⁵ Золотоносов М. Н. Гадюшник. Ленинградская писательская организация : избранные стенограммы с комментариями : (из истории советского литературного быта 1940–1960-х годов). М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 225, 328—329.

³⁶ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 94. Д. 95. Л. 56.

³⁷ Там же. Л. 94.

³⁸ Там же. Л. 95.

³⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 94. Д. 95. Л. 95.

После выхода 19 декабря 1956 г. письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» в Ленинградском отделении Союза писателей было проведено партийное собрание, на котором «всеми выступавшими было осуждено поведение Ольги Берггольц»⁴⁰. Кроме того, «подверглись критике неправильное поведение В. Кетлинской, Е. Катерли..., которые в отдельных своих выступлениях или произведениях допустили серьезные ошибки»⁴¹.

Аналогичные собрания прошли в других творческих союзах, учреждениях, фабриках, заводах и т. д., где был дан «решительный отпор» всем, кто «грубо клеветал на советскую действительность» на дискуссиях после XX съезда КПСС.

Особенно много таких дискуссий происходило на собраниях в учебных заведениях города. Молодежь, почувствовав дуновение свободы, высказывалась смело, надеясь, что наступают новые времена.

В апреле 1956 г. в ЛГУ на филологическом и историческом факультетах состоялись дискуссии. Студент Бернацкий «взял под сомнение правильность политики партии в отношении Бухарина, заявив, что Бухарин допускал ошибки, но что не было оснований для его физического уничтожения». Выступление Бернацкого обсудили на заседании комитета ВЛКСМ университета и объявили ему строгий выговор с предупреждением⁴².

«...на партсобрании Политехнического института 6 ноября аспирант, член КПСС Стильве ... утверждал об отсутствии правдивой информации в нашей печати ... заявлял о том, что миллионы людей в нашей стране получают низкую зарплату в то время, как десятки тысяч руководителей получают по 10–15 тысяч рублей, покупают машины, дачи и т.п. Систему выборов в органы государственной власти в нашей стране Стильве называл одним из видов бюрократизма»⁴³. За это выступление Стильве исключили из рядов КПСС и из аспирантуры⁴⁴.

10 ноября 1956 г. в ЛГУ состоялась знаменитая дискуссия по нашумевшему, казавшемуся очень смелым и новым, роману Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Студенты задавали автору множество вопросов, например, о венгерских событиях, но «как-то он хотел уйти от этой темы, он не

⁴⁰ Там же. Оп. 105. Д. 100. Л. 6.

⁴¹ Там же. Л. 7.

⁴² Там же. Оп. 94 Д. 95 Л. 13.

⁴³ Там же. Л. 55.

⁴⁴ Там же. Л. 84.

хотел об этом говорить. Как-то это немножко удивило публику»⁴⁵ и разочаровало.

Тогда взял слово Револют Пименов и обвинил ректора Александра в «дроздовщине» — явлении, названном им по имени отрицательного героя повести, когда человек поступает «применительно к подлости». Он рассказал, как «один человек говорил мне в 1951 году: «Отвратительно, конечно, что преследуют евреев, но что же делать, если, когда приезжала некая мадам из Израиля, евреи за ней по Москве хвостом бегали. Это значит, что в решительный момент они могут изменить. Значит, их и нужно преследовать». Это вот и есть дроздовщина. Это — подлая система»⁴⁶.

На государственном языке подобные явления характеризуются следующим образом: «На диспутах и дискуссиях по вопросам литературы некоторыми студентами делаются попытки подвергнуть враждебной критике советскую действительность, обобщить имеющиеся у нас недостатки до государственных масштабов»⁴⁷.

Студенты же продолжают нащупывать новые границы свободы в разных сферах жизни и творчества.

В различных учебных заведениях делаются попытки выпускать литературные газеты, журналы, альманахи, авторы которых ратуют за свободу творчества.

«В Технологическом институте им. Ленсовета в... газете «Культура» редакцией были помещены аполитичные, идейно невыдержанные статьи...»⁴⁸.

«Группой студентов второго курса Института инженеров ж/д транспорта был выпущен нелегальный журнал под названием «Свежие голоса». Журнал выступает против социалистического реализма, за так называемую «свободу» творчества»⁴⁹. В Педагогическом институте выпустили стенную газету «Литфронт Литфака», в Библиотечном — «Ересь», в Университете — «Голубой бутон», в Политехническом — «Тупой угол»⁵⁰.

Все они были закрыты после выхода одного-двух номеров, но самый большой скандал разразился в Технологическом институте. В заглавной статье стенгазеты «Культура» прозвучала крамольная мысль о застое в совет-

⁴⁵ *Вербловская И. С.* Интервью ТВ-каналу «Культура» // Электронный архив Научно-информационного центра Фонда Иофе. URL: <http://arch.iofe.center/file/77219060?serialNum=1&attrId=10251> (дата обращения: 26.11.2019).

⁴⁶ *Пименов Р. И.* Воспоминания : в 2 т. М. : Панорама, 1996. Т. 1. С. 34, 46.

⁴⁷ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 94. Д. 95. Л. 59.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Самиздат Ленинграда, 1950–1980-е : литературная энциклопедия / под ред. Д. Я. Северюхина. М. : Новое литературное обозрение, 2003. С. 14, 15.

ской культурной жизни. Евгений Рейн в статье о Поле Сезанне одобрительно отзывался об импрессионистах, Анатолий Найман — о новом европейском кино на примере бельгийского фильма «Чайки умирают в гавани», Дмитрий Бобышев — о поэте Владимире Уфлянде, «который не хватает своего читателя за шиворот и не тащит его, уставшего после работы, на борьбу и сражения»⁵¹. Партийные и комсомольские органы института расценили статьи в стенгазете как клевету на советскую действительность. В институтской многотиражке «Технолог» вышла разгромная статья, больше похожая на донос, того самого Якова Лернера, который будет одним из инициаторов травли И. Бродского. Раскритиковали «Культуру» и в газете «Комсомольская правда», обсуждали в обкоме КПСС⁵².

13 декабря 1956 г. прошел пленум Ленинградского горкома КПСС по вопросам о состоянии воспитательной работы среди молодежи, в Постановлении которого указано, что для пресечения антисоветских выступлений «активизирована деятельность органов госбезопасности. Принят ряд мер предупредительного и карательного характера. Руководящие работники органов КГБ выступили с докладами «О повышении политической бдительности» перед партийным и советским активом на предприятиях, в вузах и общежитиях»⁵³. После всех этих мер открытых выступлений на различных собраниях становится все меньше, но какие-то общественно значимые события вызывают новый всплеск выступлений.

Так, после отставки Г. К. Жукова с поста министра обороны на партсобраниях звучали и «демагогические речи». «На партсобрании школы рабочей молодежи пенсионер Генкин заявил: «Жуков был прав, ликвидируя политорганы армии, так как политработники не военные, а брехуны». «На партсобрании Автопарка № 1... полковник запаса Млявов... заявил, что т. Жуков снят с поста Министра потому, что личные взаимоотношения между работниками ЦК КПСС и т. Жуковым были ненормальными. Млявов считает решение ЦК КПСС правильным и воздержался при голосовании». «На партсобрании 7-й жилищной конторы... полковник запаса Соколов... назвал извергами маршалов Советского Союза Конева, Еременко и Тимошенко». За эти выступления «коммунисты дали отпор Генкину», а Млявова и Соколова исключили из членов КПСС⁵⁴.

Для публичного выражения сопротивления применялась и «наглядная агитация»: листовки и надписи в общественных местах.

⁵¹ Там же. С. 416.

⁵² *Бобышев Д. Я.* здесь // Октябрь. 2001. № 4. С. 116–128 ; Самиздат Ленинграда, 1950–1980-е. С. 416, 417, 473.

⁵³ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 94. Д. 95. Л. 79, 85.

⁵⁴ Там же. Оп. 105. Д. 100. Л. 133, 134, 135.

До 1956 г. мне встретился только один подобный случай, и тот без подробностей. Ерехинский Н. С. (грузчик, участник Великой Отечественной войны) и Дураков В. А. (боец военизированной охраны ж/д, участник войны) были осуждены за то, что «являлись членами антисоветской группы, занимались изготовлением и распространением антисоветских листовок»⁵⁵.

После XX съезда КПСС и ввода советских войск в Будапешт листовки становятся достаточно распространенным явлением.

Изготавливали листовки разными способами. Подчас просто писали от руки, иногда печатными буквами или использовали специальную линейку-трафарет. Писали каждый экземпляр отдельно или под копирку. Встречались и машинописные экземпляры, а также отпечатанные с помощью резиновых клише, типографского шрифта или изготовленные фотоспособом (снимали листовку на фотоаппарат и печатали фотографии)⁵⁶.

Например, рабочий Атаманенко С. С. 1 декабря 1956 г. «написал и оставил в раздевалке завода листовку от имени венгерского народа: «Товарищи рабочие! Вас призывает венгерский народ последовать нашему примеру. Вы нас называете цыганским и кочующим народом, но этот народ знает что такое свобода и что такое насилие, мы знаем что такое жизнь». Автор листовки был найден и осужден на 4 года ИТЛ⁵⁷.

30 октября 1956 г. около 2 часов ночи был задержан физик Осипов Сергей Иванович при наклеивании листовки поверх театральной афиши на углу 2-й линии В.О. и Среднего проспекта. Содержание: «Тов. русские граждане. События в Венгрии, где рабочий класс выступил против антинародного режима коммунистов, близки и понятны народу России. Довольно лжи и обмана о счастливой и зажиточной жизни народа. Они под флагом о счастливой и зажиточной жизни народа, именем народа и во имя народа уничтожают сам народ». Была и вторая листовка похожего содержания с призывом: «Долой Хрущева!».

Кроме того, у Осипова были при обыске найдены дневники с записями, которые очень усугубили его вину, в итоге он получил 10 лет лишения свободы. Четыре обращения Осипова к Генпрокурору оставлены без удовлетворения, срок не уменьшен⁵⁸.

⁵⁵ 58.10 : надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. С. 139.

⁵⁶ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев, 1953–1982 гг. // Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко. М., 2005. С. 232.

⁵⁷ 58.10 : надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. С. 275.

⁵⁸ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев... С. 248–251 ; Осипов Сергей Иванович // Электронный архив Научно-информационного центра Фонд Иофе. URL: <http://arch.iofe.center/showObject/64562866> (дата обращения: 26.11.2019).

Токарь Косарев В. Н. в ночь на 7 ноября 1957 г. вместе с Лукмановой Г. и Паровичниковой К. И. распространил 26 антисоветских листовок в районах Невского пр., Дворцовой наб., ул. Халтурина, в Московском парке Победы. Косарев осужден на 7 лет лишения свободы⁵⁹.

Студенты 5-го курса 1-го Ленинградского Медицинского института им. Павлова Кулябко И. Б. и Фомченко В. И. в декабре 1957 и феврале 1958 гг. изготовили фотоспособом около 80 листовок, «содержащих клеветнические измышления в отношении советской демократии и руководителей партии и правительства», разбросали их по медицинскому институту и по почтовым ящикам жилых домов. Приговорены судом к 6 годам ИТЛ каждый⁶⁰.

В январе 1957 г. на заводе «Красная Заря» в цехе № 4 старший технолог Трофимов и техник по электрооборудованию Комендантов написали прокламацию и распространяли ее среди рабочих. В тексте говорилось о недостатках в работе советской промышленности, об отсутствии свободы слова и свободы печати, о том, что партия потеряла авторитет и состоит из одних сталинистов⁶¹.

Распространением листовок занимались и появившиеся в 50-е годы политические организации. Так, участники группы Трофимова — Пустынцев после венгерских событий с помощью трафарета изготовили листовки в поддержку венгерского восстания, в том числе такого содержания: «Граждане студенты! В коммунистической цитадели появляются трещины. Этому учат нас события в Венгрии, Польше, где народная свобода была раздавлена гусеницами советских танков...»⁶². Часть листовок распространили в Университете, часть — в Институте иностранных языков, несколько десятков Пустынцев с Малыхиным бросили во время киносеанса в кинотеатре «Октябрь» в темноте с балкона. В 1993 г. четверо участников группы были награждены Офицерским Крестом ордена Заслуг Венгерской республики, остальные — медалями⁶³.

⁵⁹ 58.10 : надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. С. 425 ; Косарев Вадим Николаевич // Электронный архив Научно-информационного центра Фонд Иофе. URL: <http://arch.iofe.center/showObject/82455082> (дата обращения: 26.11.2019).

⁶⁰ 58.10 : надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. С. 492 ; Кулябко Иван Борисович // Электронный архив Научно-информационного центра Фонд Иофе. URL: <http://arch.iofe.center/showObject/64102513> ; Фомченко Вадим Иванович // Там же. URL: <http://arch.iofe.center/showObject/66509371> (дата обращения: 26.11.2019).

⁶¹ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп.105. Д. 3. Л.12, 13, 14.

⁶² 58.10 : надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. С. 370–371.

⁶³ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев... С. 350–354 ; Трофимов Виктор Иванович // Электронный архив Научно-информационного центра Фонд Иофе. URL: <http://arch.iofe.center/showObject/70356432> ; Пустынцев Борис Павлович // Там же. URL: <http://arch.iofe.center/showObject/69031155> (дата обращения: 26.11.2019).

Лозунги и призывы писали не только на листовках. Например, в общественных местах завода № 272 в 1951—55 гг. периодически появлялись надписи такого содержания: «Мы требуем повышения зарплаты!», «Долой коммунистов!», «Да здравствует Америка —освободитель рабочих!» Автора нашли и посадили на 3 года. Им оказался рабочий этого завода Кузнецов А. Л.⁶⁴

А вот авторов лозунга «Да здравствует Пастернак!», написанного белой масляной краской на парашюте набережной Невы напротив входа в Летний сад осенью 1958 г. в разгар травли Бориса Пастернака, не нашли. О них стало известно в 90-е гг., это поэты Владимир Уфлянд, Леонид Виноградов и Михаил Еремин, которые входили в Круг Михаила Красильникова или «филологическую школу»⁶⁵.

Сам же Красильников к этому времени был уже осужден на 4 года за лозунги, которые он выкрикивал на демонстрации 7 ноября 1956 г., когда колонна демонстрантов из Университета проходила по Биржевому проезду и Пушкинской площади. Лозунги были такие: «Долой Хрущева», «Долой Советскую власть», «Долой партийную клику», «Да здравствует Свободная Венгрия», «Долой коммунизм»⁶⁶.

Была в 50-е годы и попытка провести митинг.

С 1 по 19 декабря 1956 г. в Эрмитаже состоялась выставка Пабло Пикассо. По докладной записке, направленной в ЦК КПСС 28.12.1956, «большинство посетителей выставки высказали резко отрицательное отношение к формалистическим произведениям Пикассо и подчеркнуло превосходство метода социалистического реализма над искусством формалистических направлений». На самом деле выставка вызвала огромный интерес ленинградцев и множество споров. Группа молодежи обратилась в научно-просветительский отдел Эрмитажа с просьбой устроить обсуждение выставки. Эрмитаж отказался. Обратились в студенческий отдел Публичной библиотеки на наб. Фонтанки, 36, и дискуссия была назначена на 14 декабря. В назначенный день зал лектория был закрыт на замок. Тогда решили собраться через неделю на площади Искусств⁶⁷.

⁶⁴ 58.10 : надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. С. 294 ; Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев... С. 202.

⁶⁵ Самиздат Ленинграда, 1950-е — 1980-е. С. 132 ; «Филологическая школа» : тексты, воспоминания, библиография / сост. Виктор Куллэ, Владимир Уфлянд. М. : Летний сад, 2005.

⁶⁶ 58.10 : надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. С. 324 ; Красильников Михаил Михайлович // Электронный архив Научно-информационного центра Фонд Иофе. URL: <http://arch.iofe.center/showObject/64102478> (дата обращения: 26.11.2019).

⁶⁷ *Вербловская И. С.* Интервью ТВ-каналу «Культура» // Электронный архив Научно-информационного центра Фонд Иофе. URL: <http://arch.iofe.center/file/77219060?serialNum=1&attrId=10251> (дата обращения: 26.11.2020).

«В 19 часов 21 декабря... группа молодежи... пыталась собраться на площади Искусств. Предпринятыми мерами это собрание было предотвращено, группа инициаторов собрания была задержана»⁶⁸. Эти меры, по воспоминаниям И. С. Вербловской, были следующими: по площади Искусств маршировали солдаты и ездили поливальные машины, в сквере на скамейках сидели люди «однородного облика...они все были в одинаковых каракулевых шапках».

Но все-таки маленький импровизированный митинг получился, студент ЛГУ А. Гидони произнес речь, где упомянул о народной революции в Венгрии и читал «антисоветские» стихи. На следующий день Гидони был арестован, позже приговорен судом к 2 годам заключения⁶⁹.

Молодежь же с пл. Искусств отправилась на ул. Герцена в Союз художников, где в этот день проходило обсуждение осенней выставки ленинградских художников. В своем выступлении студент ЛГУ Афанасьев и студентка Консерватории Юлия Красовская «всячески превозносили формалистическое творчество Пикассо, сравнивая его с симфониями Бетховена. Они утверждали, что понять достоинство произведений Пикассо могут лишь люди высокой культуры, а поскольку таких людей в Советском Союзе якобы мало, творчество Пикассо...будто бы для широких масс недоступно»⁷⁰. 26 декабря Красовская была арестована, обвинена в «клеветнических заявлениях на советскую действительность», но 5 января следственное дело прекратили и Красовскую отпустили⁷¹.

Но самым большим ЧП в 50-е годы был бунт, произошедший 14 мая 1957 г. на стадионе имени С. М. Кирова на Крестовском острове, вмещавшем 100 000 зрителей.

«Зенит» проигрывал со счетом 1:5. За 5—10 минут до конца игры на поле выбежал находившийся в нетрезвом состоянии шофер фабрики «Знамя труда» Василий Каюков, обругал вратаря «Зенита» Фарыкина и встал в ворота. Заметившие это милиционеры схватили Каюкова, скрутили ему руки и разбили лицо об ограждение футбольного поля. Возмущенные зрители выбежали на поле на выручку Каюкову и началось побоище. В милиционеров с трибун по-

⁶⁸ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 94. Д. 95. Л. 90.

⁶⁹ Гидони Александр Григорьевич // Электронный архив Научно-информационного центра Фонд Иофе. URL: <http://arch.iofe.center/showObject/64102478> (дата обращения: 26.11.2019) ; 58.10 : надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. С. 292—293.

⁷⁰ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп.94 Д. 95. Л. 90, 91.

⁷¹ Красовская Юлия Евгеньевна // Электронный архив Научно-информационного центра Фонд Иофе. URL: <http://arch.iofe.center/showObject/63924278> (дата обращения: 26.11.2019) ; 58.10 : надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. С. 292.

летели стеклянные бутылки, в хозяйственной кладовой зрители вооружились лопатами, совками, ломками и другими предметами и напали на стражей порядка, которые вместе с футболистами смогли укрыться во внутренних помещениях Южного тоннеля стадиона. Раздавались выкрики «Бей милиционеров!», «Бей гадов!» и т. п. Когда толпа разбила ворота тоннеля, было произведено несколько выстрелов вверх. К этому времени прибыло подкрепление – курсанты ближайших военных училищ. На стадионе и в окружающем парке началось избиение участников беспорядков и всех, кто оказался там в это время.

Это описывает Н. И. Круглов в письме на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова от 28 июня 1956 г.: «несколько сот милиционеров, вооруженных палками... напали на ни в чем не повинных людей и зверски избили их». Самого Круглова, не принимавшего участия в беспорядках, по его словам «милиция... так тяжело избила, что я и по сей день все еще не работаю». Круглов просит разобраться и привлечь милиционеров к ответственности за массовое избиение людей. А также возмущается несправедливостью приговора.

По приговору закрытого суда, состоявшегося 10–14 июня 1956 г., 16 человек получили от 1 года до 8 лет лишения свободы. Среди них оказались два инвалида, из 16 человек на суде 6 не признали свою вину, 7 признали частично. Это дает повод полагать, что выбор виновников был, вероятно, случайным. Сначала дело рассматривалось как политическое, но позднее было переквалифицировано в уголовное. В 1959 г. всех осужденных освободили по амнистии.

Письмо Н. И. Круглова было рассмотрено в обкоме КПСС и в ответе на имя Секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова указано: «заявление гражданина Круглова, что хулиганские действия на стадионе спровоцированы работниками милиции не соответствует действительности. Тяжелых травм... не было»⁷².

Конечно, в рамках одной небольшой статьи невозможно описать все публичные акции народного сопротивления в Ленинграде в 1950-е гг. Особенно это касается разговоров и выступлений, которые были весьма многочисленны. Но и из представленного материала становится понятно главное: никакого единомыслия, насаждаемого властями с использованием всех доступных им ресурсов, в Советском Союзе не существовало. Всегда люди пытались оставаться самими собой, кто-то ограничивался крамольными мыслями и «кухонными разговорами», кто-то пытался сопротивляться открыто и публично.

⁷² Андреев А. «Черный вторник»: что произошло на стадионе имени Кирова в мае 1957-го // Футбольный клуб «Зенит»: [сайт]. 14 мая 2015. URL: <https://fc-zenit.ru/news/2015-05-14-chernyy-vtornik-chto-proizoshlo-na-stadione-imeni-kirova-v-mae-1957-go.htm> (дата обращения: 26.11.2019); ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 105. Д. 3. Л. 20—43.

А. В. Филимонова

ОСОБНЯК ГРАФИНИ Л. А. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ ПОД ФЛАГОМ КРАСНОГО КРЕСТА. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Проходя по улицам исторического центра Петербурга, разглядывая фасады домов, читая вывески, замечая отметины времени от предыдущих названий, невольно задумываешься над тем, что хранят в памяти эти стены.

Однако есть период в истории домов Петербурга, который практически не отражен в публикациях. Это Первая мировая война.

В биографии здания на Литейном проспекте, 17-19, бывшем особняке князя П. А. Урусова, графов Мусиных-Пушкиных, где ныне располагается Центральная библиотека имени М. Ю. Лермонтова, такой лакуны не было.

Благодаря опубликованным воспоминаниям Александра Павловича Кутепова, одной из ключевых фигур февральской революции 1917 года, есть сведения, о том, что в особняке в годы Первой мировой войны действовал частный лазарет¹. Однако все попытки узнать больше об этом лазарете (кто работал, сколько мест, кого лечили) оставались безуспешными, пока в фондах ЦГАКФФД не обнаружилась одна фотография.

Атрибуты ее электронного образа на сайте архива содержали следующую информацию: «Медицинская часть Управления Главноуполномоченного Северного района Российского общества Красного Креста. Литейный проспект, 19»². В сознании обывателя понятия «частный лазарет» и «медицинская часть» не имеют особой разницы. Поэтому исследование получило новое направление: поиск сведений о тех, кто изображен на групповом снимке. Однако после изготовления печатной копии фотодокумента обнаружилась надпись, которая противоречила архивному атрибутированию и гласила, что это другое учреждение. В итоге иконография оказалась для данного исследования бесполезной. А вот формулировка в атрибутах стала по сути информационной щелью, через которую потоком хлынули удивительные факты из жизни дома и Петрограда времен Первой мировой войны.

¹ Первые дни революции в Петрограде (отрывки из воспоминаний А. П. Кутепова) // Генерал А. П. Кутепов: воспоминания, мемуары. Минск, 2004. С. 157–179.

² ЦГАКФФД СПб. Е 12428.

Карта России с границами Северного района, 1914 г.

1 ноября 1914 г. владелица здания на Литейном проспекте, 19 графиня Любовь Александровна Мусина-Пушкина передала свой особняк Управлению Главноуполномоченного Северного района Российского общества Красного Креста³.

Северный район имел обширный территориальный охват и объединял 11 губерний Российской империи, Финляндское княжество и Петроград с пригородными уездами. Управление отвечало за работу 1300 лечебных заведений тыла, более 600⁴ из которых находилось в Петрограде и окрестностях⁵. Перед ним стояли масштабные задачи тылового (а с 1915 г. и фронтового) характера: принятие лазаретов под флаг Красного Креста, обеспечение их оборудованием, медикаментами и персоналом; эвакуация, перевозка, распределение по лазаретам и госпиталям больных и раненых; их содержание и лечение и др.

³ Краткий отчет Главноуполномоченного Северного района Российского общества Красного Креста с начала войны по 19 июля 1915 года. Пг.: Тип. Гл. упр. уделов, 1916. С. 2.

⁴ Список лечебных заведений для больных и раненых воинов, состоящих в непосредственном ведении Управления СР РОКК // Там же. С. 147–186.

⁵ Карта Северного района Российского общества Красного Креста к 19 июля 1915 г. // Там же. С. 209.

По данным Справочной книжки Управления за 1916 г.

Структура Управления Северного района РОКК на 1916 г.

В структуру Управления⁶ входило более 50 крупных и мелких подразделений (не считая лазаретов и госпиталей, принятых под флаг Красного Креста): частей, отделов и отделений. В данной публикации предпринята попытка рассказать о тыловой работе в Петрограде на примере одного подразделения Управления, сотрудники которого работали как в особняке, так и за его пределами и были задействованы в важнейших процессах помощи фронту со стороны городской общественности.

Эвакуационное отделение Управления Северного района⁷ заведовало распределением и содержанием в лечебных заведениях Северного района раненых и больных воинов. Здесь собиралась информация о загруженности каждого лазарета, о наличии свободных мест и возможности принять новых пациентов в соответствии с положением дел на фронте, об открытии новых учреждений лечебного и санаторного характера⁸.

Но прежде чем разместить воина в тыловом лазарете, необходимо было сначала эвакуировать его с фронта.

Поступление больных с фронта в тыловой Северный район представляло довольно сложную схему. От полевого до тылового лазарета человеку необходимо было сохранить жизнь, не допустить сепсиса и неправильного

⁶ Справочная книжка Управления Северного района Российского общества Красного Креста. Пг.: Тип. Гл. упр. уделов, 1915. С. 1–60.

⁷ РГВИА. Ф. 16275. Оп. 1. Д. 7. Л. 20 об. — 21.

⁸ Петергоф: на открытии патроната-убежища // Столица и усадьба. 1915. № 40/41 (1 сент.). С. 13; РГВИА. Ф. 16275. Оп. 1. Д. 2. Л. 177.

сращения костей. Успешная работа этой схемы – идеальная согласованность действий различных ведомств.

Для выполнения задачи на всем протяжении пути по железной дороге Красный Крест организовал систему питательных и эвакуационных пунктов на железнодорожных станциях. В питательных пунктах измученные дорогой больные и раненые получали горячее питание, чтобы в продолжение пути краснокрестный персонал был озабочен только оказанием медицинской помощи. Эвакуационные пункты на больших станциях отвечали за принятие и транзитное распределение в глубокий тыл всех тех, кто не нуждался в серьезной помощи хирургов. Это несколько защищало столичные лечебные заведения от переизбытка пациентов. Таким образом, Петроград сделался приемным пунктом тяжелораненых, продолжительность лечения которых составляло от 44 до 70 дней⁹.

Так, например, работал Царскосельский особый эвакуационный пункт при Царскосельском вокзале¹⁰, оборудованный баней и дезинфекционной камерой для приема эпидемических больных. Перевозкой больных и раненых с вокзала по лечебным заведениям здесь занималось Придворно-Конюшенное ведомство.

Наиболее удобным вокзалом Петрограда для принятия поездов с фронта был признан Варшавский вокзал. И Министерство путей сообщения сделало распоряжение о том, чтобы все прибывающие в столицу санитарные поезда направлялись именно туда. На месте бывшей товарной станции стали оперативно строить Распределительный пункт для больных и раненых¹¹.

Создание проекта комплекса и руководство работами поручили архитекторам К. К. Маслову и Л. В. Шмеллингу. К работам приступили 18 августа 1914 г. События на фронте требовали чрезвычайно активного темпа строительства, которое не прекращалось ни днем, ни ночью. Благодаря труду почти 500 рабочих, комплекс был готов уже через месяц.

В него вошли постройки и помещения, предназначенные для разгрузки прибывших санитарных поездов: 8 барakov для раненых и больных нижних чинов, 1 барак (№ 3) для офицерских чинов, 1 барак (№ 10) для заразных больных.

В бараках для раненых были установлены котлы-кипяtilьники, обустроены буфеты, уборные, изоляционные помещения, ванны, души и т.п. Каждый

⁹ Отчет по Медицинской части, составленный заведующим этой частью профессором Г. Ф. Цейдлером // Краткий отчет Главноуполномоченного Северного района Российского общества Красного Креста с начала войны по 19 июля 1915 года. Пг., 1916. С. 21.

¹⁰ Справочная книжка Управления Главноуполномоченного Северного района и при армиях Северного фронта. Пг., 1916. С. 55.

¹¹ Распределительный пункт при Варшавском вокзале : очерк деятельности [за год, 21 сент. 1914 г. – 21 сент. 1915 г.]. Пг. : Типография З. Соколинского, 1915. С. 4.

барак рассчитан на 200 человек ходячих и 65 человек тяжелораненых, для которых на пункте подготовили 950 носилок с соответствующим числом одеял и подушек. Также в комплексе зданий нового Распределительного пункта оборудовали следующие помещения: цейхгауз для белья, выдаваемого санитарным поездам; кладовая для хранения чистого белья служебного персонала; 2 дезинфекционные камеры (паровая и пароформалиновая); кухни; помещения для служебного персонала (канцеляристов, сестер милосердия, сиделок, вахтера и др.); три дежурные комнаты для представителей общественных организаций (Союза Городов, Красного Креста и Военного ведомства)¹².

25 сентября 1914 г. к перрону Распределительного пункта подошел первый санитарный поезд с ранеными воинами.

Встреча прибывающих эшелонов имела свой принятый отработанный порядок¹³. Когда поезд проходил Лугу или Псков, отсюда отправляли телеграмму дежурному офицеру на Распределительный пункт в Петроград со сведениями о количестве больных и раненых. О получении телеграммы дежурный офицер сообщал смотрителю пункта, дежурному статистику, дежурному агенту городских трамваев, дежурному представителю Эвакуационного отделения Северного района Общества Красного Креста, дежурному студенту-санитару.

При Распределительном пункте безвозмездно работала целая дружина молодежи, состоящая из 400 студентов-санитаров¹⁴. Во главе дружины стоял комитет: староста, 3 его помощника, секретарь и 20 районных представителей. Получив известие об ожидаемом прибытии поезда, староста по телефону сообщал районным представителям, которые, в свою очередь, информировали всех членов дружины своего района.

До высадки из вагонов раненых передевали в чистое белье, хранящееся в цейхгаузе, грязные вещи немедленно поступали в стирку.

Явившиеся на пункт по вызову студенты-санитары на носилках переносили тяжелораненых в приемные бараки (помогали перейти ходячим больным), где регистрировали всех поступивших, заносили фамилии раненых в карточки, одна из которых выдавалась раненому, а другая отправлялась в военную эвакуационную комиссию. Благодаря такой системе регистрации в отделе перевозки в любое время могли выдать справки о всех прибывших офицерах, с точным указанием адресов лазаретов и квартир, куда они были перевезены.

¹² Распределительный пункт при Варшавском вокзале : очерк деятельности [за год, 21 сент. 1914 г. – 21 сент. 1915 г.]. Пг. : Типография З. Соколинского, 1915. Там же. С. 5.

¹³ Встреча раненых в Петрограде // Огонек. 1914. 12 октября (№ 41). С. 7.

¹⁴ Распределительный пункт при Варшавском вокзале. Пг., 1915. С. 6–7.

Переодетым и зарегистрированным больным и раненым в перевязочном пункте оказывали медицинскую помощь, делали неотложные перевязки. Обнаруженные при разгрузке эпидемические больные помещались в изоляционный барак.

Затем в буфете выдавали обед или чай с булками, а после отдыха приступали к дальнейшей эвакуации и распределению по лазаретам. Разгрузка поезда занимала в среднем около 2,5 часов¹⁵.

Пока служебный и медицинский персонал Распределительного пункта заботился о фронтовиках, представители Красного Креста, Союза городов и военные во главе с председателем Распределительного пункта М. С. Маргулиесом и уполномоченным Красного Креста по Петрограду А. А. Половцовым¹⁶ принимали решение о распределении поступивших по госпиталям и лазаретам Петрограда.

Когда всем до одного находили места в лечебных заведениях столицы, снова приступали к работе студенты, которые усаживали раненых в транспорт¹⁷ и сопровождали их при развозке. Освободившиеся помещения пункта тщательно дезинфицировались, белье отправлялось в стирку.

В Петрограде практиковали несколько видов перевозки. К началу Первой мировой все большую популярность среди состоятельных петербуржцев и городских служб набирали автомобили.

К автомобильным перевозкам больных и раненых в первую очередь подключили резервы Станции первой помощи. На Свечном переулке, 6 начал работу Комитет по перевозке больных и раненых¹⁸, который располагал специализированными санитарными машинами¹⁹ с опытными санитарями, которые в мирное время составляли отряды первой помощи²⁰. Но для разгрузки прибывающих один за другим эшелонов этого было недостаточно.

Имело свой автопарк и Управление Северного района. В течение первого года войны в нем числилось 16 автомобилей: 1 санитарный, 3 грузовика, 12 легковых, которые находились в ведении заведующего перевозкой раненых при Управлении князя П. А. Оболенского²¹.

¹⁵ Распределительный пункт при Варшавском вокзале. Пг., 1915. С. 8.

¹⁶ Район города Петрограда // Справочная книжка Управления Северного района Российского общества Красного Креста. Пг., 1915. С. 33.

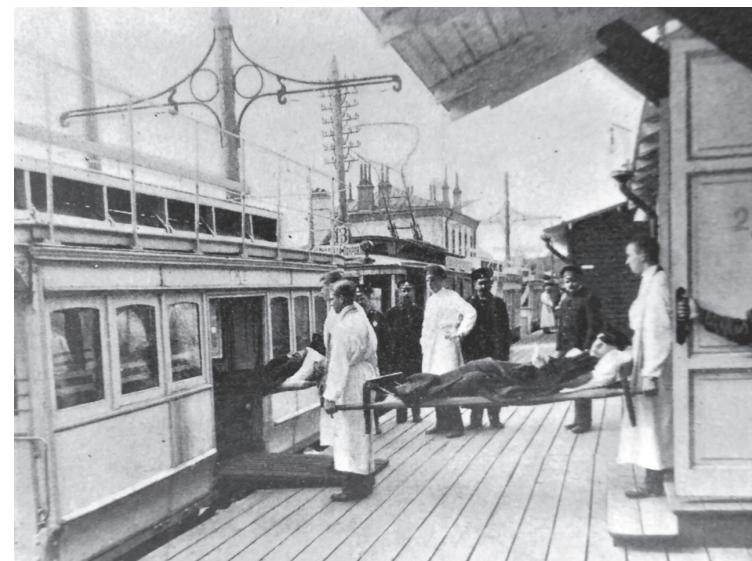
¹⁷ Перевозка раненых в Петрограде // Вестник Красного Креста. 1915. № 4 (апрель). С. 1230.

¹⁸ Там же. С. 1228.

¹⁹ Суворов С. «Санитарки» Великой войны: санитарные автомобили Русской Императорской армии // Грузовик-пресс. 2009. № 1. С. 74—77.

²⁰ Очерк деятельности Санитарной Колонны Комитета Первой Помощи за первый год войны // Краткий отчет Главноуполномоченного Северного района Российского общества Красного Креста с начала войны по 19 июля 1915 года. Пг., 1916. С. 87—88.

²¹ Перевозка раненых // Там же. С. 52—53.

Погрузка лежащих раненых и больных в санитарные трамваи

Кроме этого в распоряжении Управления находилась колонна Императорского российского автомобильного общества: 6 санитарных автомобилей и 50 частных легковых машин. По первому телефонному требованию машины выезжали для развозки раненых с распределительных пунктов в лазареты или перевозки их между лечебными учреждениями по медицинской необходимости²².

Иногда к перевозкам подключались пожарные лошади, частные подводы, которые нередко предоставлялись местным населением абсолютно бесплатно, также на безвозмездной основе помощь оказывали извозчики.

Однако главным минусом автомобильных перевозок были значительные трудозатраты при малой результативности.

Поэтому уже в начале работы Распределительного пункта для транспортировки больных и раненых было принято решение задействовать специально приспособленные трамвайные санитарные поезда. Для этой цели имеющиеся городские трамвайные пути соединили специальными подъездными ветками, по которым поезда имели возможность попасть прямо к платформе перед бараками Распределительного пункта²³.

²² Императорское Российское автомобильное общество // Столица и усадьба. 1915. № 29 (1 марта). С. 20.

²³ Перевозка больных и раненых воинов // Там же. С. 66—67.

Переоборудование коснулось и самих трамваев. Каждый санитарный поезд состоял из трех вагонов. Первый — моторный, в котором могли, сидя, разместиться 22 человека. Второй и третий — коночные вагоны, прицепляемые попарно к моторным вагонам трамвая, в каждом из которых имелось по 4 лежачих мест-носилок. Городом было переоборудовано 60 вагонов²⁴, создано 30 санитарных трамвайных составов, которые сразу поднимали до 900 человек.

Тем не менее, эксплуатация городских трамваев для перевозки раненых имела свои сложности. Во-первых, после каждого рейса имела необходимость специальной дезинфекции. Во-вторых, увеличение количества поездов стало угрозой для отлаженного гражданского пассажирского движения. В-третьих, все больше открывалось лазаретов, находившихся в стороне от трамвайных путей, доставка в них требовала дополнительной логистики. Именно поэтому в выпущенном Управлением Северного района списке лечебных заведений Петрограда кроме сведений о вместимости лазарета, содержались отметки «а» (можно добраться только на автомобиле) и «т» (есть трамвайные пути)²⁵.

Отлаженная схема работы Распределительного пункта при Варшавском вокзале прекрасно работала, когда на фронте наша армия имела успехи. Но ведь так было не всегда. При большом количестве жертв на вокзал прибывали по несколько санитарных эшелонов, бараки забивались больными и ранеными, персонал изнемогал от работы.

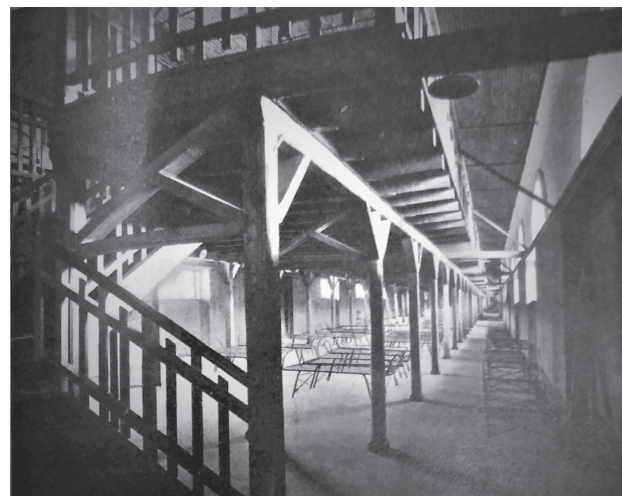
Распределительный пункт работал круглосуточно, так как многие поезда прибывали в ночное время: от трех до шести поездов за ночь. При этом раненые не могли оставаться на пункте до утра, ведь помещения необходимо было постоянно держать свободными для приемки новых транспортов. Ночная эвакуация раненых и распределение их по лазаретам были крайне затруднительны и нередко негативно отражались на их здоровье²⁶.

Выходом из создавшегося положения стала организация на Распределительном пункте ночлега для прибывающих с ночными поездами раненых, что потребовало значительного расширения помещений пункта. Железнодорожное ведомство позволило воспользоваться пустующим зданием пакгаузов товарной станции Варшавского вокзала с тем условием, чтобы взамен каменных пакгаузов построены были временно деревянные бараки.

²⁴ Трамваи // Вестник Красного Креста. 1915. № 2 (февраль). С. 464.

²⁵ Список лечебных заведений для больных и раненых воинов, состоящих в непосредственном ведении Управления СР РОКК // Краткий отчет Главноуполномоченного Северного района Российского общества Красного Креста с начала войны по 19 июля 1915 года. Пг., 1916. С. 147–186.

²⁶ Распределительный пункт при Варшавском вокзале. Пг., 1915. С. 8–9.

Каменный двухэтажный барак для ночлега. Нижний ярус

Разработка плана приспособления пакгаузов для нужд Распределительного пункта²⁷ была поручена М. С. Маргулиесу, по указаниям которого к работам приступили 16 мая 1915 г. Руководителям строительных работ и на этот раз были архитекторы Л. В. Шмеллинг и К. К. Маслов. Как и прежде строительство велось ускоренными темпами и все оборудование было закончено в 55 дней.

10 июля 1915 г. состоялось освящение нового здания. Двухэтажный корпус разделили на три отделения. Два из них представляли собой обширные помещения для ночлега с двухъярусными нарами на 700 человек. В третьем отделении обустроили различные вспомогательные учреждения. Пункт обслуживало 298 человек: врачи, сестры милосердия, сиделки, фельдшеры-дезинфекторы, кочегары, конторщики, парикмахеры, экономки, банщицы, буфетчицы, швеи и др.

В то же время линия фронта стала смещаться на север Российской империи, откуда Варшавскому вокзалу было уже неудобно принимать больных и раненых. В связи с этим было принято решение построить второй Распределительный пункт при Финляндском вокзале. Его открытие состоялось 25 февраля 1915 г.²⁸

²⁷ Там же. С. 10–12.

²⁸ Новый Распределительный пункт // Вестник Красного Креста. 1915. № 3 (март). С. 925.

Колонна германских военнопленных на Невском проспекте, 1915 г.

В новый комплекс входило 4 барака: для тяжелораненых нижних чинов, для офицеров и 2 больших барака для передвигающихся нижних чинов, вместимостью на 600 человек с 2 изоляционными помещениями с ваннами для эпидемических больных²⁹.

Нужно сказать, что наряду с больными и ранеными русскими воинами с фронта поступали и вражеские военнопленные, нуждающиеся в медицинской помощи. Особенности в процедуре их приемки, конечно, были. В Петрограде их старались не оставлять по нескольким причинам. Поместить их в частные лазареты было практически невозможно, учредители отказывали в этом. Кроме этого, режим их содержания отличался меньшей свободой по сравнению с обычными больными и ранеными, поэтому их помещали в военные режимные лечебные заведения. С одной стороны, здесь был самый обученный персонал, но с лечением и уходом за врагами морально справиться могли не многие.

Например, к помощи Управления Северного района обратилась Кауфманская община сестер милосердия. 24 сестры милосердия были команди-

²⁹ Эвакуация // Краткий отчет Главноуполномоченного Северного района Российского общества Красного Креста с начала войны по 19 июля 1915 года. Пг., 1916. С. 66.

рованы в военные госпитали, где помещались исключительно австрийские и германские пленные. Община, принимая во внимание нравственное состояние сестер, попросила перевести их при первой возможности в Петроград, заменив сестрами какой-либо другой общины³⁰.

Особую категорию увечий на фронтах Первой мировой войны составляли психические травмы, количество которых превзошло ожидания психиатров. Распределение душевнобольных воинов в Петрограде требовало особого подхода. Поэтому при Управлении Северного района был создан Отдел по эвакуации и рассеиванию душевнобольных, сотрудники которого занимались открытием специализированных лечебниц в курортных зонах Петрограда и тесно сотрудничали с Распределительными пунктами при вокзалах³¹.

Работа Распределительных пунктов была важной частью тыловой помощи фронту, стала ярким примером объединения усилий общественности и согласованности действий, направленных на одну общую цель.

И несмотря на то, что материальных свидетельств их работы практически не сохранилось, находятся документы, раскрывающие новые факты из жизни Петрограда времен Великой войны.

³⁰ Уход русских сестер милосердия за ранеными немцами // Вестник Красного Креста. 1915. № 3 (март). С. 964.

³¹ Об устройстве санаторий для выздоравливающих душевно и нервно-больных воинов // Там же. № 5 (май). С. 2147–2150.

Список сокращений

- ГИК — Главная инвентарная книга Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации
- ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина
- ГРМ — Государственный Русский музей
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- КГИОП — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- РАН — Российская академия наук
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
- РГИА — Российский государственный исторический архив
- СПбГАСУ — Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
- ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
- ЦГАИПД — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
- ЦГАКФФД СПб — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга
- ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Александр Алексеевич

исследователь, выпускник «Института Петербурга» 1993 г.

Азовцева Ольга Маратовна

исследователь, член РОО «Институт Петербурга», выпускник 2019 г.

Выжевский Сергей Викторович

краевед, сотрудник Музея истории города Павловска

Гоголев Владимир Юрьевич

экскурсовод, выпускник «Института Петербурга» 2017 г.

Горбунов Николай Борисович

независимый исследователь, автор проекта литературной географии «Пе-
даль сцепления с реальностью»

Диюк Евгения Юрьевна

исследователь, выпускник «Института Петербурга» 2020 г.

Князькина Альбина Вячеславовна

краевед, председатель Совета РОО «Институт Петербурга», член правления Санкт-Петербургского Союза краеведов

Лисицына Анна Сергеевна

переводчик, исследователь, член РОО «Институт Петербурга», выпускник 2019 г.

Максимов Олег Алексеевич

независимый исследователь

Маркевич Варвара Александровна

историк, сотрудник Государственного Эрмитажа, член РОО «Институт Петербурга», выпускник 2019 г.

Тыхеева Ирина Юрьевна

экскурсовод, выпускник «Института Петербурга» 2018 г.

Филимонова Анна Владимировна

ведущий библиотекарь сектора краеведения МЦБС им. М. Ю. Лермонтова, член РОО «Институт Петербурга», выпускник 2020 г.

Для заметок